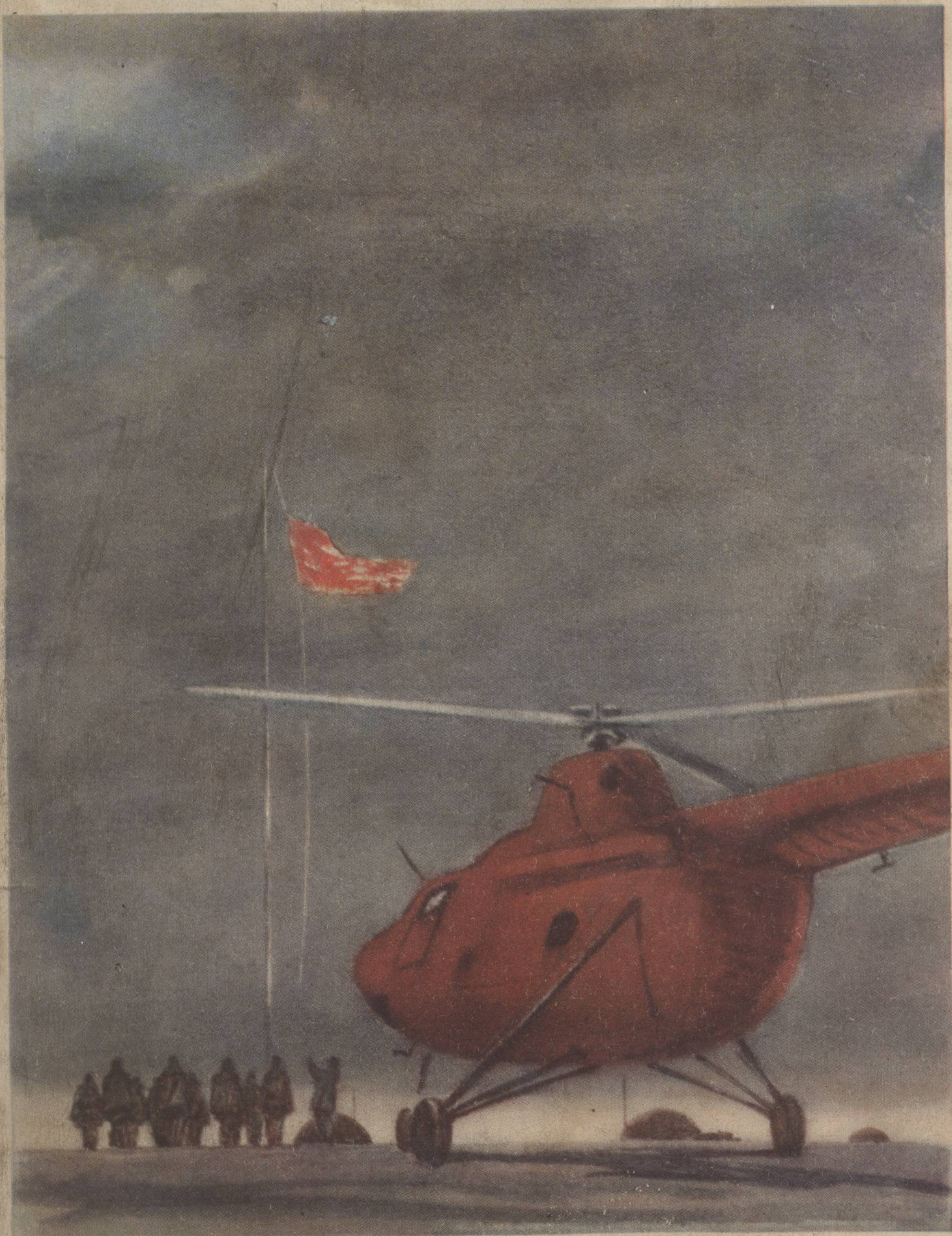
ПИОНЕР



НОЯБРЬ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1954 год 11



ПРАЗДНИЧНЫЙ КОНЦЕРТ. Рисунок Е. Афанасьевой.



ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ



№ 11 ноябрь 1954 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»



НА ПУТИ К КОММУНИЗМУ

Прошёл ещё один год с тех пор, как в нашей стране победила Великая Октябрьская социалистическая революция. Тридцать семь лет прожил наш народ без царя, без помещиков и капиталистов, в своём рабоче-крестьянском государстве.

Каждый год из этих тридцати семи по-своему величественный, яркий и значительный. Никогда не забудутся огненные годы гражданской войны, годы первых пятилеток, суровое время Отечественной войны и великий творческий труд нашего народа в послевоенные годы.

Тридцать седьмой год Советского государства — год, который мы с вами, ребята, только что прожили, был годом борьбы и побед, годом рождения новых открытий, годом новых трудовых подвигов.

Именно в этом году произошло событие, которое даже через тысячу лет люди на всём земном шаре будут считать началом новой эры в технике: дала ток первая в мире электростанция, работающая на освобождённой энергии атомного ядра. Сделан первый шаг, чтобы сказочную силу, заключённую в крохотном атоме, повернуть на службу мирному труду, удесятеряя этим могущество человека.

Весной этого года загудели тракторы на целинных землях Алтая, Казахстана, Поволжья, Кубани. Юноши и девушки, питомцы Ленинского комсомола, переселились сюда со всех концов страны, чтобы поднять целину, распахать, преобразить нетронутую землю, разбудить её плодородную силу. Миллионы гектаров новых полей колосистой пшеницы дали стране сильные и трудолюбивые руки комсомольцев.

Этой же весной советские самолёты высадили в центральной части полярного бассейна отважных исследователей — советских учёных-полярников. И с тех пор день за днём радио приносит на Большую землю вести о многочисленных научных открытиях и наблюдениях.

...Вошли в строй ещё две большие гидроэлектростанции: в Усть-Каменогорске и в Молотове. От них по проводам высоковольтных линий идёт ток — преображённая энергия Иртыша и Камы, величавых и раздольных русских рек. Эта энергия вспыхивает электрическими солнцами в штольнях рудников, бьёт из мартенов струёй расплавленной стали, поёт и звенит в электропилах лесорубов, стучит молотилками на колхозных токах.

В нынешнем году открылась Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. Уже миллионы людей побывали в её павильонах, на её показательных полях. Здесь собрано всё лучшее, чего достигли передовые труженики колхозных полей, всё лучшее, всё новое, чем Советская страна оснащает своё сельское хозяйство.

Опыт лучших на выставке становится достоянием всей страны.

...Новые заводы, новые машины, новые дома, новая техника стройки и новые способы обработки земли, новые виды тканей и новые сорта обуви — всё это плоды упорного, напряжённого труда и мысли миллионов советских людей.

Всё, что достигнуто за тридцать семь лет жизни Советского государства, не так легко и просто давалось нашему народу. Но мы идём вперёд, побеждая все трудности, к великой и светлой цели — коммунизму,— и ведёт нас могучая и мудрая наша Коммунистическая партия.



Савкино детство

Судьба батрачонка Савки — это судьба миллионов крестьянских ребят в старой, дореволюционной России. Такой мальчик действительно жил на свете. Автор не выдумал своего героя, он взял его из жизни. Это рассказ о детстве старого коммуниста Савелия Гавриловича Сапронова, героического участника борьбы за победу Великой Октябрьской революции, борьбы за освобождение трудового народа от угнетателей, за его счастье.

Н. Сапронова

Рисунки Б. Винокурова.

САВКА И БАБУШКА

У Савки было так много братьев и сестёр, столько рук тянулось всегда за столом к горячей картошке, что до шести лет он и пересчитать их не мог.

Знал только, что и свою руку надо вытягивать как можно дальше, чтобы поскорее ухватить картошку «с дымком». Конечно, без толкучки при этом не обходилось, но ведь есть-то хочется!

А вот бабка этого никак понять не могла! Требовала лоб перекрестить, под носом утереть и ждать, пока она сама раздаст картошку.

Но ждать Савка не мог. Руки тянулись к чашке сами собой. И наскоро водя правой рукой то по лбу, то по носу (и молился и нос утирал одновременно), левой Савка лез в чашку с картошкой. Однако бабушка тоже не дремала — делала два дела сразу: вынимала ложкой картошку из чашки и ложкой же стукала «поспешника» по лбу. И не для вида стукала, а на совесть: не меньше двух — трёх ложек в месяц разлеталось вдребезги о крепкие ребячьи лбы. А ложки бабушка выбирала себе добротные, толстоногие...

Долго после этого чесался лоб, чаще всего — савкин, а бабушка, обгорёвывая очередную погибшую ложку, бранила внуков своей особой, старушечьей беззлобной бранью: «Болит вас, разболит, пострелы-нагрешники!..» Бабушка-то, в общем, хорошая была. Восьмой десяток ей шёл, а она и обмывала всех, и обстирывала, и обед варила. За скотиной, правда, ходить ей не приходилось — не было скотины-то, а внуков было восемь человек. Савка сосчитал-таки к шести годам. Когда умерла мать, старшей, Марфе, было всего двенадцать лет, младшей — годок, а Савке — четыре.

Как жила мать и как умерла, Савка не заметил. Тихо и молча тащила она сквозь нужду и голод свою многодетную семью и так же молча, покорно умерла в два — три дня от какой-то «боли», ходившей по деревне.

Постоял Савка, ничего не понимая, возле тёплой ещё матери, послушал плач сестёр и стоны бабки и убежал от непонятной жути на речку. Там целый день ловил руками рыбёшку — речка-то по колено! — и наслаждался свободой.

Ни сестрёнки, ни бабка не шли его разыскивать и не вели с толчками домой. К вечеру он сам явился... Бабка, необычайно тихая, покормила его откуда-то взявшимся молоком («соседки принесли», — догадался Савка) и даже по голове погладила.

На другой день он тоже бегал, куда хотел. Похоронил мать — и опять на огород, на речку!..

Место матери в семье заняла бабка. Молча и без жалоб взвалила она на свои семидесятилетние плечи заботу о детворе. Попыталась было найти помощницу себе, детям мать — оженить отца. Невесту приглядели на деревне самую плохую — кособокую рябую девушку «в годах». Хорошая-то разве пойдёт на восьмерых сирот? Невеста пришла со своим отцом — «смотреть двор». Увидела всех ребят сразу (бабка одела всех их «в праздничное» и выстроила в ряд), заплакала и убежала.

Больше отец уж и не сватался... Он совсем духом пал после смерти жены. Приплетётся с работы (всё кулацкий хлеб, давно уже съеденный, отрабатывал), сядет к столу, схватится за голову и начнёт горевать: «Как жить? Как жить?! Хлеба нет, матери нет! Как детей теперь растить?! Ни земли, ни скотины!..»

Ребятишки на печке потихоньку заскулят, а бабушка всех сразу утихомирит: на внучат прикрикнет, а отца пристыдит, что разнюнился. Выпрямится, голос бодрый сделает и начнёт рассказывать, как она, баба-вдова, шестерых детей вырастила, да ещё при лютом барине, да в подневольном крепостном труде. Щенят барских своей грудью кормила, а своё дитя хлебную жёваную соску в это время сосало. «А у нас, гляди-ка, уж и не так плохо: Марфушку в няньки с весны отдадим, я и с Поляхой в огороде управлюсь (А Поляхе девять лет!). Петьке на то лето уже восемь будет, с тобой работать пойдёт, а там Савка подрастёт, малый он на диво кряжистый да сильный — вот тебе и работники, да ещё и в дом принесут за труды». Повеселеет отец, а о ребятах и говорить нечего: любили они бабушкины «всамделишные» рассказы больше сказок, да и не охотница она была до выдуманных сказок-то.

И трудный день, запнувшийся было на горестной вспышке отца, вновь покатится дальше своим чередом, вслед за другими, такими же похожими друг на друга, как зёрна ржи...

«Зерно к зерну — растёт ворошок, а день ко дню — будет годок...» Так и шли незаметно года, а с ними вырастали и дети.

Как большинство деревень того времени, савкина родная деревня была бедная-пребедная. На всю деревню было только две пары сапог. В этих сапогах женились все парни деревни и сразу же возвращали их хозяевам и переобувались в свою обычную обувь — лапти, плетённые из древесных лык, или чуни из верёвок.

Плохо жилось ребятишкам зимой. Одежды и обуви у малолетних нет, в избах холод, сидят ребята день и ночь на печке. От тесноты да от скуки толкаются там целый день. То подерутся, то поиграют, визг на печке не смолкает. А тут ещё и темнота: избы освещаются лучинами.

Но бабушка, наверное, как кошка, видит и в темноте: и домашние дела у неё идут по порядку, да и прясть ещё успевает. А постом, когда дни длиннее станут, ткёт.

Так прошло со смерти матери три зимы.

Последняя зима была лютая. Ребятишки, что поменьше, совсем затомились, на печках сидючи. В марте стали на солнышко выползать... Чуть живые, худые, вялые, как мухи после зимы, лица у всех серые. Попрыгают чуть-чуть по проталинкам — и опять на печку.

В апреле дело лучше пошло: ручьи побежали, травка кое-где выглянула, да и ноги притерпелись. Домой ребята забегали лишь мимоходом, ломоть хлеба ухватить — и сразу же опять на улицу, в луга, к речке!..

Однажды Савка с товарищами соорудил невиданной красоты мельницу на ручье. Мельница загромыхала, обдавая всех градом брызг... Совсем как настоящая! Ребячий восторг не поддавался описанию.

И вдруг Савку зовут в избу! Бабка зовёт... Эх! Через силу оторвался от игры, наказал младшим: «Храни бог — не испортить!» — и помчался на бабкин зов.

Вошёл — и уже с порога почуял недоброе.

Отец, всё утро где-то пропадавший, сидит у стола, понуря голову. Бабка, не в срок, собирает на стол и суетится, как в праздник.

— Ну, сынок, — сказал отец, глядя в сторону, — будет зря болтаться. Телушку я в Ольшаном подыскал. Нужно её растить. Да и сам знаешь, с хлебом никак не вытянем. Пойдёшь нонче в Ольшаное к Воропаеву в пастухи, а он за это телушку нашу в своё стадо возьмёт, да и тебе осенью тёплые онучи [1] даст. Я уж договорился.

А бабка весёлым, «нарочным» голосом, как бывало в горьком разговоре с отцом, добавила:

— А уж хлеба-то, хлеба поешь сколько, внучек! У кулака его много!..

Савка сразу уяснил себе, что его ждёт... Многие его товарищи, чуть постарше, уже батрачили. Значит, игре конец... Свободе конец. Конец бабкиной заботе и тёплому углу в родной избе. Но, однако, другого выхода нет, он не маленький, сам понимает. И, сразу повзрослевший, Савка сел с отцом за прощальный стол. Бабка говорила что-то ободряющее, потом долго крестила его со всех сторон, суя шапку в руки. Отец поддакивал ей, не глядя на сына. И вот они переступили порог...

Всё на улице показалось Савке теперь другим, чужим и скучным. Ребята, уже узнав-

---

[1] Онучи — суконные обмотки на ноги.

шие, в чём дело, смотрели на него издали, не звали играть... Сёстры попрощались с ним «за ручку», как со старшим.

Савкино детство кончилось. В семь с половиной лет начиналась работа по найму, батрачество.

КОНЕЦ ДЕТСТВУ

Деревня, где жили будущие савкины хозяева, была в двенадцати верстах.

Дорога шла то полем, то перелесками, то овражками, где ещё шумели глубокие и бурные весенние ручьи, а больше всего — логами, где сейчас стояли недолгие весенние топкие болотца. Нога там вязла по колено, и низины приходилось обходить огромными кругами, удлинявшими путь вдвое, а то и втрое. Отец с Савкой шли уже несколько часов. Савка постепенно забывал о конечной цели своего путешествия и всецело им наслаждался.

Солнце неутомимо гнало оставшийся снег, купая Савку в блаженной тёплой волне. Воздух пел тысячами жаворонков, и именно потому, что их были тысячи, пел он мощно, не смолкая... Неопытный глаз даже не видел певцов — казалось, пел сам воздух. Но Савка, не отрываясь, следил за крошечными комочками, быстро набирающими высоту и стремительно падающими вниз. У самой земли они вдруг делали головокружительный поворот и, почти коснувшись крылом земли, снова взмывали вверх.

Это было так свободно и легко, так захватывающе, что Савку тоже неудержимо потянуло вверх, в воздух, и он поскакал по дороге, стараясь подпрыгивать как можно выше. Только чуни мешали, тяжёлые от налипшей на них чернозёмной грязи.

Отец не ругался за баловство, не говорил обычного: «Нечего чуни зря трепать...» Он вспоминал своё первое пастушество, нестерпимый холод весенних и осенних ночей, в мокрой одежде, в чужом сарае. Пастушонка, как правило, не кладут в избе, там и без него тесно, да и к скотине надо ему поближе быть. Но хуже этого холода будет ему холод хозяйских глаз, которые отныне неотступно будут контролировать работу его рук, ног и рта. Им, этим глазам, каждый кусок хлеба, съеденный батраком, будет казаться в десять раз больше, а работа — в десять раз меньше. Они с первого же взгляда расценят его, батрака, как рабочую скотину, и, как из скотины, будут выжимать из него всю возможную выгоду. Будет и разница: у скотины силы берегут — скотина «своя», денег стоит, а батракову силу надорвать можно: одного прогнал, другого взял — вот и всё!

К вечеру показалась и деревня... Савка сразу присмирел. Деревня была богаче савкиной.



Два десятка глаз уставились на пришедших.

Широкая, длинная улица смотрела затаённо и враждебно в наступившей темноте. Со всех сторон Савку обступили наглухо закрытые крепкие ворота «круглых дворов».

Хаты в савкином краю строились лицом во двор, а к улице — задней стороной, без окон. Так что улица была слепая, без единого огонька. Но даже не видя хат, Савка по дворам чуял, что они богатые, горделивые, не чета их замшелой, кособокой хатёнке.

Ворота были уже закрыты на ночь, и за каждыми злобно и надрывисто хрипел и заливался один или несколько собачьих голосов: чужого учуяли. И Савка живо представил себе, как на заре, когда ворота откроют, все обладатели этих голосов высыпят на улицу и накинутся на него, так как этот «чужой» — именно он, семилетний Савка. Зачесались савкины старые собачьи укусы, забегали мурашки по спине, но он пренебрежительно шмыгнул носом и подтянул кверху сползшую верёвку на штанах: «Ладно, обойдётся!»

С таким видом он переступил и через порог хозяйской избы.

Два десятка глаз уставились на пришедших. Жевавшие рты перестали жевать, хотя и не ответили на приветствие савкиного отца.

Все глядели на Савку, а Савка — на старика за столом: как у того борода вся крошками засыпана.

Коренастая фигурка будущего пастуха понравилась хозяину: хоть мал, да кряжист — силёнка есть. Но савкин упорный, исподлобья взгляд вызвал недовольство: норовист. Ну, да обожмём.

БАТРАК

Кулак не ошибся: семилетний Савка оказался отличным подпаском.

Целый день с рассвета дотемна птицей носился он за проказливой хозяйской скотиной. Кругом пастбища кольцом лежали хозяйские и соседские — помещичьи — поля и манили скотину пышными всходами.

Савка уже отлично знал, что будет, если скотина туда заберётся.

Будет потрава.

Будет поимка и арест преступной коровы или овцы.

Будет грозный штраф и вопли и мольбы хозяина провинившейся коровы, если он бедняк, или наёмного пастушонка, если хозяин — кулак. И спина пастушонка навек запомнит, что такое потрава.

У Савки за всё лето не было ни одной заметной потравы, и этому благополучию спина его обязана была исключительно ногам. Неутомимо мелькали целый день — бесконечный летний день — его босые пятки по прошлогоднему жнивью. Чуни давно не выдержали, развалились. Зато пятки стали твёрдыми, как кость, вернее, как комки сухой, растрескавшейся земли. Только эти земляные растрескавшиеся пятки были живые, сочились по трещинам кровью... Их кололо нестерпимыми иглами, когда в трещины попадало колючее жнивьё.

Днём постоянное напряжение отвлекало внимание от боли, зато ночью она становилась просто нестерпимой. Пятки зудели, горели, чесались до слёз, до исступления. И когда падающий от усталости ребёнок забывался на мгновение сном, пятки тотчас же его будили и заставляли тереть их о землю. И так все ночи... И ничья рука за всё лето ни разу не прикоснулась к этим пяткам, не вымыла, не распарила, не смазала жиром глубокие трещины.

Бабушка была бесконечно далеко, как казалось Савке, а для хозяина он не человек и даже не скотина (той больные копыта смажут дёгтем), а нечто вроде кнутика у старшего пастуха. Кому какое дело, как даётся «кнутику» его работа!

Лето тянулось бесконечно долго...

Стадо, по уговору, пасут до тех пор, пока снег ляжет на землю. А его всё нет и нет...

Настали осенние, длинные, холодные ночи.

Покормив пастушонка объедками после ужина, его отправляют всё в тот же холодный сарай. Изветшавшая за лето одежда мокра до нитки от непрекращающегося весь день осеннего дождя. Укрыться нечем.

Савка приспособился зарываться в солому, «как поросёнок», по его собственному определению, и мгновенно засыпать там, дрожа от сырости и холода. А утром, когда согретая его телом нора только начинала давать ему блаженный отдых, приходилось снова выскакивать из неё в непросохшей одежде под грозные окрики хозяина. И «лентяй и дармоед», получив кусок хлеба на весь день, опять бежал за скотиной в поле.

ДОМОЙ!

Наконец выпал желанный снег, и за Савкой, а главное, за телушкой, пришёл отец.

Переночевав у знакомого бобыля, отец спозаранку был уже у кулака. Поклонился у порога. Объяснил цель прихода. Хозяева с ответом не торопились. Занимались своими делами, разговаривали меж собой, не глядя, проходили мимо, чтобы подчеркнуть своё пренебрежение к бедняку...

А отец всё стоял и ждал, переминаясь с ноги на ногу.

Савке и без того казалось, что прошло не одно лето, а долгая-предолгая жизнь, но эти последние минуты были невыносимей всего.

Неосознанная, но ядовитая ненависть к своему хозяину давила горло Савки, и, вспомнив бабкины напутственные слова о вольном хлебе у кулака, он сказал отцу злым, зазвеневшим голосом тут же, при хозяевах: «А про хлеб бабка зря врала — мало давали»,— за каковую «дерзость» кулак ему онучей и не дал — «в наказание». Впрочем, их и не видно было нигде при расставании, так что «дерзость», очевидно, была только предлогом.

Отец взял сына, взял телушку, поклонился и за себя и за Савку — малый смотрел волчонком, а глядишь, на весну придётся опять к тому же кулаку за семенами идти — и пошёл домой.

Та же дорога, что и весной, но не тот же Савка. Молча, угрюмо шёл мальчик возле отца и тяжело переживал первую обиду. Не

дал онучей хозяин! Обманул! А как Савка старался, как мечтал о них в холодные осенние дни, думал: вот-то тепло будет в школу ходить, на санках кататься. Эх!

Переступили отец и сын порог родной хаты.

Бабка молча взглянула на одичалого, грязного внука, на его ноги и голову и молчком же полезла в печку за кипятком. И когда на голову Савки, наскоро остриженную, полилась горячая вода, отмывая струпья расчёсов и обдавая кишевших там вшей, Савка понял, какая умная у него бабка. Она всё знала наперёд, знала, каков придёт Савка из хозяйской кабалы.

— Погорячей, бабушка! Чтобы вши-то полопались! — приговаривал Савка, блаженствуя.

И ему казалось, что вши действительно лопались, и, вспоминая всё зло, от них перенесённое, он торжествовал победу.

Долго мыла Савку бабушка, горячо мыла. Парила!

Долго блаженствовал Савка... Потом бабка одела его в отцовское — своего-то было только то, что на плечах! — и отправила на печь... «Такое бы счастье — да на всю жизнь», — только и успел подумать Савка и заснул.

Первая страница его трудовой книжки закрылась.

О ТЕЛУШКАХ И ХОЗЯЕВАХ

А отцу Савки, Гавриле Ермолаевичу, долго не давали покоя тяжёлые думы.

Вчерашний день весь целиком ушёл на ходьбу. Крепко хватала за ноги вязкая чернозёмная грязь; каждый шаг приходилось брать с бою, а шагов в двенадцати верстах многовато... Но отец шёл, не щадя сил, не замечая препятствий, видя перед собою лишь конечную цель своего пути и своей жизни — телушку. Это была не первая телушка, из которой он пытался вырастить корову. Взрослую, дойную бедняку разве купить?

Первую он взял под работу у соседа-кулака в первый же год своей женатой жизни. Как радовалась его молодая жена, ведя телушку домой! Как трудились в это лето их молодые, сильные руки, отрабатывая телушку и её будущий зимний корм! А телушка, перейдя с вольной кулацкой травы на выеденное и вытоптанное общинное пастбище, взяла да и зачахла...

За лето ни разу досыта не наевшись, она вошла в хлев на зимовку жалким заморышем, и холодный щелястый хлев докончил остальное: к февралю её не стало. С нею погибли труды хозяев, погибла мечта. Долго потом украдкой плакала «молодуха» и молча вздыхал «молодой»...

Через пять лет попытку повторили — кончилось тем же. Так и не узнали гавриловы ребята — а их было уже трое — вкус молока. А родители их и бабка частенько обходились и без хлеба: надо было оделить — хоть по кусочку — просящие детские рты.

Шли годы... Дети прибывали, как опята на пне. Бабка и днём и ночью нянчилась с внучатами; отец с матерью еле управлялись зарабатывать хлеб по людям. Мечта о корове померкла. А там умерла мать... С тех пор прошли четыре тяжких года...

И этой весной, вынянчив последнюю внучку, бабка настояла снова взять телушку — третью — последнюю в её жизни.

Всё было обдумано на семейных советах. Учтены все ошибки прошлых попыток и главная из них — пастьба на общинном пастбище. И семилетний Савка пошёл в полугодовую кабалу к кулаку за право для телушки пастись на просторном, свежетравном кулацком пастбище. «Выходится» телушка летом, наберёт сил — выдержит и зиму.

Все оставшиеся дома — от стара до мала — всеми силами и средствами готовили телушке зимовку. Бабка и пятилетняя Апроська обшарили за лето все межи, все канавы, собирая вручную, по кустику, траву на сено. Руки их от мозолей, земли и зелени стали похожи на куриные лапы, по выражению Апроськи, а старая бабкина спина долго потом не хотела разгибаться. Остальные дети и отец ходили на всякую работу по приглашению соседей, лишь бы заработать охапку сена или вязанку соломы.

И к зиме на задах двора выросла маленькая копёшка сена и побольше — соломы. Пожалуй, и хватит. Вот только хлев! Горе горькое!..

Старый, щелястый, с прогнувшейся крышей и покосившимися стенами хлев давно уже не поддавался никаким попыткам утепления. Сгнившие брёвна рассыпались в труху и не держали заплат, крыша грозила обвалом... Но трудолюбивые руки отца всё же ухитрялись латать, подпирать, связывать — и хлев стоял, наклонившись вбок и пестрея заплатами, как лоскутное одеяло. Снаружи его укрепили плетнём и подвалили навозу. Особенную изобретательность отец проявил в нынешнее лето, и если бы хлев мог удержать все вбитые в дыры пуки соломы и чурки, то телушка перезимовала бы беспечально. Но отец знал: кроме него, у хлева есть и другой хозяин — ветер; и тот всё переделает по-своему: расшатает брёвна, выбьет чурки, заново перетрусит ветхую солому крыши и вырвет оттуда соломенные затычки. А тут и дружок его явится — дождь. И начнут они вдвоём хозяйничать: один размывает, другой развевает — вот и дорожки в хлев проторены! А там уже обоим вольно станет и в хлеву хозяйничать: дождь будет коровушке спину поливать, а ветер сквозняком ей бока прохватывать. И той день ото дня тошней да тошней будет: вот и коровушка!..

Ежится отец от этих мыслей, а уйти от них некуда: мелкий неотвязный осенний дождь всё время их нашёптывает. Он давно уж смочил мешок, прикрывающий отцовскую голову и спину, и теперь пробирается за шиворот... Поползла по худой спине холодная струйка, но, и ощущая её, отец думает не о своей спине, а о телушкиной...

Тоскливa одинокому дорога меж пустынных осенних полей и хмурого неба. Идёт он средь них, как чужой, ненужный, непрошенный, и земля вешает ему на ноги пудовые гири, ходу не даёт. Еле плетётся путник, с трудом вытаскивая из грязи натруженные ноги, а ветер-озорник то мешок с головы сорвёт, то шапку, то разорвёт одним взмахом тучу и,



Молча и угрюмо шагает мальчик рядом с отцом.

воротясь вниз, распахнёт полы ветхого армяка и змеёй прильнёт к телу. И отец живо представляет себе, как этот ветер зимой будет куражиться над его телушкой. Ежится и вздрагивает измученный человек — от холода ли, от мыслей ли,— спешит, спешит... Дойти бы засветло!.. Взглянуть на телушку...

Но как ни понукал Гаврила Ермолаевич свои усталые ноги, засветло он не дошёл. Телушку в тот день не увидел: она уже стояла в хлеву, а беспокоить хозяев Ермолаич не посмел. Стал в раздумье перед закрытыми воротами кулацкого двора: к кому идти ночевать? Бедняков и в этой деревне было достаточно, и у любого из них нашёлся бы для отца угол. Но, влекомый всё той же неотвязной мыслью, он молча зашагал на самую окраину деревни. Там на отлёте стояла хата старика-бобыля, мимо которой, по расчётам отца, его телушка должна была ежедневно проходить на кулацкое пастбище. «Заприметил, чай, телушку-то: узнаю пока чего ни на есть». Всё сбылось так, как Ермолаич предполагал. Даже лучше: бобыль и расспросов не ждал, отлично понимая самочувствие гостя и всецело ему сочувствуя. И пока отец разувался, он успел уже порадовать его наиподробнейшим описанием превосходных качеств его телушки. Затем хозяин принёс для постели два снопа тощей, низкорослой ржаной соломы и поставил их по привычке к печке погреться, хотя печка не топилась с весны.

Поужинали холодной хозяйской картошкой (картошка варилась на крохотном очажке по утрам) и отцовым хлебом — у хозяина его не было: одинокий старик прихварывал и не мог съездить на мельницу смолоть мучицы из нового зерна.

Да оно и лучше: хлеб целей. Всё едино до новины наполовину не хватит.

— Где хватить! — поддержал отец.

Сказано это было обоими без всякого уныния, больше для сведения, чем для жалобы, и бедняки тотчас же переключились на другую, дорогую им обоим тему — на хозяйство с коровой.

— Корова, она, брат, и мучицы тебе добудет и сольцы. Снял сливочек, сбил маслица — на базар его! А оттуда ты привезёшь себе что надобно! А ребятишки-то и снятого молочка похлебают, всё одно белое! — говорил бобыль.

Долго и с одинаковым воодушевлением планировали они будущее хозяйство отца; причём бобыль-хозяин, для которого в жизни уже не было никаких перспектив, с такой радостью, теплотой и заботой строил эти перспективы для своего многодетного малознакомого ему гостя, что, слушая их, трудно было решить: кто же из них двоих является обладателем сокровища, именуемого телушкой?

Наконец, обговорив всё до мельчайших подробностей, оба уснули, крайне довольные беседой.

Утром хозяин проводил гостя к кулаку напутственными наставлениями и ободряющими рассуждениями:

— Насчёт хлева, брат, не сумлевайся. Наша мужицкая коровушка не барская неженка. Она, как наш брат-мужик, вынослива. Да и с кормами тоже: соломки не хватит — с хаты возьмёшь, с крыши. Корове-то, матушке, всё полезно, что в рот полезло... Все так делают...

И хотя в изветшалых крышах их изб пыли и гнили было куда больше, чем соломенного стебля, бедняки, убеждённые в выносливости

крестьянской коровы, как в своей собственной, считали и эту солому «кормом». На прощание бобыль пожелал отцу «хорошего расставания» с кулаком: зная по себе нравы кулаков, он ожидал от Воропаева какого-нибудь подвоха.

Опасение это, как вы знаете, оправдалось: кулак при расчёте обсчитал-таки пастушонка. Но обида мгновенно забылась, как только отец увидал телушку. Она превзошла все его ожидания своим ростом, здоровьем и упитанностью.

И отец — впервые со смерти жены — выпрямил по-молодому спину. Хоть на миг, а испытал он счастье человека, увидевшего свою мечту осуществлённой.

ОБРАТНАЯ ДОРОГА

Сначала отцу всё казалось превосходным. Телушка шла позади него грузной, коровьей поступью, проминая в густой чавкающей грязи глубокие ямки. Каждый рывок поводка или своевольная остановка, стронуть с которой упрямицу было нелегко, говорили о её силе, а потому были невыразимо приятны хозяину. Природа, как видно, тоже была на стороне отца: пухлые мокрые тучи, уж много дней нависавшие над полем, как грязное ватное одеяло, вдруг стали торопливо подбирать свои лохмотья. В сплошной пелене облаков появились прорехи, и в них заголубело небо. Ясный солнечный луч тотчас же стал выглядывать то из той, то из другой дыры, ободряюще подмигивая отцу; а тот, сняв шапку, подставлял ему голову. Отцу не впервой было искать у солнца и у земли успокоения от жизненных обид.

Великое дело — надежда на лучшее будущее! Она — как огонёк в лесу: видишь его перед собой — и нет усталости, ушло уныние, веришь: скоро конец трудного пути, близок отдых.

Так было у отца в начале пути. Потом откуда-то пришла тревога... Отец оглядывается на телушку — всё в порядке. Смотрит на тучи — тоже хорошо, до дому, знать, дойдут сухими. А глаза, помимо воли отца, всё чаще и чаще косят в сторону сына. И тревога растёт, затемняя радость. Отец пытается бороться с тревогой. Что случилось? Да ничего! Сын жив, вот он идёт рядом с отцом домой. Не жалуясь, месит босыми ногами непролазную осеннюю грязь. На хозяйские обиды тоже не жалуется, а их, чай, много было за полгода кабалы, отец по себе знает. Не ноет, не стонет. Но... и не радуется концу кабалы, не расспрашивает о доме...

Молча и угрюмо шагает мальчик рядом с отцом, безразлично глядя в сторону. Нет больше Савки, что пел и козликом скакал по весенней дороге. Идёт вместо него маленький, изведавший горечь жизни старичок и думает какую-то тяжкую думу. Потому и молчит, что думает. Как только понял это отец, так сыновья дума мгновенно завладела и его головой. Понятна она была отцу и без слов. И была она так черна, что вытеснила из отцовской головы все прежние думы. Замолк и отец. Так и шли полпути до дому молча. Только телушка время от времени мычала: тосковала по тёплому кулацкому хлеву.

НОЧЬ

Который уже час хозяйничает ночь в тёмной избе... Давно покорились ей ребята: спят. Неугомонную бабку — и ту уложила, а с отцом никак сладить не может. Он ворочается, кряхтит, ни усталость, ни сон его не берут. Ни сна, ни покоя не даёт горькая дума, та, что от сына к отцу в дороге перебралась. Таилась она в отцовской голове до ночи, а как всё затихло да последняя лучина догорела, так свой голос и подала: «За что сына обидели? За что мальчишку измучили? Он ли не работал?!» И пошла, и пошла... А на её голос и старые обиды откликнулись, и заклубились от них в голове горькие мысли о нужде, о несправедливости, тёмные, смутные, как чёрный туман.

Всё больше и больше их с каждым бессонным часом, всё труднее разобраться в их толчее бедной отцовской голове, не привыкшей к размышлениям.

Но вот под утро вспыхнула неясная, слабая искорка. Разгоралась тихим, ровным огоньком. Сдвинула с груди непомерно тяжёлый мешок с песком, давивший её всю ночь. Грудь задышала спокойней. Чёрные мысли, не выдержав света, отступили. Свет всё разгорался, разглаживая морщины на усталом лице. Наконец отец сел и, не выдержав в одиночку своей радости, окликнул бабку:

— Мать, а мать!

Та отозвалась тотчас же... Спала или не спала старая?

— Слышь-ка, мать: Савка-то наш боевой растёт — не мне чета! Не даст, чай, на себе воду возить кулакам! Вчерась, при прощанье, так и отрезал хозяевам: «Плохо, грит, кормили». Те аж поперхнулись, с мест повскакали, ей-ей! Хозяин, Данила-то, кричит на меня: «Бунтовщика растишь! Висельника!». А дед только заикается да бородой трясёт, а слова сказать не может: поперёк глотки, знать, савкин-то попрёк стал, накось, проглоти! — И отец неслышно засмеялся радостным, непривычным смехом, позабыв уже о своём вчерашнем смятении.

Бабка тотчас же подхватила и смех его и радость и, как всегда, умело поддержала огонёк. Огонёк всё разгорался, освещая будущее.

— В дороге-то я, мать, ругать его стал за дерзость эту, а он мне: «Погоди, дай выросту! Я покажу им, как людей обманывать!» Я ему про поклоны: богатому человеку поклон-де нужен, а он мне: «Не буду кланяться кулаку! И тебе не позволю, как выросту!» Каков сынок растёт, а, мать? — И отец опять тихо засмеялся тем же непривычным смехом.

Потом заговорила бабка, находя, как всегда, самые нужные слова для поддержания отцовской бодрости. Были вспомянуты качества и остальных детей:

— Ты не смотри, Гаврила, что Петька смирён, — в обиду и он себя не даст! Уж как старался Игнашка его обсчитать! А он стал у двери молчком да и простоял так до вечера, пока хозяин ему за труды не отдал. «И ночь, грит, простоял, а не ушёл бы без денег». Вот какой! А ведь ему всего одиннадцать годков было!

И Поляха, и Марфа, и Пашка, оказалось, были наделены задатками тех качеств, что

помогут прожить им без нищеты, а значит, и без поклонов кулакам: трудолюбивы, настойчивы, непоклонливы. Вспомянули и соседских детей — ай, сколько ещё растёт на свете таких же — смелых, сильных, непокорных! Долго длилась беседа... И вставали дети вокруг отца дружным необозримым кругом — свои, соседские, чужие, незнаемые,— и чувствовал себя отец среди них сильным их силой, смелым их смелостью. Улыбка ещё раз погладила его лицо, и усталые глаза сомкнулись... До следующего трудового дня!

А бабкин день уже начался.

Тихо, как мышь, возится она у печки. Проснутся ребята, а на чисто выскобленном столе уже будет дымиться картошка горячим ароматным паром. Позже всех учует сладкий пар савкин нос, а учуяв, примется будить хозяина: «Вставай, лежебока: картошка на столе!» За столом бабка по привычке проведёт рукой по савкиной голове — вихры пригладить, а вихров-то и нет, состригла вчера! — и улыбнётся своей милой, родной улыбкой...

А может, и ложкой по лбу стукнет, если заслужит того: всяко бывает!

САВКИН ПРАЗДНИК

Быстро тает осенний ночной ледок на земле, пока та ещё тёплая... Выглянет из-за туч скупое осеннее солнышко, пошарит по земле несмелыми косыми лучами — и нет льда: растаял! Потому и растаял, что в самой земле ещё летнее тепло держится.

Ещё быстрее тает ледок в детском сердце: ведь оно тёплое! Много холода нужно, чтобы его остудить, много лет неудач и разочарований... А у иных оно так и остаётся тёплым на всю жизнь, до самой смерти, несмотря ни на что. Такое сердце и у Савки было.

Проспал Савка ночь на тёплой отцовской печи, для него топленной! Погрелся бабкиной щедрой заботой и лаской скупой — и оттаяло детское сердчишко. Вот уж мчится он вперегонки с братьями к ушату — умываться... Трёт загорелую, облупившуюся рожицу и одним глазом на стол косит: много чего-то там наставлено, да и не картошкой пахнет!.. Пронырливая Апроська встаёт раньше всех и всегда всё знает. Сейчас она умывается вторично — «за компанию»,— а сама шепчет ребятам, тараща глаза и захлёбываясь от восторга:

— Пироги ш горохом, ш капуштой!.. И курёнок!

Праздничный вихрь подхватывает Савку. Тёмная изба кажется светлой.

— Бабушка, а праздник-то нынче какой?

— Большой, внучек! Большой! — серьёзно отвечает бабка.— Работник в семье прибавился...

Савка на секунду цепенеет и лишается дара слова: неужто о нём речь? Неужто он работник? Сладко замирает сердце, какие-то новые, большие думы мелькают в голове... Но долго раздумывать не приходится: ребята, толкаясь и ужимая друг друга на «плохие», далёкие от чашки места, уже рассаживаются за столом. Припоздавшему Савке достаётся место в конце стола. Но бабка легонько подталкивает его к отцу, сидящему по праву хозяина в «переднем углу», под иконами, и указывает глазами на свободное место рядом с ним. В переднем углу всегда свободно: там, кроме отца и гостей, никому сидеть не положено. Савка это отлично знает и нерешительно топчется, несмотря на приглашение бабки. Отец тихо смеётся, видя смущение сына, и говорит, хитро подмигивая глазом:

— Садись, сынок, садись! Нынче твой праздник, и ты же у нас гостем будешь: полгода дома-то не был.

Все ребятишки облегчённо вздыхают: конфликт улажен без нарушения традиций. Савка — нынче гость.

В это время являются Марфушка с Поляхой, уже «ходящие в няньках», и начинается завтрак. Нет, не завтрак, а пир горой. По уверению Петьки, «как у царей». Петька — грамотей, ходит в школу третий год, прочёл уйму сказок и в вопросе о царских повадках является авторитетом.

Долго семья наслаждается «царскими» пирогами, лапшой и курёнком... Не часто это случается в её жизни. Все сыты и довольны. Но вот бабка подаёт ещё пирог: круглый, с завитушками. Бабка режет его крест-накрест и раздаёт всем по маленькому треугольнику. Все пробуют и поражаются необыкновенной сладости начинки... Из чего она?

— Из яблок,— выражает предположение Марфуша.

— Откуда им быть! — резонно возражает Петька.

— Из моркови! Из мёду!

Не то! Не то! Наконец младший братишка, Пашка, не выдерживает тайны и возвещает:

— Из свёклы!

Хитрющая и вездесущая Апроська сплоховала на этот раз: дрыхла, когда бабушка ночью пироги стряпала, а Пашка — нет! И всё видел. Вот!

Завтрак кончен. Первым, как всегда, встаёт отец.

— Ну, мать, накормила ты нас нынче по-царски!

Видно, последний пирог заставил и его присоединиться к петькиному мнению.

— После такой еды и не разогнёшься, не то чтобы работать. Царям-то хорошо: поел да и в постельку! А вот как молотить пойдёшь с таким брюхом?!

— Протрясёшь,— смеётся бабка.— Небось, на ходу-то сразу всё на место уложится!

И точно: за столом Савке казалось, что он наелся по самое горло, даже дышать было трудно. А слез с лавки, стал стоймя — полегчало! Побежал для пробы — совсем хорошо! И тогда, крикнув остальным ребятам: «Айда к телушке!»,— Савка бросился вон из избы, накрещивая себя на бегу мелкими крестиками — таких больше получалось — и стараясь, чтобы бабушка их видела. Но сегодня та против обыкновения рассеянна и не замечает савкиных хитростей.

Кресты эти — просительные до еды и благодарственные после — были одной из неприятностей савкиной жизни. Савка никак не мог уяснить себе их необходимость и постоянно о них позабывал, так как не видел никакой связи между богом и едой: рожь сеял отец, а не бог и не на небе, а в поле. Картошку сажали бабка и старшие ребята на огороде. Убирали опять сами. При чём тут бог? Когда



Савка колет лучину и искоса наблюдает за братом.

среди зимы кончается свой хлеб, то отец и другие бедняки тащатся с санками не к богу за хлебом, а к кулакам. Те дадут мешок, а в новину отдавай два или работай «за одолжение» чуть ли не всё лето.

А после одного случая в савкиной жизни бог и вовсе вышел у него из доверия.

Так было дело...

Ушёл отец зимой хлеб добывать. Как всегда, в доме — хлеба ни куска. Одна картошка. А бабка взяла да и заболела... Лежит пластом, ребят не узнаёт, по ночам лопочет невесть что!.. Печка не топлена, есть нечего, ребята плачут с тоски и с голоду. И решил тогда Савка свести свои счёты с богом: много савкиных крестов накопилось, так пускай же за них бог хоть бабку поднимет с постели!.. И принялся Савка молить об этом бога. Сколько он новых крестов накрестил, да не чета нынешним, а настоящих: с толком, с чувством, вдавливая пальцы в лоб!.. Сколько хороших слов богу наговорил, все коленки поклонами отстукал, а бабка не встала... И хлеба ни корочки с неба не свалилось. Так бы и померли они либо замерзли, кабы не соседка Анисья. Узнала про их беду — хлеба добыла и печку топила каждый день, пока отец не пришёл. А бабка только к весне встала... Совсем пропали было.

Обиделся тогда Савка на бога. И теперь он крестится только для бабки, чтоб по затылку не щёлкала...

Но сегодня бабушка ничего не замечает, не провожает внуков обычными упрёками в недостатке благодарности к богу. Не суетится, не стучит рогачами.

Молча стоит она в опустевшей избе возле неубранного стола и думает... Вспоминает ли она свою первую работу у хозяев? Или думает о будущей, только что начавшейся работе своего внука? Кто знает! «Молод, не надорвать бы»,— предостерегающе говорит ей измождённый вид внука. «А как же иначе?» — говорит нужда. А бог молчит. Его хата с краю во всех бабкиных переживаниях. Нет от него беднякам поддержки, да и впредь не предвидится, как видно.

Тяжело вздыхает старая бабушкина грудь, и привычный крест ложится на неё вяло, мимоходом — тем же взмахом руки, что стирает скупые слёзы с глаз.

ШКОЛА ЖДЁТ

Следующий день был уже будничным. После завтрака отец и Петька стали собираться на работу: крыть крышу соседу. Савка живо оделся и стал у дверей с явным намерением идти с ними.

Вздохнула бабка, потупился отец. «Отдохнуть бы ему после такого лета»,— подумал каждый, но вслух не сказали ни слова.

Едоков-то десять, а земельный надел — на четыре «души» [1]. Значит, шестеро женских «душ» в семье самим законом обрекались на голодание, если семья не подработает добавочного хлеба у людей. А сейчас ещё телушка... О ней сердце болит больше всего.

---

[1] Царское правительство давало наделы только на «души мужского пола», и притом наделы были такие маленькие, что их еле хватало для прокормления одной «души».

Бабушка молча отыскала поясок и подпоясала Савку. Одёрнула кацавейку. Поправила шапку. Савка понял это молчаливое согласие и сразу оживился.

— Бабушка! А я старую-то солому с крыши на огород перетаскаю, если хозяин отдаст: телушке на подстилку годится! Бабушка! А я тебе...

— Ладно, ладно! — перебила бабка. — Иди уж... работник!

...Наступили трудные дни. Руки, ноги, спина не успевали за ночь отдохнуть, а с утра опять молотьба, возка снопов, кладка омётов... Возили лес, крыли крыши, копали погреба. Да мало ли на что годились работящие крестьянские руки!

И всё-таки дни мелькали, как воробьи на току. Никто их не считал. Только Петька, украдкой поглядывая на школу, соображал, сколько ребята пройдут без него, как догонять пройденное. Правда, сельские школы начинали занятия позже городских: по окончании уборки урожая, учитывая нужду в детских руках в хозяйстве. Но и при такой отсрочке далеко не все ребята являлись в срок: кто работал «на людей», опаздывал. По явке ребят можно было судить и о степени обеспеченности семьи. Петька всегда являлся одним из последних, а в этом году, верно, будет самым последним...

Наконец надобность в его детских руках миновала, и можно было подумать о школе.

Однажды за ужином отец сказал:

— Ну, Петька, шабаш работе! Завтра пойдёшь в школу.

Петька поперхнулся от радости... Плохо спал ночь и утром чуть свет, счастливый, полетел в школу, как на крыльях.

Савка побежал за ним вслед, проводить. А может, удастся и в окошко поглядеть, когда учитель станет к окну спиной.

Савка не смел и мечтать об ученье, пока учится Петька: двоим-то разве можно из хозяйства уходить? Отец и зимой ходит по людям, сёстры в няньках, дома одна мелкота. А теперь ещё и телушка!.. Где же бабке управиться?

Из школы Петька вернулся не такой весёлый, как ушёл... По арифметике многого не понял, хотя учитель говорил ясно и просто, как всегда, и остальные ребята отлично его понимали. Диктант написал с ошибками... Здорово отстал, значит...

А тут и ещё беда: встретил его учитель ласково, как всегда, но сам-то был уже не прежний, не весёлый, как в прошлые годы. Кашляет и говорить стал, задыхаясь.

Петька ждал, что оставит его учитель после уроков и начнёт подгонять с ним пройденное, как в прошлые годы. Но учитель еле довёл урок до конца: трясло его. Отпустил всех домой, а Петьку на минуту задержал за плечо и сказал, глядя ему в лицо с виноватой улыбкой: «Ты, Пётр, позанимайся сегодня дома, сам, без меня: нездоров я... Ребят поспрошай, сам подумай, малый ты мозговитый», — и, закашлявшись, ушёл за свою перегородку...

И вот теперь, наскоро пообедав, Петька уселся к окну готовить уроки. Прежде всего открыл задачник: Петька больше всего любил арифметику и с наслаждением занимался задачами. Бывало, с увлечением спорит сам с собой, если в чём сомневается, а докопавшись до сути, говорит с торжеством: «Ну вот: я тебе говорил, что решу!»

Но сегодня Петька молча и хмуро смотрит в задачник. В десятый раз читает условие задачи и ничего не понимает. Слова-то, конечно, понятные, знакомые: купили, продали, коровы, овцы, — но «души» задачи Петька не понимает. Пробует механически применить знакомые действия — получается чепуха: корова продаётся дешевле овцы и каждый раз по новой цене.

Петька уже не борется с задачей весело, как с добрым другом, а бьётся изо всех сил, как с злейшим врагом... И не может одолеть! Задача ускользает от Петьки, чужая, непонятная.

Петька угнетён...

Савка отлично понимает его состояние. Он колет лучину и искоса наблюдает за братом, но помочь ничем не может. Тогда он решается на крайнюю меру:

— Айда к телушке! А завтра ещё учителя послушаешь — и решишь!

Петька рад предложению... Напряжение разряжено...

Через неделю Петька входит в школьную колею, дружба с задачником восстанавливается.

Савкины дела хуже... Если бы кто знал, как ему хочется учиться! Как манят его к себе книги! Савка много раз пытался понять: каким способом книга говорит Петьке такие умные и интересные вещи? Заглядывал в книгу через петькино плечо, раз даже вынул книгу украдкой из сумки, но ничего, кроме крючков и кружков, не увидал.

Савка надеялся, что когда-нибудь книга заговорит и для него. Но пока что книга молчала...

И САВКА НЕ ОБСЕВОК В ПОЛЕ

Бабушка редко намечала себе цели, выходящие за пределы её ежедневных домашних дел. Но раз наметив, шла к избранной цели неуклонно, как бы труден ни был путь. Ещё в тот день, когда привели телушку, она надумала что-то и в последующий месяц упорно к чему-то готовилась, не говоря о том никому ни слова. Начала она с пересмотра старья, на каком спали за неимением постельных принадлежностей. Вырезала из каждого «обноска» более или менее крепкие места. Что-то кроила, шила. Закончив, долго беседовала о чём-то с отцом, когда ребята спали.

Утром Савка «ковырял» себе лапти. Апроська чистила с бабкой картошку. Отец, как всегда, задал телушке корму, принёс бабке воды, потом вдруг стал переодеваться в «праздничное»: старую, но чистую поддёвку, чистые обмотки и новые чуни... Ребята смотрели во все глаза: что дальше будет? Когда же отец попросил гребёнку и стал расчёсывать свои от бани до бани не чёсанные волосы, ребята застыли в изумлении и убедились окончательно, что что-то должно произойти.

И произошло! Отец сказал:

— Так я, мать, пошёл!

— Иди! Договаривайся! — ответила бабка.

Екнуло савкино сердчишко при этих словах. Заныли все летние болячки, зачесались пятки. Почему так рано? Зима ведь! Но он и виду не подал, что испугался. Не спросил: «С кем договариваться?» Только шмыгнул носом, по обыкновению. А когда отец вышел за дверь, втихомолку выскочил за ним следом: куда отец пойдёт?

А отец ушёл напрямик, через выгон... прямо к школе... К школе! Затрепетало савкино сердце, запрыгало! Заплясали босые ноги по осенней поздней грязи, пулей влетел он в избу. Бабка, улыбаясь, подманила молчком к себе (по лицу увидела, что догадался) и надела «обновку». Штаны были широки, пиджак длинен и из разных кусков, но всё тёплое и сшито крепко.

«Вот только онучей нет»,— подумал Савка, и затихшая было ненависть к кулаку вспыхнула с новой силой... Но радость пересилила.

А бабушка уже подавала ему холщовую сумку, заботливо сшитую для его будущих учебников, отцовскую шапку и новые портянки.

— Бабушка! А у меня и лапти новые! — ликовал Савка.— Я их уже доплёл... Только верёвочки привязать!

Бабка ещё вчера выкупала внука — а ему и невдомёк было, к чему! — и сейчас, одевши его в «обновы», любовалась будущим школьником.

Савка вертелся, как юла, метался по избе за различными принадлежностями своего костюма, опасаясь опоздать к приходу отца. Но вот сборы кончены... Савка чувствует себя таким нарядным, что ему даже совестно перед Пашкой: у того штаны худые-худые... Ему становится жаль Пашку, но он тотчас же находит выход.

— А я, как из школы-то приду, так и буду ему штаны давать, пущай носит на здоровье!

Тут он представляет себе маленького Пашку в длинных, волочащихся по полу штанах и заливается смехом...

В это время входит отец. По лицу его видно, что всё в порядке.

— Э-э! Да ты, Савка, готов уже?! Ну, пойдём, коли так: велел приводить, — весело сказал отец.

Радость, возбуждение, опрятная одежда помолодили его, и из хаты сейчас вышли два «добрых молодца», как сказал бы знаток сказок Петька.

На бугре показывается школа.

Савка начинает дрожать мелкой дрожью и прижимается к отцу, не отводя от школы расширенных глаз... Подходят к школе как раз во-время: там начинается перемена.

Переступают порог...

Савка настолько потрясён, что не отвечает на приветствие учителя, не замечает сдержанных смешков ребят, смеющихся над его растерянностью. Прячется за отцовскую спину.

— Ну, Сапронов-второй,— шутливо говорит учитель («первый-то — Петька», — соображает Савка),— садись вот тут: здесь твой класс,— и показывает на угол, где больше всего ребят.— А вот здесь ты будешь сидеть в будущем году, коли не заленишься: здесь второй класс. А вот здесь ты сядешь на третий год, если твоему отцу не заблагорассудится взять тебя из второго класса.

Учитель весел: он сегодня относительно здоров и, кроме того, всегда очень рад приходу нового ученика.

Перемена кончена.

Отец кланяется последними низкими поклонами и уходит.

Савка остаётся один...

Громадная комната поражает его своими размерами. Он никогда таких не видал. И если бы не тяжкий «дух», состоящий из кислого запаха непросыхающих овчин, заношенных портянок, ребячьих «невежеств» и дыхания полутораста человек, комната показалась бы Савке сказочным дворцом.



Савка сидит, приросший к месту, указанному учителем, боясь пошевелиться, боясь даже дышать.



Бабка стоит, прижав руки к груди.

В комнате тремя отдельными массивами располагались парты, ученики сидели тесно, бок о бок. Парты многоместные, на каждой от пяти до десяти ребят. Неудобно выходить к доске, ну да обычно этого и не требуется: у каждого своя маленькая грифельная доска. Тетради только у старших, остальным не полагается.

Одна группа парт отделена от другой широким проходом: это граница между отдельными владениями. Каждой группой парт владеет отдельный класс.

Группа первоклассников, в которой сидит Савка, самая многочисленная — человек восемьдесят или больше. Второклассников значительно меньше. «Читать выучился — и хватит»,— рассуждают родители и по окончании первого класса берут ребёнка из школы для помощи по хозяйству.

Но половина всё же остаётся продолжать образование ещё год. Дальше уж редко кто может позволить себе такую роскошь. Учащийся ребёнок — дома не помощник, а хлеба ему дай! Не вытягивает хозяйство десятилетнего иждивенца, и образование кончается. «Слава тебе, господи, два года мальчишку проучили, грамотей он у нас. Любую вывеску прочтёт». А о девчонках и не горевали, что не учатся... К чему им это? Умела бы в поле работать, прясть, ткать, а вывесок читать ей не придётся: во всей деревне одна лавчонка, да и та без вывески. И в последний класс попадало лишь пятнадцать — двадцать ребят.

Будет ли в числе их Савка?

Но Савка ни о чём этом сейчас не думает. Он сидит, приросши к месту, указанному ему учителем, боясь пошевелиться, боясь даже дышать. А кругом идёт новая, необычная жизнь: ребята, даже те, с которыми Савка неоднократно дрался на улицах и ежедневно играл, сейчас занимаются какими-то удивительно важными делами. На него и не смотрят. Зато Савка украдкой, стараясь никого не толкнуть, жадно заглядывает им под руки: что это они скребут грифельком по доске? Палочки... крючочки... Для чего? Савка не понимает, но проникается к ним невольным почтением...

Но вот учитель, закончив спрашивать второй класс и давши им задание — списать с книги «от сих до сих»,— переходит к первоклассникам. Им он уделяет времени больше всех, наблюдая одновременно и за двумя другими классами, чтобы те не сидели без дела. Увидит, что кончили, сейчас же даёт новое задание. Вот и сейчас: третий класс решает задачи, и учитель успевает заметить, кому из них задача трудна, и, переметнувшись на минуту из первого класса в третий, даёт нужное разъяснение. И сейчас же опять к первоклассникам!

Так дирижёр многоинструментального оркестра управляет им с высоты своего пульта. Но вряд ли и тому труднее!

Сейчас первоклассники читают.

«Бы-а-ба! Вы-а-ва! Ды-а-да!» Савка ничего не понимает, но не огорчается этим: так и должно быть. Ведь книга — это самая необыкновенная вещь, какую Савка знает, и постигнуть её можно тоже только каким-нибудь необыкновенным способом. «Бы-а-ба» и «вы-а-ва» кажутся Савке чем-то вроде заклинаний, заучив которые человек начинает читать.

Отпуская первоклассников, учитель сказал Савке:

— А ты, Сапронов, задержись-ка малость: я с тобой займусь.— И «вправлял ему мозги», по выражению Петьки, до тех пор, пока не был отпущен третий класс, что происходит через два часа после того, как отпустили первый.

На дорогу учитель стукнул Савку слегка по затылку и сказал:

— Ты, цыплок, тоже с мозгами, как и твой брат. Через месяц читать будешь!

Савка летел домой, не видя дороги...

— Бабушка... через месяц... я буду... читать! — закричал он, задыхаясь от бега, ещё с порога. Бабушка прижала его к себе на минутку, а отец сказал, счастливо смеясь:

— А я уж думал, что тебя для первого-то разу без обеда оставили, аль и вовсе — на ночёвку. Дай, думаю, ему кусок хлеба отнесу.

Все, смеясь, усаживаются за стол обедать: только и ждали Савку с Петькой.

САВКА УЧИТСЯ

Савка скоро перестал дичиться.

Учитель так дружелюбно и просто говорил с ребятами, так охотно отвечал на их вопросы, что Савка прильнул к нему всей душой. Жадно ловил он каждое его слово, переводя глаза в тот «класс», в каком занимался учитель. Но учитель тотчас же это замечал.

— Эй ты, льняная голова! (У Савки были белые, выгоревшие от солнца волосы.) Рано тебе на второй класс глаза пялить! Знай сверчок свой шесток! Пиши свои палочки!

И Савка виновато хватал грифелёк и с удвоенным старанием царапал палочки, высунув от усердия кончик языка.

Савка быстро разгадал тайну «бы-а-ба» и «вы-а-ва». И когда это произошло, он весь затрепетал от счастья, как исследователь, раскрывший одну из великих тайн природы. Да так оно и есть: разве грамота не величайшая тайна человеческого ума!

Свою первую страницу, самостоятельно прочитанную в классе, он перечитал потом дома всем по очереди: отцу, бабушке, братьям, Апроське и даже телушке.

С тех пор Савка читал всё, что попадалось под руку. Но найти печатное слово в савкиной деревне было нелегко. Школьная библиотека вся умещалась на одной полке учительского шкафчика.

В чахоточной груди учителя горел неугасимый огонь любви к детям, любви к народу. Он отдавал своим ученикам не только свой труд и время, но и часть своего скудного заработка, лишая себя самого необходимого, чтобы купить ребятам книги, будящие мысль, воспитывающие настоящего человека. И для самого учителя книга была и другом, и советчиком, и радостью.

Как учил первый савкин учитель своих учеников! Какие слова он находил, чтобы донести до детских сердец мысли о праве народа на свободу, на справедливость, на лучшую жизнь! Великая сила помогала ему забывать свою болезнь и щедро делить между детьми неугасимый огонь своего сердца, свою любовь к Родине, к её народу!

Как-то Савка рассказал ему случай с онучами. Учитель незаметно повернул ребячью мысль от обиды на кулака к сознанию необходимости борьбы с ним. И закончил речь наказом: «Учись, Савка! Без учёбы ни кулака, ни нужды не одолеешь!»

Зимой — учёба, с ранней весны до поздней осени — батрачество, так, чередуясь, пролетели три года... Как птицы мимо окна.

С окончанием Савкой школы в семье стало три работника — три батрака. Жить полегчало, но ненадолго: старшие дочери «заневестились», две сразу. Без приданого — хоть по пятнадцать рублей за каждой! — никто не возьмёт: богатому бедняцкие дочери не нужны, а у бедного жениха у самого ничего нет. С чем же жизнь женатую начинать? Пришлось семье расстаться с коровой... На «коровьи деньги» справили две свадьбы и два приданых.

Вскоре едоков в семье ещё меньше стало: две девочки помладше умерли «от горлышка» — болезнь такая ходила по деревне.

Отца с сыновьями звали на работу охотно — старательные люди! — и семья жила теперь, не голодая. Раньше жили куда хуже. Но Савка затосковал... Душа его рвалась на простор, к свету, к тем людям, о которых так хорошо рассказывалось в книжках учителя.

И Савка решил ехать на шахты... Для домашней работы отцовых и петькиных рук достаточно, а за приработком лучше уж под землю лезть, чем батрачить у кулаков. Подумали все вчетвером — отец, бабка, Петька, Савка — и одобрили это решение.



Отец, Петька и двое друзей-сверстников пошли провожать Савку до станции.

По совету свата, который сам в молодости был шахтёром, решили отправлять Савку тотчас же по окончании уборки, чтобы до холодов успел жизнь свою устроить, а то и замёрзнуть недолго.

Тот же сват обещал выправить Савке удостоверение в волости.

— Два годочка не хватает, ну, да не беда: за бутылку водки припишут...

И действительно, года Савке приписали.

ПРОЩАНИЕ

Быстро проходят последние дни уборки, и настаёт назначенный день отъезда.

С раннего утра в хату начинают приходить провожающие, родные и соседи. Женщины держатся возле бабки, мужчины обступают Савку. Каждый старается дать ему в дорогу какое-нибудь наставление, совет, предостережение. Савка смущён общим вниманием и тоскливо оглядывает углы родной избы. Среди взрослых, бородатых людей его небольшая, хоть и коренастая, фигурка выглядит совсем детской.

Савка отправляется в путь не один. С ним едет ещё парень с другого конца деревни, сын зажиточного крестьянина. Савкин конец деревни к станции ближе, но заходить за Савкой Андрей не будет. Во-первых, потому что богатому непристойно заходить за бедняком, а во-вторых, у Савки свои провожатые, а у Андрея свои. Те поедут на лошадях, а Савка со своими пойдёт пешком. Встреча назначена на станции. Андрею на лошади можно поехать к вечеру, вдоволь нагулявшись с гостями, а Савке надобно с утра: дорога трудная, грязь по колено, а до станции пятнадцать вёрст.

Савка уже одет по-дорожному.

— Ну, пора собираться,— говорит сват Аким; он человек бывалый и командует проводами.

Мужчины садятся на лавки у окон, женщины — на приступочки возле печки. Мужчины молчат, хмуро глядя в пол: думают, верно, о нужде, которая гонит их детей из дому за куском хлеба. О ней же, владычице, думают и бабы, утирая глаза. Посидели минуты две, встали.

Бабушка подала внуку холщовый мешочек с сухарями и десятком печёных яиц и припала к его голове.

На этот раз она плакала вволю, не сдерживая слёз... Знала, что прощается с внуком навсегда: об этом говорили ей её годы. Понимал это и Савка. И тоже плакал, не отирая и не скрывая слёз.

Бабушка ощупывает в последний раз зашитую в подкладку внукова пиджака трёшку — всё его достояние «на крайний случай» — и медяки в его кармане на расходы. Билет не предусмотрен: бедняк должен ехать «зайцем». Крестит последними безнадёжными крестами... Знает наперёд, что не спасут они внука ни от толчков кондуктора, когда тот будет вытаскивать Савку, «зайца», из-под лавки вагона, ни от голодной боли в животе, ни от холода. Не было ещё помощи божьей ни в каких случаях бабкиной жизни... Но она всё-таки молит о ней бога, жарко глядя на образа и покрывая грудь внука крестами.

Наконец все выходят из избы. Отец, Петька, двое друзей-сверстников провожают Савку до станции. Остальные остаются у околицы, глядя им вслед...

Долго видны на бледном осеннем небе тёмные фигуры людей: в чистом поле, как в море, далеко видно. Потом соседи один за другим расходятся.

А бабка всё стоит, прижавши старые руки к груди. Смотрит до тех пор, пока люди не превращаются в чёрные точки.

Но вот и их не видно...

Тяжело вздыхая и шатаясь не то от горя, не то от старости, идёт она домой...

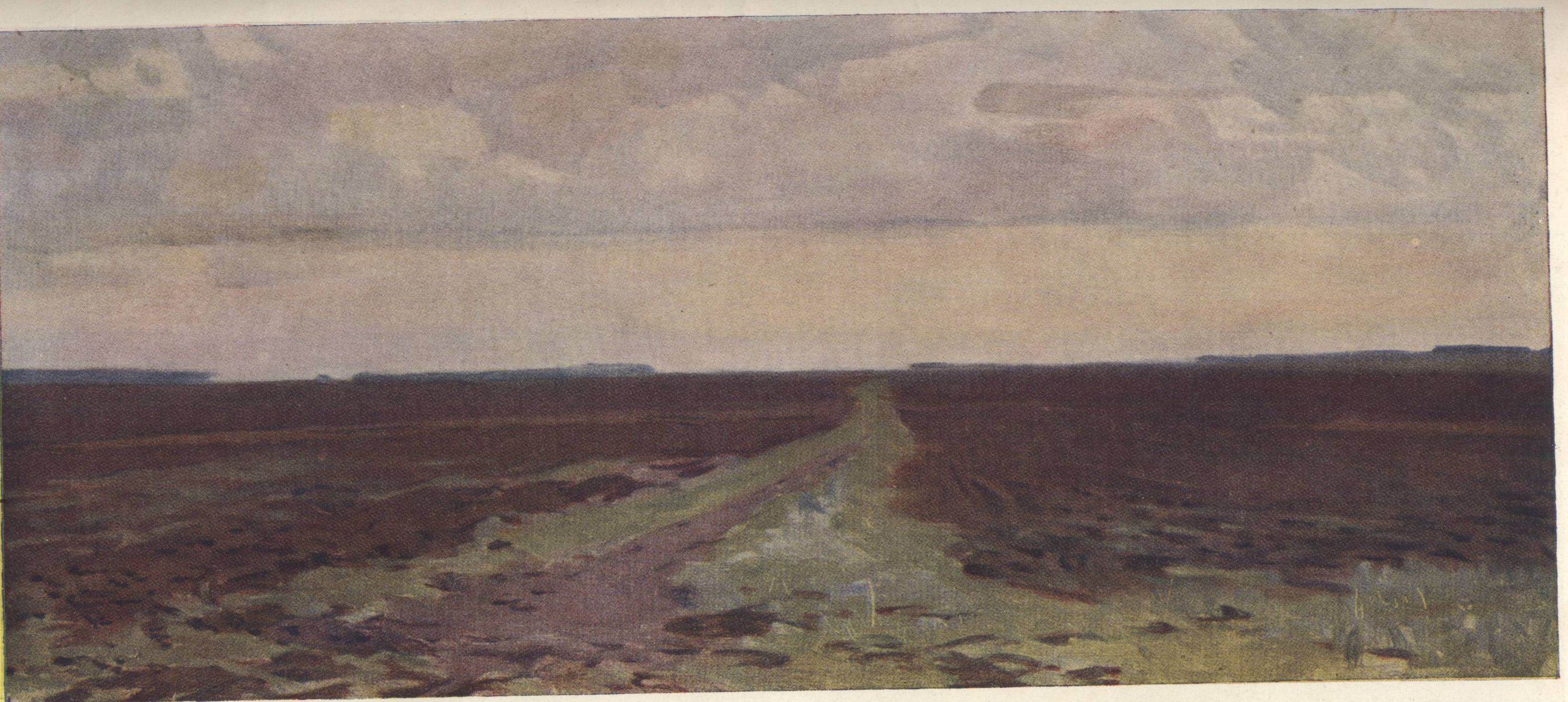
Она не обольщает себя надеждой на лёгкий успех внука в новой жизни. Подростки нередко уезжали из деревни на шахты, но редко кто достигал там благополучия. Большая часть теряла здоровье от каторжного труда. Многие гибли от аварий. А кое-кто попадал «на лёгкую дорожку» и делался завсегдатаем кабаков. И лишь немногим удавалось устроиться так, чтобы и семье высылать понемногу денег на хозяйство и самим жить, не голодая. В деревне долго обычно шли разговоры, когда кто-нибудь приезжал с шахты «в костюме и при часах». Это казалось верхом благополучия, добытого каторжным шахтёрским трудом.

Достигнет ли благополучия Савка, бабка не знала и не надеялась узнать. Оттого и разрывалось сейчас её старое сердце и судорожно прижимались к груди руки, столько поработавшие, чтобы вырастить внуков.

Но тревожилась она напрасно: у внука был её характер, он твёрдо шёл к намеченной цели.

Только цель его новой, самостоятельной жизни оказалась не та, о которой мечтала для него бабушка. Это было не личное благополучие. Хорошие люди с огнём в душе, такие же, как его первый учитель, встречались Савке на каждом повороте жизненного пути, и они помогли ему увидеть другую цель — счастье всего народа...

Как шёл к этой цели Савелий Сапронов, шахтёр, рабочий, моряк, большевик, как боролся он за свободу и счастье Родины, я расскажу как-нибудь в следующий раз.



Н. Чебаков.

ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА.

Этюды художника — всё равно что записная книжка писателя, куда заносятся для памяти краткие заметки, беглые впечатления. Только свои «записи» художник делает не авторучкой, а кистью и красками. Рассматривая этюды, мы будто сами путешествуем в тех краях, где побывал художник, и видим собственными глазами то, что видел он.

Нынче весной уехали на целину многие наши художники. Ведь это так интересно и так важно — отразить в своих произведениях сегодняшний день страны, показать то, что волнует каждого, показать первые шаги людей, преображающих безлюдные степи!

Вот этюд художника Н. Чебакова. Перед нами поднятая целина. До самого горизонта, сколько видит глаз, тёмными волнами лежит земля, распаханная молодыми трактористами. Вьётся среди новых полей дорожка, как вилась она и прежде по нетронутой степи, а степь-то уже не та! Смотришь на этюд — и ярко представляешь себе, как эта земля покрывается зелёным бархатом всходов.

А на следующей странице этюды художников В. Нечитайло и В. Басова. Первый этюд — «У вагончика». В таких вот вагончиках жили в степи всю весну трактористы. Отсюда выезжали они на пахоту, сюда возвращались, отработав свою смену.

Художник Басов показывает нам другую картину степной жизни: лагерь геодезистов. Тесным рядком встали палатки, варится походный обед над костром... А вот и сами исследователи. Они приехали сюда, в степной совхоз «Алтай», вести съёмки рельефа местности, чтобы легче было отыскивать грунтовые воды, выбирать подходящие места для рытья колодцев, выяснять причины заболачивания или засолонения почв.

Дальше, на другом этюде художника Нечитайло, — нераспаханная целина. Клонятся по ветру султаны сухих ковылей, как клонились и сотни лет назад. Но вдали видны самоходные комбайны. Значит, где-то здесь, рядом, за этим нетронутым островком целины, лежат пшеничные поля. Комбайны пришли сюда убирать первый урожай.

А чей это полотняный городок на этюде внизу? Это усадьба совхоза «Алтай». Как же молод ещё совхоз, разместившийся в палатках! Настанет время, вырастут здесь добротные дома, и тогда интересно будет старожилам совхоза вспомнить, как было здесь в первую весну, когда распахивались первые поля.

Если вы ещё раз перевернёте страницу, вы сможете и сами заглянуть в это будущее. Перед вами всё тот же совхоз «Алтай», но уже растут настоящие дома. Художник Басов, незадолго перед тем рисовавший полотняный городок совхоза, показывает в этом своём этюде рождение посёлка покорителей целины.



У ВАГОНЧИКА. В. Нечитайло.



ГЕОДЕЗИСТЫ В СОВХОЗЕ «АЛТАЙ». В. Басов.

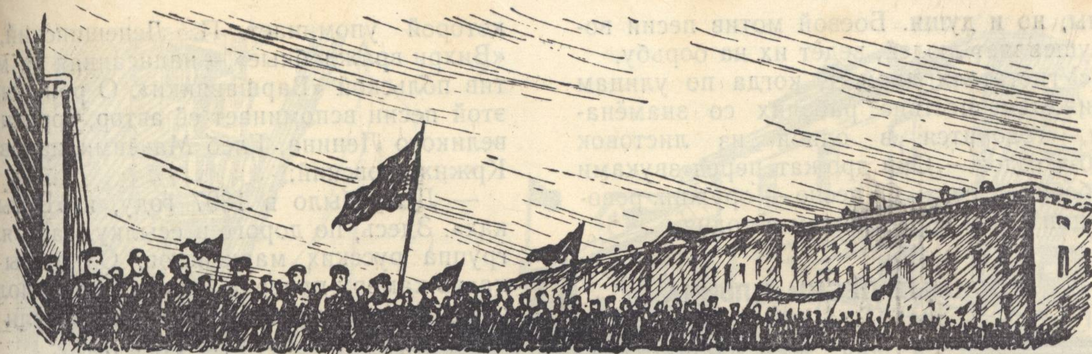
КОМБАЙНЫ В СТЕПИ. В. Нечитайло.



УСАДЬБА СОВХОЗА «АЛТАЙ». В. Басов.



СТРОИТЕЛЬСТВО НОВОГО ПОСЕЛКА СОВХОЗА «АЛТАЙ». В. Басов.



ПЕСНИ ПОБЕДНЫЕ

ОРУЖИЕ РЕВОЛЮЦИИ



Семидесятые годы прошлого столетия. Город, который именовался тогда Санкт-Петербургом.

По торцовой мостовой, задерживая нарядные экипажи, движется похоронная процессия. Юноши в студенческих шинелях несут бедный гроб, следом мерно шагают провожающие. Их много, и почти всё молодёжь: девушки в бурнусах и шапочках, низко надвинутых на лоб, студенты... Скорбно и торжественно звучит песня:

Замучен тяжёлой неволей,
Ты славною смертью почил...
В борьбе за народное дело
Ты голову честно сложил...

— Студента хоронят,— слышится в толпе.— В остроге, говорят, помер...

Процессия сворачивает за угол. В толпе недоумевают:

— Куда ж они? Не на кладбище разве?

Процессия направляется к зданию Петербургского окружного суда, где всё чаще приговаривают к каторге тех, кого одни называют «бунтовщиками», а другие — «заступниками народными».

Медленно и грозно проплывает мимо окон суда гроб с телом юноши, замученного в тюрьме. Чей-то молодой голос громко кричит:

— Глядите! Вот жертва вашего правосудия!

Свистки. К месту происшествия спешит полиция. Но процессия уже далеко, ветер доносит вещие слова о том, что скоро борцов-одиночек сменит мститель, могучий и гневный,— народ.

...Скоро из наших костей
Подымется мститель суровый,
И будет он нас посильней.

...А мститель уже подымался. В том же, 1877 году, в том же окружном суде слушается дело «о противозаконном сообществе и распространении преступных сочинений». В числе подсудимых плечистый человек в холщовой рубахе, не похожий на студента,— Пётр Алексеев, рабочий. Пророчески звучит его речь:

— Подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, ограждённое солдатскими штыками, разлетится в прах.

Слова Петра Алексеева вошли в историю. Но не всем известно, что в числе «преступных сочинений», найденных у Алексеева и предъявленных на суде как обвинительный документ, был «Песенник» — сборник «крамольных» песен.

Могучую силу революционной песни оценили и друзья и враги революции. Ещё в 1820 году во Франции некий прокурор, обвинявший автора «дерзких» песен поэта Беранже, заявил на суде, что песню нельзя щадить.

— Почему щадить её? — сказал он.— Потому ли, что она в состоянии снабдить лозунгами мятежи и восстания? Потому ли, что, быстро распространяясь, она одновременно проникает в город и деревню? Да, песня может заразить даже самый воздух, которым дышишь...

Прокурор, ненавидевший революцию, невольно сказал правду. Песня — верное оружие революции. Она понятна всем, легко запоминается и зажигает не только

умы, но и души. Боевой мотив песни воодушевляет людей, ведёт их на борьбу.

«Угнетатели дрожат, когда по улицам движется шествие рабочих со знамёнами,— говорится в одной из листовок 900-х годов.— Они дрожат перед звуками рабочих песен». О песне — оружии революции — мы и расскажем сегодня.

ЛЮБИМЫЕ ПЕСНИ ИЛЬИЧА



дин из наших старейших коммунистов, П. Лепешинский, вспоминает:

— Ильича хлебом не корми, а только подавай ему это самое: «Смело, товарищи, в ногу» или «Вихри враждебные». При этом он сам — основной элемент хора и очень темпераментный дирижёр. Его баритон с хриповатыми нотками покрывает все остальные голоса, а руки, энергично сжатые в кулаки, размашистыми движениями во все стороны играют роль дирижёрской палочки. И сколько огня, сколько революционного огня он вкладывает каждый раз всё в те же незатейливые слова:

...И водрузим над землёю
Красное знамя труда.

Песня «Смело, товарищи, в ногу» написана большевиком-подпольщиком Леонидом Петровичем Радиным. Он был одним из любимых учеников Менделеева, ему прочили блестящую научную карьеру. Однако он отказался от неё и посвятил себя революции. Короткая жизнь Радина прошла преимущественно в тюрьме и ссылке. В одиночке Таганской тюрьмы написал он свою песню, полную веры в силы народа и революцию:

...Время за дело приняться,
В бой поспешим поскорей.
Нашей ли рати бояться
Призрачной силы царей?

Песня намного пережила автора.

...Вышли мы все из народа,
Дети семьи трудовой,—

пели рабочие на баррикадах в 1905 году, солдаты, штурмовавшие Зимний дворец, бойцы из отрядов Ворошилова, Будённого, Чапаева...

В тюрьме сложилась и вторая песня, о которой упоминает П. Лепешинский,— «Вихри враждебные»,—написанная на мотив польской «Варшавянки». О рождении этой песни вспоминает её автор, соратник великого Ленина, Глеб Максимилианович Кржижановский:

— Дело было в 1897 году, в «Бутырках». Здесь, по дороге в ссылку, застряла группа русских марксистов. Однажды к нам в камеру привели «новичков» — польских революционеров. Поляки внесли в наше заточение свежую струю.

По целым дням мы разговаривали с ними о подпольной работе, горячо и дружески спорили, а вечерами пели русские и польские песни. Особенно понравилась всем польская революционная «Варшавянка».

Однако польские слова этой песни требовали решительной переделки для того, чтобы стать боевой песней нашего пролетариата.

Этой переделкой и пришлось мне заняться.

В конце марта 1897 года эта работа была закончена, а 25 марта была назначена отправка всей нашей группы в Сибирь.

Вот тут-то и получила наша «Варшавянка» своё боевое крещение. Накануне часа отправки мы встали в кружок и грянули хором нашу «Варшавянку». А у дверей мы поставили нашего товарища-силача, который своим могучим плечом подпирал железную дверь, в которую уже ломились жандармы.

Вихри враждебные веют над нами,
Тёмные силы нас злобно гнетут,—

пели мы, а «чёрные силы» в лице надзирателя стучали к нам в дверь, крича:

«Прекратить безобразие!»

Окна камеры были открыты, вся тюрьма слушала песню. Как вызов звучали слова:

В битве великой не сгинут бесследно
Павшие с честью во имя идей,
Их имена с нашей песнью победной
Станут священны мильонам людей.

«Молчать!» — кричали нам в дверь и со двора.

Но поляк-великан не покидал своего поста, и песня лилась, сотрясая стены тюрьмы:

На бой кровавый,
Святой и правый
Марш, марш вперёд,
Рабочий народ!

И пока песня не была допета, вражья свора не могла к нам ворваться.



На баррикадах в 1905 году грозно звучали революционные песни.

Обе песни — «Смело, товарищи, в ногу» и «Вихри враждебные» (иначе «Варшавянка») — нравились Владимиру Ильичу своим боевым духом. Он высоко ценил бодрость и силу революционной песни. Когда один из его соратников, Ольминский, добавил к заунывной «Дубинушке» строфу:

Новых песен я жду от родной стороны,
Но без горестных слёз, без рыданий,
Чтоб они, пролетарского гнева полны,
Зазвучали б призывом к восстанью,—

Владимир Ильич, по свидетельству старой большевички М. М. Эссен, сказал:

— Из всей «Дубинушки» нужно бы оставить только эти строчки.

МОГУЧАЯ СИЛА

Рассказ старой работницы



В Вышнем Волочке было несколько текстильных фабрик: кроме нашей, Рябушинской, ещё в Солдатской и в Ямской слободах. Отец мой и мать работали на Рябушинской. Жили мы в казармах при фабрике, вся семья в одной каморке, а было нас четырнадцать человек.

Вскоре, впрочем, нашей семьи поубавилось. За короткий срок мы схоронили отца, восемь братьев и двух сестёр. Все умерли от туберкулёза, или, как говорили тогда, от чахотки.

А что удивительного? Работаешь с малолетства по четырнадцати, а то и по восемнадцати часов, пища — хлеб да квас, теснота, холод. Как тут не зачахнуть?

Такая от всего этого тоска брала, такая злоба!.. Уйдём, бывало, в лес и запоём там нашу, ткацкую. Грустная была песня:

Грохот стоит, духота нестерпимая,
Доля ткача нелегка...

Наступил 1905 год. Волнения пошли по России. Слышим, то здесь, то там рабочие бастуют. А у нас всё то же: увольнения, штрафы. Директор у нас был такой жестокий человек. Чуть что: «Вон с фабрики! Получай расчёт!»

И вот рассчитал он таким манером обоих Павловых — мужа и жену. А у Павловых пять душ детей—мал мала меньше.

Тут всё у нас и закипело. Первыми поднялись мюльщики. Работа у них опасная, горячая, на мюльных машинах всегда самый боевой народ. Они закричали:

— Бросай работу!

Мы остановили станки. Сначала в прядилке, где Павлов уволенный работал. Потом вместе со слесарями и токарями пошли в ткацкий цех... Оттуда всем народом к директору:

— Выходи!.. Разговор есть!

Но разве будет он с нами разговаривать?!

— Что?! — кричит.— Бунтовать?! Сейчас вызову войска! Всех расстреляю! Расходись по домам, пока целы!

Стоим во дворе... Люди постарше, посмирней оробели:

— Может, и в самом деле лучше по домам, ребята?..

А молодые кричат:

— Не слушайте их!.. Пошли в Солдатскую, станки остановим!.. Груня, запевай!

— Отречёмся от старого мира,
Отряхнём его прах с наших ног,—

запела я.

Знала я эту песню давно, но тут вдруг все слова её для меня прояснились, точно с глаз пелена спала. Вот он — старый мир: директор, увольнения, вечный голод. Эх, сжечь бы этот мир да развеять в прах!

Идём по лесу к Солдатской слободе, к таким же, как мы, ткачам. Идём, поём, и я всей душой понимаю песню. Пою: «Тебе отдых — одна лишь могила» — и вспоминаю сестру, которая в прошлом году умерла... «Весь свой век недоимку готовь» — это про нас, про наши штрафы...

А потом как грянем мы все хором:

Не довольно ли вечного горя?!
Встанем, братья, повсюду зараз —
От Днепра и до Белого моря,
И Поволжье, и дальний Кавказ!

И в самом деле, вон сколько нас, рабочих! Если встанем все зараз, кто нас одолеет?

Так, с песней пришли мы в Солдатскую слободу, на фабрику, и там остановили станки. А оттуда двинулись дальше, к Ямской. Шли, смеялись, точно заново жить начали. Если бы стрелять в нас стали, мы бы не остановились тогда. Песня звала нас на борьбу:

Вставай, подымайся, рабочий народ!
Иди на врага, люд голодный!
Раздайся, клич мести народной!
Вперёд! Вперёд! Вперёд! Вперёд!
Вперёд!

Никогда не забыть мне, как пели мы эту песню, ведь тогда, в пятом году, впервые мы, рабочие, ощутили свою силу.

ГИМН КОММУНИСТОВ



емнадцатый год... На фронте, в окопах — немецкие рабочие и крестьяне, пригнанные на фронт императором Вильгельмом. Напротив них русские солдаты, тоже пришедшие сюда не по своей воле. И немецких и русских солдат дома ждут голодные семьи, невспаханная земля... Кому нужна эта бойня?..

И вот из русских окопов раздаётся песня. Сначала она звучит негромко, постепенно звуки её становятся увереннее:



Кончилась гражданская война. С песнями выходят комсомольцы на субботники восстанавливать разрушенное хозяйство.

Вставай, проклятьем заклеймённый,
Весь мир голодных и рабов...

Внезапно к поющим присоединяются голоса из немецких окопов:

...С Интернационалом
Воспрянет род людской.

Поёт многоголосый хор на русском и на немецком языках. И вот солдаты, немецкие и русские, выскакивают из окопов, обнимаются, целуются...

Писатель Фурманов рассказывает, как в годы гражданской войны чапаевцы, приблизившись к отрядам Колчака, запели «Интернационал»: «Повидимому, странное чувство испытывали колчаковские солдаты — они не стреляли».

Великую власть над волей и чувствами людей обрела песня, которую написал поэт-коммунар Эжен Потье. Недаром Ленин назвал автора «Интернационала» «одним из великих пропагандистов посредством песни».

«Интернационал» неотделим от Октябрьской революции, от завоеваний Октября, от побед нашего народа. Нет второй такой песни на земле.

В самые решительные и торжественные минуты жизни советские люди обращаются к партийному гимну — «Интернационалу».

«Это есть наш последний и решительный бой»,— пели солдаты и офицеры нашей армии, бросаясь в жестокие сражения с фашистами в дни Отечественной войны. С петлей, накинутой на шею, срывающимся голосом запел «Интернационал» обречённый на казнь четырнадцатилетний партизан Шура Чекалин. С «Интернационалом» шли в свой «последний, решительный», в смертный свой бой Ульяна Громова, Сергей Тюленин, Иван Земнухов и их друзья-молодогвардейцы. «Интернационал» звучал и будет звучать для всех нас голосом революции, голосом советской Родины, голосом партии...

НА КРЫЛЬЯХ ПЕСНИ



Морякм пели: «По морям, по волнам»; у красноармейцев были песни: «Белая армия, чёрный барон», «Мы красная кавалерия» и множество других. В заводских клубах слышалось: «Мы — кузнецы...» И только особой комсомольской песни не было.

Ещё в апреле 1922 года один молодой слесарь горячо убеждал молодого поэта Безыменского написать такую песню:

— Напиши, обязательно напиши! Чтобы заря утренняя была, и мы все, и фронты, и фабрики...

А вскоре после этого Александра Безыменского вызвали на бюро ЦК комсомола, или, как говорили тогда, Цекамола, и поручили ему написать в трёхнедельный срок гимн комсомольцев.

— Помни,— сказали Безыменскому,— сейчас три часа дня. Через три недели, ровно в три часа дня, ты нам читаешь текст комсомольского гимна. Если ж ты напишешь его раньше, вызывай нас в любое время дня и ночи...

Возвращаясь домой, поэт придумал первые строчки песни. Той же ночью в Цекамоле раздался телефонный звонок:

— Песня готова!

И тут же, ночью, было созвано бюро.

Это было странное собрание. Слушатели сидели на столах и подоконниках. А посредине стоял «докладчик» и пел.

Когда он допел последний куплет, его попросили повторить... Затем «Молодую гвардию» пело хором всё бюро. А к утру к хору присоединились жильцы из соседних квартир.

Через несколько дней песню знали все комсомольцы Москвы. Через несколько недель — молодёжь всей страны.

Прошли годы, полные бурных событий. Песня жила в стране. И по песне люди стали называть молодёжь, комсомольцев «молодой гвардией», связывая с этими словами представление о славных традициях комсомола. Боевое имя «Молодая гвардия» дали своей организации отважные юноши и девушки в захваченном врагами Краснодоне. Это название пролетело через десятилетия на крыльях песни.

И вы тоже, должно быть, любите песню «Молодая гвардия» и с волнением повторяете слова, которые пели и комсомольцы двадцатых годов и герои-краснодонцы:

Вперёд заре навстречу, товарищи в борьбе!
Штыками и картечью проложим путь себе...
Чтоб труд владыкой мира стал
И всех в одну семью спаял,
В бой, молодая гвардия рабочих и крестьян!

Ю. Новикова

НА НАШЕЙ УЛИЦЕ

Михаил Львовский

Рисунки В. Федяевской.

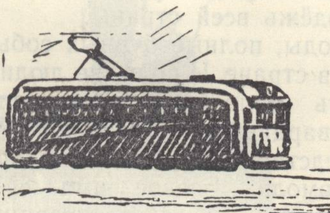




Машина шла во весь опор,
И снег слепил глаза,
Вдруг неожиданно шофёр
Нажал на тормоза.
Увидел он: над мостовой
Висит особый знак,—
И сразу опытной рукой
Переключил рычаг.
Теперь казалось, будто он
Совсем к рулю прирос,
И грузовик свои пять тонн
На цыпочках понёс...



Трамвай на стыках грохотал
И стёклами гремел,
Но вот, попав на наш квартал,
Он тоже присмирел.
Сдержать колёс упрямый бег
Из всех стараясь сил,
Он только искру в талый снег
Случайно обронил.





Стоит такая тишина
На улице у нас,
Что даже оттепель слышна
Бывает здесь подчас.
Чтоб шумом нам не помешать,
Чтоб легче было мне
Задачи трудные решать
В привычной тишине,
Водитель тут не даст гудок,
Мотор не заревёт;
Висит над улицей значок:
«Здесь школа! Тихий ход!»







ВЫ НА ЛЫЖАХ БЫВАЛИ В ЛЕСУ?

Вы на лыжах бывали в лесу?
В снежной чаще встречали лису?
Ну, а в поле бывали?
Чей там след увидали?

Вы ходили в далёкий поход,
Вы слыхали, как ветер поёт,
Как трещат от мороза
Молодые берёзы?



Вы в снегу разжигали костёр?
Вы спускаться умеете с гор?
Вы на речку ходили?
Вы на озере были?

Если нет, собирайтесь скорей
Всем звеном,
Всем отрядом,
Дружиною всей!



Мы в походах бывали,
Мы такое видали,
Что нам жалко теперь тех ребят,
Которые дома сидят.



Атлантическая повесть



Мирослав Жулавский

Рисунки А. Кокорина.

Пасхальные каникулы выпали на начало апреля. В эту пору океан ещё бурлит, но Ланды[1] уже дышат весной.

Леса, растянувшиеся вдоль всего Западного побережья Франции, как бы потягиваясь после зимнего сна, греются в лучах солнца. По утрам порывистый океанский ветер вздымает в небо жёлтое облако легчайших пылинок. Они оседают затем на деревьях, лесных дорогах и дюнах, на крышах немногочисленных селений. Золотистая пыль носится в воздухе, меняет цвет весеннего неба, заслоняет солнце, окрашивает вершины деревьев, словно их облили мёдом.

Цветут миллионы сосен. На лесных полянах распускаются кусты густой сирени, а в палисадниках лесорубов покрываются цветами магнолии. На пнях пробковых дубов лопается кора. Горячая смола каплями стекает в маленькие глиняные мисочки, подвязанные к надрезанным соснам. А когда вечерняя прохлада сменяет дневную жару, летучие пески больших дюн чуть слышно поют...



«Атлантическую повесть» написал известный польский писатель, лауреат Государственной премии Мирослав Жулавский.

В годы оккупации Польши гитлеровскими войсками М. Жулавский активно участвовал в движении сопротивления. За это он был награждён высшими польскими орденами. После освобождения страны от фашистских захватчиков М. Жулавский работал в польских посольствах в Париже и Праге. В эти годы он написал романы «Последняя Европа» и «Красная река».

Примерно на половине пути между Бордо и Биаррицем, в самом сердце Ланд, среди озёр и песчаных холмов побережья, лежит маленький лесной посёлок Мимизан — несколько десятков домов, построенных на песчаной поляне. В Мимизане нет никаких достопримечательностей, кроме старой, разрушенной церкви и памятника воинам, павшим в двух мировых войнах. Ближе к берегу высится небольшая фабрика по переработке смолы. На ней работает почти всё взрослое население Мимизана, в котором всего-то не более пяти сотен жителей.

А дальше, в шести километрах к западу, на самых дюнах, у открытого океана, приютилось крохотное дачное местечко Мимизан-Пляж. Летом оно полно приезжих,

[1] Ланды — низменная, равнинная местность на Атлантическом побережье Франции.

но ранней весной в нём пусто и ветрено; высокие волны океана заливают тогда пляж до самых песчаных холмов — естественной границы больших приливов. В это время года на всём пляже безраздельно господствуют солнце, ветер и бурные волны Атлантического океана.

Бернар Оливье приехал в Мимизан-Пляж с родителями на пасхальные каникулы. Ему уже исполнилось тринадцать лет, и он учился в Бордоском лицее. Отец Бернара, известный в городе врач, имел в Мимизан-Пляже небольшую дачу. Вопреки традиции бордоских богачей, отдыхающих только в Аркашоне, доктор Оливье любил Мимизан-Пляж и обычно проводил там субботу и воскресенье. Больше всего доктор Оливье любил открытый океан с крутыми волнами и прямую линию побережья. На всём Серебряном берегу — как называют ещё Западное побережье Франции — трудно было найти океан более открытый, волны более крутые и линию побережья более прямую, чем в Мимизан-Пляже. Сидя на дюнах, доктор Оливье часами созерцал океан, слушая гул отливов и приливов. Мать Бернара, госпожа Оливье, не любила океана: оттуда дули ветры, вызывавшие у неё мигрень. Однако она настолько привыкла жить сообразно склонностям мужа, что ей и в голову не приходило предложить поездку на Средиземное море, где весной не бывает ветров и где у неё не болела бы голова.

Бернар не представлял себе места более чудесного, чем Мимизан-Пляж. Он проводил здесь с родителями все свои каникулы. Весной Мимизан-Пляж безлюден, чистенькие домики среди сосен наглухо заколочены. Немногочисленные постоянные жители дачного посёлка уезжают на пасху в города, к родным или друзьям. Перед отъездом они старательно опускают на окнах жалюзи, чтобы уберечь домашнюю утварь от солнечных лучей. Поэтому пасхальные праздники семейство Оливье обычно проводило тихо, в тесном семейном кругу. Бернар гулял с родителями вдоль пустынного пляжа, где ещё не было тех разноцветных полотняных ширм, которые в разгар летнего сезона укрывают дачников от ветра. Бернар немного скучал, потому что ещё нельзя было ни купаться в море, ни охотиться на скатов с ружьём для подводной стрельбы. Он скорее предпочитал гулять в лесу, где можно было, по крайней мере, воображать себя индейцем и стрелять из лука в сосновые пни.

Бернар любил своих родителей и очень радовался, когда они брали его с собой в Мимизан-Пляж. Но он остро чувствовал отсутствие товарищей, без которых для мальчика его возраста нет ни подлинных каникул, ни подлинного праздника, ни подлинных забав. Трудно требовать, чтобы отец, важный господин с брюшком и в очках, носился по песчаным холмам, как арабский всадник, или незаметно пробирался от сосны к сосне, как краснокожий. Трудно требовать и от мамы, хотя она и лучше всех на свете, чтобы ей, как Бернару, нравилось часами лежать на опавшей хвое в шалаше из веток. Бернар пробовал заниматься этим один, но такая игра быстро ему надоедала. Ибо игра, как и беседа, требует партнёра. И потому, несмотря на то, что у него были лук и пневматический пистолет, Бернар скучал.

После обеда доктор Оливье располагался на веранде, вытянувшись на кушетке, а госпожа Оливье со своим рукодельем усаживалась тут же в глубокое кресло. Доктор быстро засыпал и дремал около полутора часов. Госпожа Оливье в это время вязала на спицах, изредка бросая на мужа заботливый взгляд.

Эти часы для Бернара были самым худшим временем дня. Он совершенно не знал, чем ему заняться: вертелся около дома, выбегал на пустую, залитую солнцем песчаную улочку, швырял камнями в греющихся на солнце котов. Наконец, он подкрадывался по-индейски к веранде и следил, как золотая пыль цветущих сосен оседает на лысину спящего отца. Пыльца эта была всюду: она покрывала полы, утварь и обувь, носилась в воздухе, проникала сквозь закрытые ставни. В те несколько весенних дней, когда цвели леса, всё вокруг приобретало золотистый оттенок, даже океанские волны; по ночам, когда ветер менял направление и дул с суши, он доносил до них жёлтую пыль цветения.

Однажды после полудня, когда солнце грело особенно сильно, Бернар выскользнул из дому и побежал на пляж. Было время большого отлива, и пляж показался ему огромным и широким, как никогда. Океан шумел далеко, сверкая на солнце белыми гривами волн, громоздя их на горизонте, словно жирные белые полосы, нарисованные одна над другой на фоне неба.

Нет на океане ничего интереснее отливов. Можно далеко брести по песку, кото-

рый ещё минуту назад был морским дном, можно искать раков-отшельников и раковины или гоняться за неуклюже удирающими крабами.

И Бернар бросился следом за уходившим морем. Он, несомненно, догнал бы его, несмотря на то, что песок под его ногами становился всё более мокрым и вязким, если бы не споткнулся обо что-то и не растянулся во весь рост. В ту минуту, когда он ткнулся лицом в песок, он ясно услышал, как что-то тяжёлое с чавканьем опустилось рядом с ним. Бернар стряхнул с лица песок и поднял голову. Взгляд его встретился с парой холодных, ужасных глаз. Он почувствовал, как у него зашевелились волосы от страха. В двух шагах от его лица, в мокром песке, слегка приподнятый на своих отвратительных щупальцах, как бы на корточках, сидел спрут. Бернар взвизгнул так пронзительно, что головоногое страшилище сжалось, словно приготовилось прыгнуть.

— Не бойся. Он не кусается.

Бернар обернулся. Около него стоял мальчик немного побольше, чем он сам, с объёмистой сумкой в руке. Бернар вскочил красный, как мак.

Мальчик подошёл к спруту, ловко схватил его за туловище и вытащил у него изо рта крючок. Только теперь Бернар заметил, что спрут просто попался на крючок, привязанный леской к колышку, вбитому в морское дно.

— Небось, испугался? — сказал мальчик.— Ты быстро бежал и зацепился за леску. А этот спрут уже был на крючке и потянулся за тобой. Даже смешно смотреть было: как будто бы он прыгал и хотел тебя догнать... Да ты не бойся, они не вредные. Конечно, они отвратительно выглядят, зато очень вкусные.

— А ты их здесь ловишь? — спросил Бернар, оправившись от стыда.

— Ага! Сейчас привяжу к колышкам лески с крючками и на них насажу приманку. Когда будет прилив, спруты и скаты вернутся сюда. Они ищут корм возле берега. А во время отлива я опять приду и проверю, что попалось.

Бернар внимательно приглядывался к мальчику. Он был выше и казался сильнее Бернара, вероятно, он был годом — двумя старше. На нём были засученные вельветовые штаны и грязный свитер в полоску. Из-под старого берета выбивались космы давно не чёсанных волос.

Бернар деловито посмотрел на крючок, который мальчик всё ещё держал в руке.

Какую ты приманку насаживаешь?

Мальчик полез в сумку.



Бернар обернулся. Около него стоял мальчик с объёмистой сумкой в руках.

— Головы макрелей. Видишь?

Он вытащил из сумки рыбью голову и насадил её на крючок. Потом старательно уложил леску по направлению к морю. Бернар заметил, что его сумка была основательно набита.

— Ты сегодня что-нибудь поймал?

— Двух спрутов и трёх скатов. Хороший улов! Сейчас отливы большие, и, когда вода прибывает, крючки заплывают далеко в море. Хочешь, насадим вместе свежую приманку? Тебя как звать?

— Бернар. А тебя?

— Гастон. Смотри, не спутай лески.

Пройдя несколько шагов, Гастон поднял с песка пустой крючок.

— Видишь? Съели приманку, твари! Знаешь, попадаются такие догадливые, что обдерут с крючка приманку и сожрут её, а крючка не тронут.

Он посмотрел в сторону моря, находившегося от них на расстоянии полёта камня.

— Знаешь, что? Давай вобьём колышки подальше от берега, поближе к морю. Отлив сегодня ещё больше. Поможешь мне?

Вдвоём работа пошла живее. Когда они вбили последний колышек, неожиданно плеснула большая волна и окатила их чуть не до пояса. Гастон рассмеялся, будто услышал удачную шутку.

— Побежали? Начинается прилив.

Большие волны возвращались с рёвом. Бернар и Гастон побежали что есть силы. Добравшись до сухого берега, они уселись на высокой дюне и стали глядеть на прилив.

— Наши крючки уже в море! — минуту спустя крикнул Бернар. Посмотрев на Гастона, он смутился и поправился: — Твои крючки.

— Крючки будут наши,— возразил Гастон.— Будем закидывать их вместе. Только то, что поймается, будет моё.— Он серьёзно взглянул на Бернара.— Я должен приносить всё это тётке, и столько, чтобы хватило. Понимаешь?..

— Значит, ты живёшь здесь не с родителями? — спросил Бернар.

Гастон нахмурился.

— Нет, не с родителями. Я живу у дяди, смолокура.

— А я езжу сюда на каникулы каждый год. Удивительно, что я не встретил тебя до сих пор.

Гастон нахмурился ещё сильнее и принялся вертеть прутиком дырку в песке.

— Я в Мимизане живу только с Нового года...

— А где ты до этого жил?

— В Монт-де-Марсане.

— С семьёй дяди?

Гастон отбросил пруг и внезапно поднялся.

— Нет, с родителями. А тебе не пора? Получишь дома нагоняй.

Он говорил резко, почти грубо. Бернару стало неловко.

— Не бойся, не получу,— сказал он неуверенно.— Не понимаю, почему ты сердишься?

Гастон отвернулся, притворившись, что смотрит на море. Видимо, ему тоже стало неприятно.

— С чего ты взял, что я сержусь? Мне ещё порядочно тащиться до дома. А завтра чуть свет надо снова быть здесь. Ангел-хранитель вместо меня за крючками не присмотрит. Думаешь, это интересно?

Бернар молчал, что-то обдумывая.

— Слушай,— сказал он наконец,— если хочешь, я приду завтра утром осмотреть крючки вместо тебя. Я живу в двух шагах отсюда.

Гастон посмотрел на него с недоверием.

— Да надо не утром, а на рассвете. Отлив будет около четырёх часов утра. Ты проспишь.

— Не просплю!

— Всё равно не справишься: побоишься спрутов.

Бернар слегка покраснел.

— Справлюсь, не бойся. Я видел, как это делается. А спрутов я не боюсь, я только этого немного испугался, потому что он как-то неожиданно... В Бретани я ловил спрутов голыми руками...

— А где ты возьмёшь рыбьи головы на приманку?

Бернар смущённо посмотрел на Гастона.

— Ну, видишь! — торжествующе сказал Гастон.

Но Бернар вдруг подпрыгнул и захлопал в ладоши.

— Есть!

— Что есть?

— Макрели! Они будут сегодня на ужин. Я видел, как их утром принесли на кухню.

— Ну и что с того?

— Как что? Поотрываю у них головы!

Гастон пожал плечами.

— У жареных макрелей? Спруты и скаты не едят макрелей на маргарине.

— А я оторву у них головы до того, как их изжарят!

— Тебе не позволят. Макрели жарятся с головами.

— Позволят. Ты моих стариков не знаешь.

Гастон некоторое время раздумывал, поглядывая на Бернара.

— Слушай,— наконец сказал он,— если ты завалишь это дело, не снимешь улова и не насадишь новой приманки, мне попадёт дома из-за тебя. С тёткой шутки плохи.

— Я не подведу. Даю слово. Можешь придти позднее, после завтрака.

— Ну, смотри! Если опоздаешь, на крючках ничего не найдёшь. Морские птицы оберут их вместо тебя. Даёшь слово?

— Даю!

— Ну, тогда помни. В конце концов это только один раз. Отлив с каждым днём начинается позже.

Он посмотрел на море, подступавшее с каждой новой волной всё ближе.

— Который час?

Бернар взглянул на свои ручные часы.

— Половина пятого.

— Эх, красивые часы у тебя! С секундомером?

— С секундомером. На, посмотри.

— Да-а... Ну, надо идти. Мне ещё час ходьбы до дому.

— Так до завтра!

— До завтра! Только не подведи!

Гастон пошёл по дороге в Мимизан, неся сумку на плече. Бернар побежал по пляжу домой.

Доктор Оливье давно уже проснулся и стоял на веранде, высматривая сына.

— Дорогая моя,— говорил он жене,— повторяю тебе, что мальчишка ускользает от нас. Он начинает ходить собственными путями. Нет, решительно мы должны быть с ним гораздо строже.

Госпожа Оливье мягко возражала. У неё как раз был один из тех приступов мигрени, против которых не помогало и лекарство.

— Ах, оставь, милый. Наш мальчик хороший и очень привязан к нам. Я даже сказала бы, что ему недостаёт некоторой самостоятельности. Ему нужно было бы общество ровесников.

Доктор Оливье насупил брови.

— Именно в этом-то и заключается трудность. Откуда я ему возьму здесь ровесников, которые были бы для него подходящим обществом? Ты же знаешь, как трудно мальчика в его возрасте уберечь от дурного влияния. Товарищами в играх здесь могли бы быть у него только дети лесорубов и смолокуров. А этого, надо полагать, ты ни ему, ни себе не пожелаешь!

Бернар слышал весь разговор, по-индейски подкравшись к веранде. Он выбрался из-под неё и, обойдя дом, влез через окно в кухню. В лоханке лежала приготовленная к ужину рыба. Бернар взял нож и отрезал головы у голубых макрелей. После минутного колебания он взял ещё несколько свежих сардин. Всё это он вложил в старую верёвочную сумку и спрятал под скамейкой в садовой беседке. Потом поспешно прошёл на веранду, поцеловал мать и, желая предупредить какие бы то ни было вопросы, начал быстро и шумно рассказывать, что он был на пляже и что прилив был такой огромный, а море было так далеко и всё вообще было чудесно.



— Даёшь слово? — спросил Гастон.

Сначала у Бернара было самое искреннее намерение рассказать родителям о том, что он подружился с мальчиком из Мимизана и что он обещал ему присмотреть завтра за крючками. Но, подслушав слова отца, он отказался от этого, опасаясь, как бы родители не посчитали Гастона неподходящим для него товарищем. Поскольку одна ложь порождает другую, а один дурной поступок влечёт за собой новые, Бернар, вместо того чтобы попросить у кухарки рыбьи головы для приманки, вынужден был взять их тайком.

Скверные поступки, как известно, лишают совесть покоя, хотя бы они совершались даже из самых лучших побуждений. Поэтому Бернар сидел за ужином, как на угольях, и всё время чувствовал, что крас-

пеет при каждом взгляде отца. Ел он мало и был так непохож на самого себя, что мать отослала его спать раньше обычного. На этот раз Бернар не возражал, так как ему предстояло подняться на рассвете. Ночью он спал плохо, просыпался от каждого удара стенных часов, висевших в передней, несколько раз зажигал свет, чтобы посмотреть, который час. Лишь под утро он заснул крепко и едва не проспал положенного часа.

Он проснулся, когда небо на востоке уже начинало светлеть, и сразу вскочил на ноги. За окном слегка золотились высокие облака. Бернар натянул свитер и брюки и выскользнул из дому на цыпочках, неся ботинки в руках. Юркнув в беседку, он схватил сумку и помчался на пляж.

До начала прилива оставались считанные минуты. Отлив кончился, и первые волны вот-вот могли хлынуть на розовый от зари песок. Бернар добежал до колышков с удочками едва живой. Он схватил первую леску и потянул её к себе. На крючке ничего не было. Он побежал к другой удочке. На ней также не оказалось улова, приманка осталась нетронутой. На третьем и четвёртом крючках приманка была съедена.

Бернар помнил, что накануне они насадили двенадцать крючков. Он бегал от одной удочки к другой. На трёх крючках приманка была нетронута, девять крючков были пусты. Не попалось даже ни одного ската.

Бернар был так ошеломлён, что едва не забыл насадить свежую приманку. Он стоял над удочками, испытывая горькое разочарование: Гастон теперь подумает, что он опоздал или проспал. Ни одного спрута, ни одной рыбы!

Набежавшая волна оторвала его от размышлений. Она плеснула неподалёку, как будто море высунуло язык и лизнуло песок, прежде чем его поглотить. Торопясь изо всех сил, Бернар начал насаживать свежую приманку. Закончил он уже среди грохота начавшегося прилива, промокнув до нитки. На шесть крючков он насадил головы макрелей, на остальные шесть — по половинке сардины.

Мокрый, дрожа от холода, Бернар вернулся домой, сбросил одежду и забрался в постель. Ему хотелось плакать. Он лежал, испытывая чувство незаслуженной обиды, досаду и угрызения совести. Наконец он ощутил, как его охватывает тепло, и заснул мёртвым сном.

Его разбудил голос матери:

— Вставай, соня, уже девять часов! Отец вернулся с прогулки и ожидает завтрак.

Завтрак тянулся невыносимо долго. Доктор Оливье возбуждённо рассказывал, что в Монт-де-Марсан назначен митинг, на котором соберутся смолокуры со всей округи Ланд:

— Разумеется, коммунистическая агитация. Именно в страстной понедельник!

Сам доктор Оливье, как и подобало члену радикальной партии [1], был неверующим, но на проявление пренебрежения к религии у простых людей взирал с неудовольствием. Он держался того мнения, что политика отделения школы от церкви правильна постольку, поскольку её проводят радикалы, но она становится неверной, как только её провозглашают коммунисты.

Госпожа Оливье горячо поддакивала мужу. Она была родом из Бордо и происходила из зажиточной купеческой семьи, разбогатевшей некогда на торговле с Англией. В их доме, кроме высшей городской знати, не принимали никого, даже префекта департамента. В этом избранном кругу её брак с мелким буржуа — доктором — вначале считался мезальянсом [2], но понемногу её перестали упрекать, особенно с тех пор, как доктор Оливье стал зарабатывать больше всех врачей в департаменте.

Бернар, чистенько одетый и гладко причёсаный, белокожий и черноволосый Бернар, был типичным единственным сынком в типичной буржуазной семье. Родители баловали его, заботясь лишь о том, чтобы он выбирал себе подходящих товарищей. Он часто пропускал занятия в школе, имел домашнего репетитора и всё то, о чём может мечтать мальчик его лет. У него были велосипед, коньки, электрическая железная дорога, ружьё для подводной стрельбы, пневматический пистолет, стреляющий дробью, теннисная ракетка и альбом с марками. Его товарищи в Бордо имели точно такие же игрушки и такие же альбомы с марками. И, может быть, именно поэтому его так тянуло к Гастону, у которого не было ничего, кроме удочек и сумки с приманкой, но который был интереснее всех его товарищей в Бордо.

После завтрака Бернар снова улизнул из дому и побежал на пляж. Гастон уже

---

[1] Радикальная партия — одна из буржуазных партий во Франции.

[2] Мезальянс — неравный брак.

ждал, сидя на дюне. Океан был спокойный и гладкий, как это бывает во время полной воды самого большого прилива. Волны мягко шелестели у берега.

Гастон, повидимому, ждал уже достаточно долго. При виде Бернара он нетерпеливо вскочил.

— Пришёл наконец! — сказал он с упрёком. Он окинул Бернара быстрым взглядом и, не увидев ничего у него в руках, забеспокоился.

— А рыба где?

Запыхавшийся Бернар остановился.

— Рыбы нет.

Он развёл руками. Гастон взглянул на него с изумлением и разочарованием.

— Проспал... Я же говорил...

Бернар энергично запротестовал:

— Не проспал! Я был здесь во-время. На трёх крючках приманка осталась, остальные были пусты.

На лице Гастона появилось недоверие.

— Врёшь!

— Не вру. Я говорю всё, как было. Ничего не попалось.

— А приманку новую насадил?

— Насадил. Головы макрелей и свежие сардины.

Гастон нахмурился. В глазах его всё ещё мелькало недоверие.

— Ну, если ты и соврал, то ненадолго. Я всё равно узнаю по оставшейся приманке, соврал ты или нет.

— Хорошо. Вот увидишь, я говорю правду.

Но Гастон продолжал дуться.

— Я заранее знал, что ты не справишься. Ни на кого нельзя надеяться!

Бернар вынул из кармана пневматический пистолет.

— Хочешь пострелять? На, бери!

Гастон протянул руку.

— Пистолет! Точно такой же я видел у одного малого. Покажи-ка!

Увлёкшись игрой, они быстро забыли о неудавшейся ловле. Так как на берегу стрелять было не во что, они перебрались в лес. Через час мальчики расстались уже самыми сердечными друзьями.

Во второй раз они встретились в этот день во время вечернего отлива. Они нашли на крючках спрута, угря и большого ската.

— Видишь! — торжествовал Бернар. — Если бы я не положил приманки, ничего бы не поймалось!

— Ничего не понимаю, — бормотал несколько смущённый Гастон. — Обычно ночной улов самый лучший...

Они насадили вместе приманку и условились на завтра. Но на следующее утро крючки были пусты, не попалось ни одной рыбы.

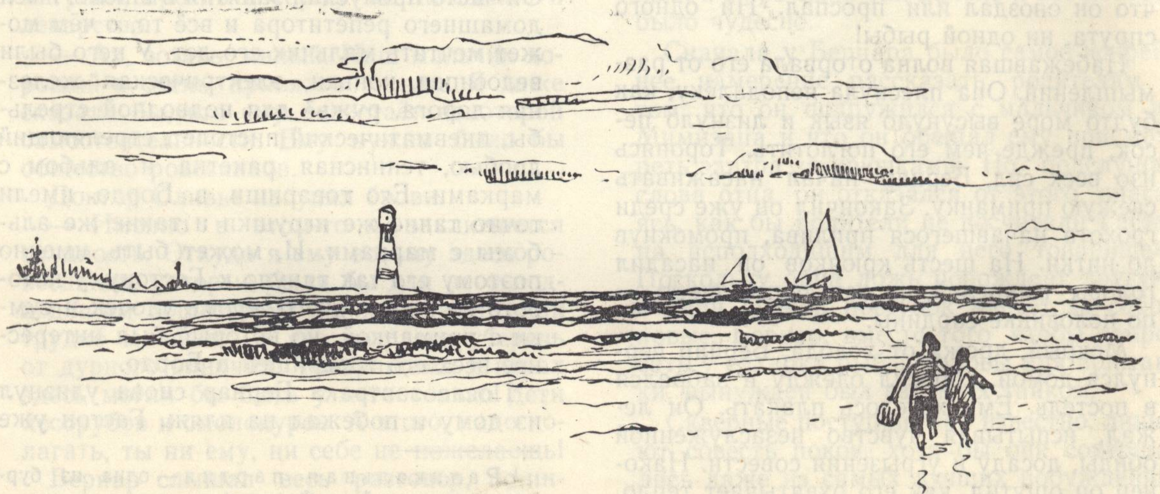
Гастон недоумевал. Прошлой ночью был самый большой прилив, а всем известно, что это — лучшее время для улова.

При вечернем отливе им снова посчастливилось. Но утром следующего дня они опять не нашли на удочках ничего.

Гастон внимательно осмотрел лески и крючки. Потом начал ходить по пляжу, оглядываясь вокруг.

— Чего ты ищешь? — спросил Бернар.

Гастон ответил не сразу. Он нахмурился и сдвинул брови. Ему хотелось разжечь в Бернаре любопытство, но вскоре он не выдержал.



Во второй раз Бернар и Гастон встретились в этот день во время вечернего отлива.

— Я рассказал обо всём дяде. Он говорит, что если только мы хорошо насадили приманку, то, значит, кто-то на рассвете просто крадёт у нас улов.

Бернар от удивления выкатил глаза.

— Крадёт? Кто же здесь мог бы красть рыбу с крючков?

Гастон пожал плечами.

— Вот именно! Людям, живущим в Мимизан-Пляже, выгоднее купить рыбу у рыбака, чем вставать на рассвете. А рыбак у рыбака не украдёт.

— Ну, видишь!

Гастон побежал вперёд, нагнулся и поднял с песка маленького, ещё живого ската.

— Его оставил отлив. Разве что...— Он сунул палец рыбе в рот и поднял глаза на Бернара.— Смотри, след от крючка.

Бернар ещё не понимал, в чём дело, и смотрел то на Гастона, то на рыбу.

— След от крючка,— повторил Гастон.— Это значит, что скат попался и кто-то снял его с крючка.

Мальчики смотрели друг на друга, поражённые до глубины души.

— Твой дядя был прав! — закричал Бернар.— Кто-то обкрадывает нас!

Гастон вертел рыбу во все стороны.

— Что за подлость,— проговорил он,— украсть три ночных улова во время самых больших приливов! Пусть только попадётся мне, тогда узнает!..

Он сунул рыбу в сумку и уселся на песке. Бернар присел рядом на корточки.

— Слушай, Гастон, мы должны его поймать на месте преступления!

— Об этом-то я и думаю. Только как это сделать? Надо придти сюда, когда будет ещё совсем темно.

Бернар вскочил и замахал руками.

— Придумал! Ты переночуешь у меня, а дома предупредишь своих.

— А твои родители не рассердятся?

Бернар заколебался.

— Мы им ничего не скажем. Влезешь ко мне в окно, когда стемнеет.

Гастон покачал головой:

— Пожалуй, не надо. Твои родители меня даже не знают. Может быть, лучше рассказать им?

Бернар опустил глаза. Конечно, это было бы самым лучшим. Однако как родители отнесутся к Гастону? Бернар смотрел на него, силясь себе представить, какое впечатление он произведёт на отца. На Гастоне были старые штаны в заплатах и заштопанный бумажный свитер. Он был бос. Из-под грязного берета выглядывали спутанные волосы. Видно было, что он расчёсывает их не часто.

Осмотр, должно быть, привёл Бернара к неутешительным выводам, потому что он покачал головой:

— Нет, лучше ничего не говорить им. Ты не знаешь моих стариков.

В конце концов они порешили на том, что Гастон переночует у знакомого лесоруба на опушке леса и разбудит Бернара. Условным знаком выбрали трёхкратный крик совы, и некоторое время Гастон осваивал совиный крик, а Бернар прислушивался к нему, чтобы не вышло ошибки. Под конец они решили также, что на всякий случай Бернар возьмёт с собой пневматический пистолет.

Весь день Бернар провёл с родителями. Он не пошёл на берег во время вечернего отлива, хотя мысль об этом не давала ему покоя. Доктор Оливье вообще косо посматривал на постоянные отлучки сына, а у госпожи Оливье, что ещё хуже, появились какие-то подозрения. Она, видимо, ещё не делилась ими с мужем, но Бернар ясно читал их в её глазах. Поэтому, в связи с предстоящим ночным походом, он решил вести себя получше.

После завтрака он пошёл с родителями на прогулку. Солнце грело достаточно сильно, но с океана дул резкий ветер, и госпожа Оливье предложила пройти к лесу. По ясному небу, над высокими, поросшими сосной дюнами двигался золотистый туман пыльцы. Пахло свежей смолой и нагревшимися соснами.

После чтения сегодняшней утренней газеты господин Оливье был необычно возбуждён. Всю дорогу он разъяснял супруге, какую угрозу содержит в себе подписанное правительством соглашение о создании европейской армии. Бернар бегал туда и сюда, прыгал по слою опавшей хвои и одним ухом прислушивался к тому, что говорил отец.

Господин Оливье шагал озабоченный, не замечая красоты леса в лучах весеннего солнца, глухой к пению птиц.

— Недоразумение заключается в том,— говорил он, сопровождая свою речь оживлённой жестикуляцией,— что Германия и в будущем всегда будет нашим смертельным врагом, как всегда была им в прошлом. Я ненавижу их, как ненавидели их мой отец и дед, и ни на грош не чувствую к ним доверия. Мой дед сражался с ними в 1870 году, отец — в 1914, а я — в 1940 году. Теперь же нам, французам, ве-

лят создавать вместе с ними Европу! Ничего подобного, моя дорогая! Европейская армия! Ничего подобного! Если армия, то только армия французская и притом достаточно сильная, чтобы держать их в наморднике. Немец останется немцем, то есть извечным наследственным смертельным врагом нашего народа.

Бернар, держа наготове пневматический пистолет, спрятался за дерево и воображал, что он на войне. Вот сейчас из-за дерева появится немец — смертельный, извечный, наследственный враг французов! Бернар тут же задаст ему перцу. Он с увлечением нажал несколько раз спуск пистолета. Дробь застучала о сосновые пни: бах-бах-бах! Немцы падали, как колоды. Отец, наверное, был прав, говоря, что не надо быть к ним снисходительным... Все книги, которые читал Бернар, были полны описаний трусости и жестокости немцев, благородства и героизма французов. Как жаль, что Бернар был маленьким, когда немцы оккупировали Францию! Теперь-то уж нет возможности проявить всю ненависть и презрение, которые он к ним испытывал! Хоть бы на одну только минуточку встретить какого-нибудь немца! Бах! Бернар выстрелил в ближайшую сосну.

Доктор Оливье продолжал говорить. Бернар вышел из-за сосен и побежал по тропинке.

— А эти американцы? Тоже хороши. Навязывают нам восстановление вермахта [1], когда почти весь кадровый состав офицеров и сержантов нашей армии перемалывается в Индокитае! Ты только посмотри, сколько американских солдат шатается даже в этих лесах! Создали себе в Ландах главный склад боеприпасов. Вместо этого могли бы заменить нас во Вьетнаме. Мы ведём там войну не только ради своих интересов: из Вьетнама вывозится девяносто процентов всего каучука и пятьдесят процентов всего олова, потребляемых Америкой.

Бернар не слушал дальнейших рассуждений отца. Теперь он воображал себя солдатом французского экспедиционного корпуса, сражающимся во вьетнамских джунглях. Вокруг всё кишит вьетнамцами, а он с автоматом в руке неустрашимо пробивается вперёд сквозь тропическую чащу и укладывает врагов наповал. Бах-бах-бах! Именно такую картину видел Бернар недавно на обложке иллюстрированного журнала «Тен-тен». Там красовались стойкие солдаты иностранного легиона, которые гнали перед собой полчища туземцев. Бернар так увлёкся воображаемой битвой, что до конца прогулки ни разу не вспомнил о ночном походе.

Было ещё совсем темно, когда на следующее утро его разбудил крик совы. Из осторожности не зажигая света, он ощупью оделся и выскочил в окно.

Гастон стоял за оградой, держа руки в карманах и дрожа всем телом. Ночной холод пронизывал его до костей.

— Свитер надел?

— Надел.

— А пистолет взял?

— Ага!

Они побежали рысцой, чтобы разогреться. Мимизан-Пляж спал, тёмный и тихий. Не было слышно даже собачьего лая. Со стороны океана доносился мощный шум, переходящий временами в глухой рёв. Это большие водяные валы перекатывались по песчаным отмелям, нагромождённым отливом далеко от берега. Над лесом мерцали последние звёзды, едва видневшиеся сквозь облако жёлтой пыли, поднимавшейся из леса, словно дым. Рыжий месяц висел над океаном, бросая на его поверхность полосы света.

Ребята выбежали на пляж. Перед ними, насколько хватало глаз, белели длинные гребни волн, наплывавших из бесконечно тёмного океана.

Бернар остановился и осмотрелся. Всюду лишь океан и лес, песок и звёзды. Ему стало не по себе.

— Слушай, Гастон,— шепнул он, и собственный шёпот показался ему зловещим.— А если это не человек забирает у нас рыбу?

Гастон замедлил шаг.

— А кто же? — спросил он, обернувшись к приятелю.

Бернар заколебался. Чувство страха немного ослабело при звуках голоса Гастона.

— Например... птицы! — ответил он, помедлив, и приблизился к Гастону настолько, что коснулся его плеча.

Гастон тоже дрожал и вобрал голову в плечи.

— Посмотрим. Птицы не снимают рыбу с крючка, а растаскивают её по частям.

По дюнам гулял ветер, горький, пахнущий водорослями. Над тёмной полосой холмов, поросших соснами, небо начинало сереть. Гаснущие звёзды исчезали.

---

[1] Вермахт — германские вооружённые силы.



Незнакомец дошёл до бетонных укреплений, наполовину засыпанных песком.

— Скоро начнёт светать,— сказал Гастон.

Бернар хотел спросить, не пора ли занять наблюдательный пост, но не успел. Пронизывавшее их обоих чувство напряжения каким-то внезапным толчком заставило их одновременно броситься на землю.

Тень человеческой фигуры, едва видневшейся на фоне белевших гребней волн, двигалась вдоль берега. Шагов не было слышно: их заглушал мокрый песок.

— Т-ш-ш! — предостерегающе зашикал Гастон.

Но Бернар онемел от волнения. Ему и в голову не приходило нарушить тишину.

Тень идущего человека двигалась вдоль моря.

— Это он,— шепнул Гастон.— Тот, кто ворует нашу рыбу.

Оба защёлкали зубами не то от холода, не то от волнения. Держа друг друга за плечи, они высовывали головы из-за дюны. Тень остановилась у самой воды. Она была видна им только тогда, когда сзади неё, на море, вздымалась пена высоких волн.

— Он уже около удочек,— выдавил из себя Бернар.

Гастон встал на колени.

— Что ты делаешь?

Бернар попытался притянуть его обратно, к земле, но Гастон вырвался из его рук и сказал вполголоса:

— Не бойся. Ему нас не видно, потому что сзади лес. А услышать он нас тоже не может. У самого берега волны всё заглушают.

Силуэт незнакомца становился всё более отчётливым. Теперь уже было видно, как каждые несколько шагов он нагибался. Бернар обернулся и взглянул на небо за лесом. Оно уже было как бы перетянуто длинной зелёной полосой.

— Отлив ещё не кончился, удочки погружены в воду. Он стоит по колено в воде,— сказал Гастон.

Бернар напряг зрение. От океана доносился грохот отлива. Солёный ветер нёс затхлый запах. Человек на берегу снова побрёл напрямик.

Ребята прижались за дюной, спрятав головы. Лёгкий, чуть слышный хруст песка раздался возле них и затем начал отдаляться. Над лесом разгорелась молодая ранняя зорька.

Мальчики высунулись из-за дюны. Незнакомец, удалявшийся в направлении леса, ступил на тропинку, вьющуюся по опушке, внимательно огляделся и прибавил шагу. Несколько минут спустя он исчез во мраке, всё ещё лежавшем под густыми ветвями сосен.

Бернар и Гастон поняли друг друга с одного взгляда. Первым вылез Бернар и, крадучись по-индейски, двинулся по следам. Справа от него лежала густая тьма леса. Налево, озарённое сиянием пробуждающегося дня, начинало белеть море.

Тропинка уходила от пляжа всё дальше и дальше. Она вела теперь по самому

краю леса, взбегая на склон большой дюны.

Гастон, хорошо знавший окрестности, спрашивал себя, куда направился незнакомец. На север от Мимизан-Пляжа лежал лес Святой Евлалии, а среди этого леса были только два дома — лесничество Ламанш и, далеко за ним, старая сторожка. К ним вела широкая лесная просека, которую немцы во время войны залили асфальтом, но она терялась в песках дюн сразу же за сторожкой.

Мальчики крались тропинкой, стараясь не терять из виду быстро шедшего похитителя рыбы. Становилось всё светлее. Розовое сияние разливалось по небу, окрашивая на горизонте море.

Незнакомец свернул с тропинки и пошёл прямо через дюны. С той минуты, как он вышел из тени деревьев, его было видно как на ладони. Ребята смотрели ему вслед, не решаясь идти дальше по открытому месту.

— Куда он идёт? — спросил Бернар.

— Не знаю,— ответил Гастон.— Сначала я думал, что в лесничество. Но в этой стороне голая пустыня. Дюны и океан...

Бернар смотрел вслед уходившему мужчине. Он взбирался сейчас на дюну, выглядевшую издалека, как разбросанный песчаный муравейник, полный давно засыпанных строений.

— Слушай! — вскричал Бернар.— Ведь там старые немецкие укрепления!

— Остатки «Атлантического вала» [1],— подтвердил Гастон.

Незнакомец дошёл до бетонных укреплений, наполовину засыпанных песком, ещё раз оглянулся, после чего нагнулся и исчез, словно провалился сквозь землю.

— Видал?

Они изумлённо взглянули друг на друга. Никто из них не ожидал, что дело так обернётся.

— А теперь что же? — спросил Бернар.

Гастон сосредоточенно молчал. Брови его были нахмурены, и весь он сгорбился, будто его что-то угнетало. В глазах у него появилось упрямое выражение.

— Я пойду за ним,— сказал он.— Я не могу допустить, чтобы он каждую ночь забирал мою рыбу.

Он вопросительно посмотрел на Бернара. Но тот лишь глотнул слюну.

— Если хочешь, оставайся здесь,— продолжал Гастон, — ты не обязан идти со мной. В конце концов это—моё личное дело.

Бернар стоял в нерешительности. Гастон не уходил. Можно было подумать, что он ждёт ответа.

— Нет, нет! — закричал Бернар, преодолевая страх.— Я пойду с тобой!

— Не боишься?

— А ты? В случае чего удерём оттуда!

— Всё-таки ты мировой парень. Ну, пошли!

Солнце вышло из-за леса, заливая светом побережье. Тени шедших по дюнам ребят побежали по направлению к морю. На вершине большой дюны стали заметны наполовину обрушившиеся оборонительные укрепления. Тупые купола стрелковых башен, заваленные по самые макушки летучими песками, пялили в сторону океана слепые глазницы огневых щелей. Тяжёлые щиты артиллерийских установок зияли покорёженными отверстиями, из которых ещё торчали дула заржавевших орудий. Остатки противотанковых засек и



— Меня зовут Шмидт, — сказал похититель, — Герхардт Шмидт.

[1] «Атлантический вал» — долговременные укрепления, созданные германской армией вдоль Атлантического побережья Франции на случай вторжения с моря.

«ежей» валялись на всём пространстве перед укреплениями. Склоны дюны были усеяны обломками железобетона, среди которых шелестел песок, перекатываемый низким ветром. Крепость, словно человек, засасываемый трясиной, всё глубже и глубже погружалась в песок. У её основания торчали верхушки засыпанных сосен. Поднимавшееся солнце ярко освещало всю эту картину.

Мальчики миновали витки колючей проволоки и остановились около того места, где они потеряли из виду незнакомца. Глубоко в песке ещё виднелись следы его ног, но их быстро заметало ветром. Они вели вдоль стены дота и, опоясав его, исчезали в прямоугольном отверстии, обращённом к лесу. Ребята, затаив дыхание, придвинулись к входу и заглянули внутрь.

Луч света падал на серую стену, рассеивая полумрак подвала. Около погасшего костра сидел на камне какой-то человек и чистил рыбу. Обращённый к ребятам боком, он не сразу заметил их. Лишь через некоторое время он медленно повернул лицо, и взгляд его упал на две головы, торчащие из входного отверстия.

Несколько мгновений стояла тишина. Человек в доте оцепенел. Его рука, державшая рыбу, повисла в воздухе. Слышен был только свист ветра, гнавшего летучие пески, и отдалённый рокот океана. Наконец рука незнакомца, державшая рыбу, шевельнулась в сторону мальчиков:

— Это ваше?

Похититель рыбы говорил низким голосом. В его произношении чувствовался какой-то акцент.

— Да, месье,— ответил Гастон,— это наше.

Незнакомец ещё раз поднял руку, в которой была рыба, но тут же опустил её.

— Я был вынужден...— сказал он,— чтобы не умереть с голоду.

Гастон шумно глотнул слюну. Незнакомец положил рыбу на камень и принялся скрести её ножом.

— Войдите,— добавил он,— и не бойтесь. У меня нет охоты ссориться с вами.

Мальчики протиснулись вовнутрь дота, не спуская глаз с незнакомца.

— Садитесь,— сказал похититель.

Гастон и Бернар уселись на камнях, окружавших костёр. Незнакомец продолжал скрести рыбу, как бы позабыв об их присутствии. Узкая полоска света пробивалась сквозь расщелину в стене. Она, как стрела, отлого падала на пол. В доте чувствовался сырой холод подвала и затхлый запах заброшенного места.

— Меня зовут Шмидт,— сказал похититель,— Гергардт Шмидт.

Он опустил очищенную рыбу в банку из-под консервов и принялся скрести следующую.

Мальчики смотрели на него с открытыми ртами.

Дот, словно раковина, шумел эхом далёкого отлива.

— Так вы немец? — спросил чужим голосом Бернар.

Шмидт повернул к нему лицо. Многодневная щетина покрывала его щёки и подбородок.

— Да. Я немец,— ответил он.

Мальчики обменялись быстрым взглядом. Гастон снова глотнул слюну. Он словно желал что-то сказать, но вместо этого только облизнул пересохшие губы.

— Что же вы здесь делаете? — спросил Бернар.

Шмидт с размаху швырнул рыбу в банку.

— Ты хочешь спросить, откуда я здесь взялся?

С минуту он измерял их взглядом, словно взвешивая свои шансы. Большой палец его правой руки пробовал острие ножа.

— Послушайте, ребята, я у вас в руках. Я отсюда никуда не убегу. Да мне и некуда бежать. Это — единственное место во всей Франции, которое я знаю.

Он поднялся, подошёл к отверстию в бетонной стене и стал смотреть поверх дюн на океан.

— Если вы хотите, чтобы я сказал вам больше, ради бога, принесите мне чего-нибудь поесть. Дайте мне еду и питьё, я больше так не могу! При виде этих рыб и спрутов мне делается дурно.

Шмидт повернул к ребятам искажённое гримасой лицо.

— Кусок хлеба и фляжку кофе! С утра до вечера я думаю только об этом.

Он говорил по-французски правильно, хотя и с сильным акцентом. Он уже не был юношей. Вероятно, ему было лет тридцать, а может быть, и больше.

— Так вы немец! — протянул Бернар, переложив в кармане пневматический пистолет, который давно давил ему на бедро.

— Какое имеет значение, чёрт возьми, кто я! — буркнул Шмидт.— Иногда я чувствую, что близок к помешательству. Я не могу больше сидеть в этом вонючем по-

гребе. А это — единственное место, которое я знаю в вашей стране. И как знаю! Наизусть. Я просидел в этой яме семнадцать месяцев!

— Здесь? — спросил Гастон, выкатив от изумления глаза.

— Здесь,— подтвердил Шмидт.— Я сидел и целыми месяцами смотрел на море. Тогда эта куча развалин называлась ещё «Атлантическим валом», а я носил на животе пояс с надписью «Готт мит унс»[1]. Я сидел здесь и всё время смотрел, смотрел, смотрел, не началось ли вторжение[2]. Я уже перестал верить в него. Я был согласен на вторжение самого ада, лишь бы только вылезти отсюда! — Он с отвращением пнул старую коробку от мармелада. — Семнадцать месяцев! Попробуйте-ка после этого выдержать здесь хоть несколько дней!.. А особенно ночей...

— Вы здесь скрываетесь? Да? А что вы такое сделали?

Шмидт, прежде чем ответить, бросил исподлобья злобный взгляд на Бернара.

— Как ты, вероятно, понимаешь, я, пожалуй, не сидел бы здесь по собственной воле, питаясь той гадостью, которую крал у вас. Это — счастье, что я набрёл на ваши удочки. Без них я уже давно вынужден был бы сдаться.

Он поднял голову так высоко, что полоска света, проникавшая сквозь отверстие в стене, упала ему на лицо. Мальчики увидели, что у него светлые, голубые глаза.

— Принесите кофе и хлеба, тогда я вам всё расскажу. А сейчас с меня хватит.

Медленно, не обращая на ребят ни малейшего внимания, он направился в угол и, повернувшись лицом к стене, улёгся на подстилке из сосновых веток. Его едва можно было различить в полумраке, царившем в глубине подземелья. Всем своим видом он давал понять, что считает разговор законченным.

Мальчики неуверенно переглянулись.

— Я принесу вам что-нибудь поесть,— решил наконец Гастон. — А рыбу вы тоже оставьте себе.

Шмидт не отвечал. Несколько минут мальчики ещё продолжали смотреть на Шмидта, лежавшего без движения, на его голову, втянутую в плечи.

Наконец они вышли наружу. Их ослепило солнце, искрившееся в песке. Лишь теперь они почувствовали, как холодно, темно и душно было в доте.

До самого подножия дюны они не заговаривали друг с другом, поглощённые недавним переживанием. Только когда входили на лесную тропинку, Бернар сказал:

— Как, по-твоему, что надо делать?

Гастон ожесточённо шагал, нахмурив брови, опустив голову. Бернар немного подождал и, не услышав ответа, продолжал:

— Это не простая птица! Ты слышал, что он сказал? Он был немецким солдатом на «Атлантическом вале». Оккупант!

Гастон, казалось, не расслышал. Он быстро шёл вперёд, продолжая смотреть в землю.

— Самое лучшее, что мы можем сделать,— не унимался слегка запыхавшийся Бернар,— это рассказать обо всём в жандармском отделении.

Гастон резким движением поднял голову.

— В жандармском отделении? Что это нам даст? — Он с беспокойством взглянул на Бернара. — Разве тебе не интересно знать, что он ещё расскажет? Откуда он здесь взялся и... и вообще? Наконец, это никуда от нас не уйдёт. Что тебе за интерес, если он расскажет это вместо нас жандармам?

Бернар молчал, сбитый с толку.

— Может быть, это бандит, которого разыскивают, — наконец робко возразил он,— или, ещё того хуже, военный преступник? Откуда ты знаешь, может быть, он один из тех — из Орадура?[3].

Гастон что-то обдумывал. Лицо его приняло упрямое выражение.

— Лучше всего пойдём сразу же в полицию,— настаивал Бернар.— Если окажется, что он злодей, его поимка будет нашей заслугой.

Гастон презрительно усмехнулся.

— Так. А в награду жандарм проводит тебя домой и спросит твоих стариков, позволяют ли они тебе таскаться по ночам.

Бернар растерялся. Некоторое время они молча шли нога в ногу. Впереди появились первые дома Мимизан-Пляжа.

[1] «Готт мит унс» — по-немецки «с нами бог».

[2] Вторжение—имеется в виду ожидавшееся тогда открытие второго фронта, то есть вторжение англо-американских войск в оккупированную гитлеровскими войсками Францию.

[3] Орадур-сюр-Глан — селение во Франции, зверски уничтоженное гитлеровцами 10 июня 1944 года. Мужчины Орадура были расстреляны, женщины и дети сожжены заживо в церкви, где они искали спасения. Всего погибло 800 человек.

— Ну, так что же? — спросил Бернар.

— Прежде всего никому ничего не говорить. Это мы всегда успеем. А после полудня принесём ему что-нибудь поесть. Рискнём, а?

На том и порешили. Гастон пошёл по лесной дороге в Мимизан, а Бернар побежал вдоль пляжа домой. Было ещё очень рано, и в саду не успела высохнуть роса. Когда Бернар перелезал через забор, все в доме спали.

Мальчик быстро разделся и нырнул под одеяло. Однако заснуть он не мог. В голове у него бродили беспокойные мысли. В довершение ко всему из сада раздавался громкий свист дрозда.

Около восьми часов в комнату вошла госпожа Оливье. Сказав «Доброе утро!», она поторопила сына с одеванием. Бернар зевал, потягивался, делая вид, что его разбудил приход матери. Госпожа Оливье подошла к окну.

— Почему ты не опускаешь на ночь жалюзи? — спросила она.

Бернар в ответ что-то неразборчиво буркнул и слез с постели.

Госпожа Оливье ещё несколько минут присматривалась к газону, не просохшему от росы, потом вытащила платок и провела им по тончайшему слою сосновой пыльцы, золотившейся на подоконнике.



Двое людей вышли с лесной просеки на тропинку.

За завтраком доктор Оливье поставил сына в известность, что оба они с матерью выезжают на весь день в Дакс, где будет происходить первый в этом году бой быков. Они не могут взять с собой Бернара, так как это зрелище неподходящее для детей. Зато он получит немного денег на мороженое. Доктора Оливье несколько удивило, что его сын так легко согласился провести страстной четверг в одиночестве, но он приписал это тому, что говорил с ним таким спокойным тоном.

В то время как отец, подбирая слова, неторопливо говорил, в душе Бернара происходил внутренний разлад. Впервые в жизни его давила тяжесть тайны, и переносить это одному было трудно. Он чувствовал потребность поделиться ею, поговорить о ней с кем-нибудь близким, достойным доверия, с кем-нибудь, кто был бы его вторым «я». Мог ли он признаться во всём матери? Он взглянул на неё поверх тарелки. Мать, прожёвывая хрустящий крендель, сидела улыбающаяся и прелестная, такая любимая им... Рассказать ей? Но она не поняла бы, в чём заключалась здесь трудность, прижала бы ладони к вискам и велела бы немедленно рассказать обо всём отцу. А отец? Отец с аппетитом кромсал бифштекс, довольный собой, уверенный в своей правоте. У отца не было бы никаких сомнений, он не колебался бы ни одной минуты. Он просто взял бы сына за руку и, отложив на время принципиальный разговор о дружбе с кем попало и о последствиях, к которым это приводит, отвёл бы его в полицейский участок. Нет, он не мог открыться ни матери, ни отцу! Тайна, которую он носил в себе, связывала его с Гастоном, и только с ним он мог о ней говорить. Это была *их* тайна,

и никто другой не имел на неё права. Если они убедятся, что дело неладно, они сами найдут выход из положения. Пока же всё остаётся ещё неясным, не следует вмешивать в это дело взрослых.

А что, если немец в это время улизнёт? Если он убьёт кого-нибудь или подожжёт ночью Мимизан-Пляж? Ведь он же сам признался, что был во Франции как оккупант! Может быть, именно он расстреливал заложников и пытал раненых партизан из маки[1], а теперь скрывается от правосудия? А они своим молчанием помогают ему скрываться?.. Лоб Бернара покрылся холодным потом.

— Что с тобой? — забеспокоилась мать.— Ты плохо себя чувствуешь?

— Нет, — ответил он, избегая её взгляда,— мне немного душно. Наверное, собирается гроза.

Доктор Оливье внимательно присматривался к сыну. Он отложил вилку и вытер рот салфеткой.

— Ну-ка, покажись. Что-то ты у меня неважно выглядишь. Вовсе сейчас не душно, и никакой грозы не будет.

Бернар почувствовал на себе пристальные взгляды родителей. Он хотел оставаться спокойным, улыбнуться и что-нибудь сказать, но это кончилось лишь тем, что у него начали как-то подрагивать губы. В последнюю минуту, почувствовав, как у него сжалось горло, он рванулся со стула и поспешно выбежал из комнаты.

— Бедный ребёнок, — сказала госпожа Оливье.— Ему больно, что он не едет с нами.

Доктор Оливье спокойно пожал плечами.

— В его возрасте я гораздо лучше владел собой. Он тут едва не разрыдался перед нами!

Получасом позднее супруги Оливье садились в машину. Бернар следил за ними из садовой беседки, заросшей виноградом. Он не выдержал, однако, и в ту минуту, когда доктор Оливье нажимал стартёр, выбежал из беседки и успел ещё улыбнуться матери, которая ответила ему воздушным поцелуем.

[1] Маки́ — так назывались во время второй мировой войны отряды французских партизан, боровшихся против гитлеровцев. Это название пошло от густых зарослей в горах Корсики — маки́, где возникли и действовали первые партизанские отряды.

Потом до самого полудня Бернар вертелся возле дома, не зная, куда себя девать. Он не мог дождаться того часа, когда они условились встретиться с Гастоном. Бернар пытался поддразнивать кухарку, но сегодня и это у него не выходило. В конце концов, перед самым обедом, он выбрался на пляж, а оттуда, ведомый каким-то непреодолимым искушением, устремился к большим дюнам. Он бежал, пока у него не перехватило дыхание, и остановился у самой опушки леса, откуда были видны смутные очертания дота.

Бернар смотрел, как зачарованный. Песчаные холмы белели между тёмной стеной леса и радужными водами океана. Низкие дождевые тучи висели на горизонте. Среди этого ландшафта запустения и печали, где-то в самой середине его, в одинокой могиле, затерявшейся между необъятным океаном, лесом и небом, находился Гергардт Шмидт, и во всём мире было только два человека, которые об этом знали.

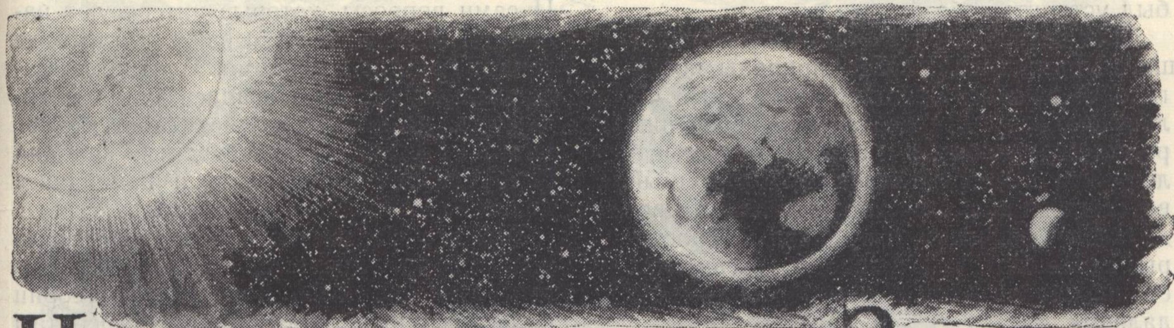
Задумавшись, Бернар брёл по тропинке обратно. Кем был Гергардт Шмидт? Чем больше он ломал голову над этой загадкой, тем больше росло у него желание узнать правду. Бурная фантазия рисовала ему различные ситуации и происшествия, в которых, разумеется, он сам играл далеко не последнюю роль. Но всё это мгновенно рассыпалось в прах, как только он вспоминал заросшее лицо Шмидта, его грязную, измятую одежду, глаза.

Казалось, целый век отделял Бернара от встречи на рассвете. Никогда ещё день не тянулся так долго. Солнце передвигалось немилосердно медленно. Пробиваясь сквозь сгущавшиеся тучи, оно бросало огромные тени на океан и побережье.

Бернар был так погружён в свои мысли, что не заметил двух людей, вышедших с лесной просеки на тропинку. Лишь будучи в двух шагах от них, он отскочил, как ошпаренный. Один из жандармов даже не взглянул на него и продолжал вести свой велосипед по тропинке. Зато второй остановился и с любопытством посмотрел на мальчика, который сначала ускорил шаг, а затем бросился бежать изо всех сил, будто за ним гнались.

Перевела с польского
Зинаида Шаталова.

(Окончание в следующем номере.)



Наша планета Земля

Е. Рубцова

Рисунки С. Пивоварова.

ВЕЧНЫЕ ВОПРОСЫ

«Дорогая редакция! Я знаю, что падающие звёзды это на самом деле не звёзды, а метеоры, но я не знаю, как и почему они падают и откуда они получились...»

«Дорогая редакция! Прошу вас, пожалуйста, ответить на волнующий меня вопрос: нагревается ли Земля или нет и как доказывают это учёные...»

«Дорогая редакция! Я хочу вас спросить о непонятном для меня: как образовалась Земля?»

Пионеры, написавшие эти три письма, живут далеко друг от друга: Вася Гуня — в Северном Казахстане, Саша Якунин — на берегах Волги, а Лёня Билык — на Украине.

Такие письма не редкость, и вопросы, заданные в них, не случайны. Они волнуют не только ребячьи умы. От самой седой древности люди стремились узнать и понять, как произошёл, как устроен окружающий мир.

На заре человеческой культуры ответы были просты. Человек ещё так мало знал тогда! Именно поэтому всё непонятное, всё неизвестное, всё, что не подчинялось его власти, он объяснял действием чудесных, сверхъестественных сил. Мир для людей древности был населён сказочными существами и управлялся сказочными силами.

Ясноликий Феб-Аполлон мчался по небу в огненной колеснице, Эол, повелитель ветров, выпускал их на прогулку из своей таинственной пещеры, хромоногий Гефест громыхал в подземной кузнице, и пламя его горна светилось над вершинами вулканов. Духи камней, ручьёв, деревьев мерещились человеку на каждом шагу. Не зная законов природы, он простодушно представлял себе мир таким, каким видел его. Он думал, что плоскую, как блин, Землю, окружённую кольцом океана, покрывает твёрдый свод неба, а на этом небе, как гвоздики в обивке мебели, блестят звёзды.

Казалось, такой сравнительно несложный мир не очень уж трудно было устроить, особенно если предположить, что этим занимается высшая, сверхъестественная сила.

И вот в Иудее, на Аравийском полуострове, у племени первобытных пастухов и земледельцев возникла наивная легенда о сотворении мира. Трудясь с утра до вечера шесть дней, иудейский бог Ягве создал всё существующее. Сначала — свет, потом отделил сушу от наполнявшей мир воды, потом, когда Земля была приведена в некоторый порядок, он с небольшим опозданием создал источники света — Солнце и звёзды.

Как ни прост был мир в представлении древних, первобытных пастухов, им всё же показалось, что управиться с его созданием за шесть дней — работа не лёгкая.

Иудейская легенда утверждает, что всемогущий и всесильный Ягве в конце концов устал и на седьмой день вынужден был устроить себе отдых.

Шли века и тысячелетия. Люди шаг за шагом разгадывали тайны природы, постигали её законы. Знания, завоёванные человеком, всё шире раздвигали перед ним рамки окружающего мира. И вот оказалось, что Земля не лепёшка, а огромный вертящийся шар, вместо хрустального свода неба открылись безграничные просторы Вселенной с мириадами гигантских солнц, сверкающих в невообразимом отдалении.

Человек давно отобрал молнию у Зевса и Перуна. Её могучую силу он заключил в провода электропередач. Он постиг законы, которые управляют невидимым миром атома, полётом птицы и движением планет. Но старая легенда, перейдя из иудейской религии в христианскую, дожила до двадцатого века. Не так уж давно — до Великой Октябрьской революции — в старой, царской школе мальчики и девочки, только что от учителя физики узнавшие о законе всемирного тяготения, а от учителя географии о том, как на протяжении миллионов лет образовывались на земном шаре горы и моря, на следующем уроке в тех же классах, за теми же партами должны были выслушивать рассказы священника о сотворении мира в шесть дней.

Советским ребятам никто не затемняет мозги религиозными сказками. В школе их учат тому, что разведано и раскрыто передовой наукой, свободной от суеверий. И сами вопросы, которые интересуют наших школьников, показывают, что им уже многое понятно и знакомо. Мальчик, спрашивающий, как образовалась Земля, повидимому, уже представляет себе, что её никто не сотворил сразу такой, как она есть, что она развивалась и изменялась долго и постепенно.

Тот, кто спрашивает, разогревается ли земной шар, наверняка кое-что уже слышал о самой новой и передовой теории происхождения земного шара. Но ребятам хочется узнать обстоятельнее: какова же наша планета Земля?

Об этом мы и поведём здесь рассказ.

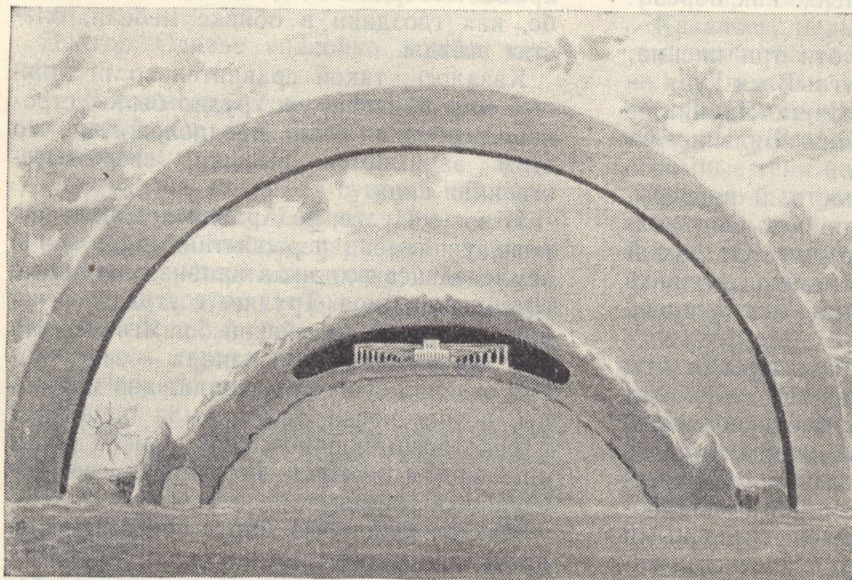
ТРЕТЬЯ ПЛАНЕТА

Третья по счёту от Солнца планета, удалённая от него на сто сорок девять миллионов километров, мчится по своей орбите со скоростью тридцати километров в секунду. Это и есть наша Земля. Маленькая в сравнении с дальними планетами-великанами, она по человеческим масштабам всё же огромна.

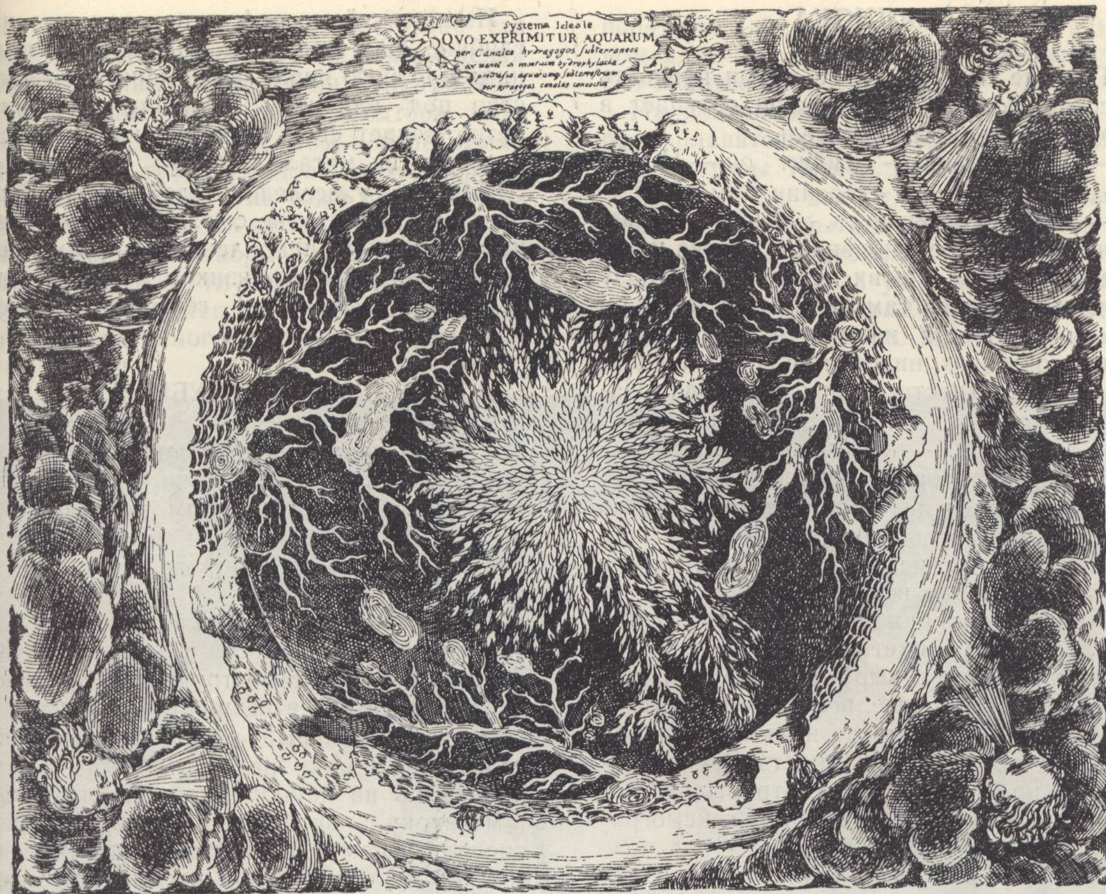
Человек многое уже узнал о Земле: он измерил и самые высокие горы, и глубочайшие океаны, и толщу земной атмосферы, и протяжённость земных равнин. Он пересёк пустыни и горные кряжи, спустился в кратеры вулканов, проник в морские глубины, поднялся за облака.

Но вглубь Земли человек почти не проник. Самые глубокие шахты и рудники уходят в Землю на два с половиной километра, самые глубокие нефтяные скважины просверлили её на пять километров. А ведь дальше вглубь, к центру Земли, лежат еще шесть с лишним тысяч километров.

Что же там, в этих глубинах, в самом сердце нашей планеты? В фантастической повести французского писателя



Вот так представляли себе Землю и небесный свод над нею три с лишним тысячи лет назад в древнем Вавилоне.



В XVII веке существовало мнение, что в центре нашей планеты пылает огонь, а вокруг него в толще Земли скрыты озёра и реки, от которых берут начало наши моря и океаны.

Жюля Верна профессор Лиденброк спускается в кратер исландского вулкана Геклы и после многих приключений возвращается на поверхность Земли. Подземные вулканические силы выбрасывают его наружу. Но он оказывается уже не на севере, не в Исландии, а на юге, в Сицилии, в кратере другого вулкана — Этны.

Плохо пришлось бы бедному профессору, если бы он действительно попал во внутренние части Земли! Плохо потому, что, как вы сейчас увидите, условия там не очень-то подходящие для прогулок.

Наружная оболочка Земли состоит из сравнительно лёгких каменистых пород. Её называют земной корой. Земная кора не везде одинаковой толщины: тридцать — сорок километров на материках, до семидесяти километров в горных областях, от десяти до пятнадцати километров на дне океанов.

Но по сравнению со всей громадой нашей планеты земная кора так же тонка, как яблочная кожура по сравнению с яблоком. Земная кора имеет слоистое строение. Самый верхний слой составляют осадочные породы, образовавшиеся из отложений на дне морей.

Под осадочными породами лежит слой гранита. Он образует толстую, тяжёлую подкладку под всеми материками и океанами, за исключением самых глубоких впадин морского дна. Под гранитным слоем лежит слой базальта. Он ещё тяжелее, ещё массивнее.

Ниже базальта начинается внутренняя оболочка Земли — мантия. Она простирается на глубину в две тысячи девятьсот километров. Дальше уже начинается область, называемая ядром.

Земное ядро так велико, что оно само по себе могло бы быть планетой вполне приличных размеров. Его диаметр на десять километров больше диаметра Луны. Ядро состоит из того же вещества, что и мантия, но только оно гораздо плотнее.

ВЕРЛИОКА

Тут мне приходится на время прервать рассказ, потому что со мной вступает в спор нетерпеливый читатель.

— Ну хорошо,— говорит он.— И это всё, что известно о строении Земли?

— Нет, — отвечаю я. — Учёные выяснили ещё многое. Они знают, какова плотность вещества в этих недоступных глазу глубинах, какие там царят давления, в каком состоянии находится вещество в этих необычных, никогда не встречающихся на поверхности Земли условиях. Например...

— Погодите, — перебивает читатель, — вы же сами говорили, что человек даже в толщу земной коры проник всего лишь на шестую или восьмую долю её глубины. Никто никогда не видел ни мантии, ни ядра. Откуда же всё известно?

— Есть народная сказка про Верлиоку. Верлиока мог видеть землю насквозь и благодаря этому выручал своего друга, героя сказки. Учёные, исследующие строение земного шара, тоже имеют Верлиоку, который помогает им видеть Землю насквозь, но это не сказка, это быль. Своего Верлиоку они называют сейсмографом.

Сейсмограф — очень точный прибор, который чувствует и записывает подземные колебания. Каждый день и даже каждый час где-нибудь на Земле, в результате сдвигов в недрах Земли, происходит землетрясение. Мы замечаем сильные, а сейсмограф отмечает даже самые слабые, даже те, что произошли за тысячи километров. В том месте, где случилось землетрясение, возникают упругие волны. Они расходятся во все стороны — и вширь и вглубь. Некоторые из них пересекают на своём пути и мантию и ядро, а потом, где-нибудь в другом полушарии, проникают в кору.

Эти волны похожи на те, которыми распространяется звук. Выходит, что наш Верлиока-сейсмограф не видит, а «слышит» Землю насквозь. Его чувствительный самозаписывающий механизм чертит на бумаге волнистые линии, с поразительной точностью показывающие силу и частоту подземных колебаний. Эти записи рассказывают учёным, где проходили волны, в каком месте, на какой глубине они попали в более плотную и упругую среду, сколько десятков и тысяч километров они в ней прошли.

Именно сейсмограф и показал, что на глубине 2 900 километров начинается граница плотного ядра, где каменистое вещество под влиянием больших давлений резко меняет свои свойства и становится похожим на металл.

Конечно, у исследователей, кроме Верлиоки, есть и другие союзники. Эти союзники — знания, накопленные многими поколениями учёных: физиков, химиков, математиков, астрономов, географов, геологов.

В ЗЕМНЫХ ГЛУБИНАХ

Учитель даёт вам на уроке физики задачу: взвесить какой-нибудь предмет, измерить его объём и потом по объёму и весу вычислить удельный вес или плотность вещества, из которого сделан предмет.

Такую же задачу пришлось решать математикам, астрономам и географам, но она была несравнимо труднее и сложнее. Ведь измерять и взвешивать им приходилось не мраморный кубик, не латунную гирьку, а Землю, целую планету. Её не положишь на чашку весов, не опустишь в мензурку с водой. Вес земного шара вычисляли с помощью математических формул на основе законов всемирного тяготения.

Чтобы выяснить размеры Земли, учёные нескольких стран одновременно производили сложные измерения кривизны земной поверхности в различных местах планеты.

Теперь известно, что радиус земного шара — 6 380 километров, а её вес в тоннах выражается огромным числом из двадцати двух цифр. И вот каждая из этих тонн давит вниз, к центру земли...

Представьте себе поленницу дров. Взять одно из верхних поленьев не составит никакого труда. Если вы захотите достать полено из второго сверху ряда, это будет уже потруднее, потому что на него давят своей тяжестью верхние поленья. А попробуйте вытащить полено из самого нижнего ряда. Сколько бы вы ни бились, это вам не удастся: слишком велик груз, который давит сверху.

Но ведь это всего лишь поленница дров. Подумайте, какой же силы должно быть давление в нижних, внутренних областях Земли!

Расчёты, сделанные геофизиками, говорят, что уже на глубине в двести пятьде-

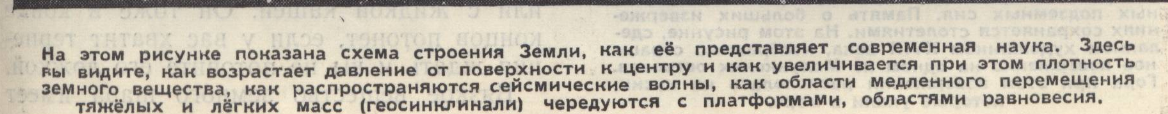
сят километров давление достигает ста тысяч атмосфер; на глубине в две тысячи девятьсот километров, у нижней границы мантии, давление — почти полтора миллиона атмосфер, а в самом центре Земли оно больше трёх миллионов атмосфер.

А температура? Она тоже увеличивается с глубиной, и это заметно даже в верхних слоях земной коры. В шахтах на каждые сто метров глубины столбик термометра поднимается на три градуса. Дальше внутрь земного шара повышение температуры идёт медленнее, и всё же в земном ядре она доходит до нескольких тысяч градусов.

На поверхности Земли все горные породы плавятся при температуре, меньшей, чем полторы тысячи градусов.

Так что же, значит, внутренние части Земли должны быть в расплавленном, огненно-жидком состоянии?

Прежде почти все учёные так и думали, но они не учитывали чудовищных давлений в земных недрах. Под такими дав-



На этом рисунке показана схема строения Земли, как её представляет современная наука. Здесь вы видите, как возрастает давление от поверхности к центру и как увеличивается при этом плотность земного вещества, как распространяются сейсмические волны, как области медленного перемещения тяжёлых и лёгких масс (геосинклинали) чередуются с платформами, областями равновесия.

лениями даже при температуре в две— три тысячи градусов вещество не может расплавиться. Оно не твёрдое и не жидкое, оно в особом состоянии: в одних случаях ведёт себя, как твёрдое, упругое тело, вроде стали, а в других случаях — как очень вязкая, густая, тягучая масса.

Например, сейсмические волны, возникающие при землетрясении, распространяются в земных глубинах так, будто Земля — стальной шарик, а вращение вокруг оси, длящееся миллиарды лет, постепенно сплющило Землю у полюсов так, словно она из вязкой, тягучей смолы.

— Ну ладно,— говорит читатель,— почему внутри Земли возникло такое высокое давление, это понятно. Про силу тяжести мы и в школе проходим. Но вот откуда взялась температура в тысячи градусов? Может, Земля раньше была раскалённой, а потом остыла снаружи?

— Нет. Сначала Земля не была раскалённой, потому что она образовалась из мириадов твёрдых холодных частиц, огромным роем окружавших Солнце. Высокая температура в тысячи градусов возникла внутри холодной планеты позже, и вот каким образом.

Среди других веществ в Земле есть вещества, которые медленно, атом за атомом, превращаются в тяжёлый металл свинец и лёгкий газ гелий. К таким веществам относятся уран, торий, актиний, радий и другие. Хотя бы в малых количествах они рассеяны во всех горных породах на земле. При этом превращении выделяется тепло. Из глубин земного шара оно не может уйти в пространство, и тепла постепенно скопляется всё больше и больше. Говорят, из капелек океан собирается. Хотя радиоактивные превращения идут очень медленно, всё же за миллиарды лет тепла скопилось столько, что оно разогрело Землю изнутри на тысячи градусов.



Извержение вулканов — одно из проявлений грозных подземных сил. Память о больших извержениях сохраняется столетиями. На этом рисунке, сделанном художником XVIII века, изображено страшное извержение на одном из Молуккских островов. Гора при этом извержении раскололась на куски, которые упали в море.

ЗЕМЛЯ РАЗВИВАЕТСЯ ДАЛЬШЕ

В твёрдом и в то же время не твёрдом веществе Земли происходят изменения, медленно действуют могучие внутренние силы. Отзвуки того, что происходит внутри планеты, доходят из глубины и до нас, на поверхность. Наблюдения, которые ведутся учёными из года в год, показывают, что в одних местах земная кора медленно, едва заметно опускается, а в других — поднимается.

Поднимается, например, Скандинавский полуостров, опускаются Северная Германия, Бельгия, Голландия. Если бы голландцы не вели непрерывной борьбы с морем, ограждая сушу крепкими плотинами, на большей части их страны гуляли бы морские волны, потому что Голландия уже опустилась ниже уровня моря. На дне Северного моря учёные нашли впадины. Это бывшие русла Рейна и других больших рек, протекавших здесь в те времена, когда здесь была ещё суша. «Затонувшие» русла рассказали нам много интересного. Например,— что острова Великобритании были прежде частью материка и Темза впадала в Рейн.

Бросьте кусочек сахару в чашку с водой. Он сразу же пойдёт на дно. Бросьте тот же кусочек сахару в чашку с киселём или с жидкой кашей. Он тоже в конце концов потонет, если у вас хватит терпения ждать и вы не потопите его ложкой.

Вязкое вещество земного шара имеет



Поднимаясь под действием подземных сил, земная кора сминалась в складки. Складчатое строение гор хорошо видно по обрывам или на крутых речных берегах.

сложный состав, в нём перемешано множество различных веществ, тяжёлых и лёгких. По законам физики тяжёлые вещества должны опускаться вниз, лёгкие — всплывать. Это и происходит, хотя и невообразимо медленно, в недрах Земли. Там, где скопилось больше лёгких веществ, они поднимаются и давят снизу на земную кору. Там, где «тонет» скопление тяжёлых веществ, земная кора прогибается и оседает. От этих подъёмов и опусканий в ней образуются трещины, сдвиги, разломы. Иногда под такой трещиной ослабевает давление. Раскалённое вещество в этом месте сразу же из вязкого становится жидким, более текучим и подвижным. И тогда соседние, попрежнему сжатые участки мантии выдавливают его вверх, в трещины. Там оно застывает, кристаллизуется и образует те разнообразные минералы, которые мы встречаем на Земле.

Это показывает, что наша планета, питаемая своими собственными источниками энергии, продолжает развиваться и преображаться. В земной коре и сейчас происходят изменения: она формируется, растёт, утолщается. Из недр планеты в неё и сейчас поступают запасы вещества, из которых вновь образуются горные породы, рождаются полезные ископаемые.

Конечно, ещё не до конца разгаданы тайны земных глубин, но наука идёт вперёд, неотступно и постепенно она будет проникать всё больше в эти тайны, расширяя знания людей о недрах нашей планеты.

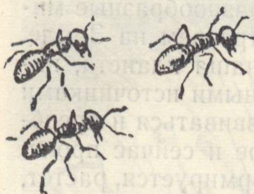




Рисунки О. Зотова.

Вероломная обезьяна и благородные термиты

ИНДОНЕЗИЙСКАЯ СКАЗКА



Как-то раз могущественный тигр наказал обезьяну за её коварство. Он привязал её к дереву, а сам ушёл.

Оставшись одна, обезьяна попыталась освободиться. Но лианы, которыми она была привязана, оказались очень крепкими. Как ни старалась обезьяна, а вырваться не могла, только до крови стёрла себе лапы. К тому же её начинал мучить голод.

Тогда обезьяна певучим и жалобным голосом стала звать на помощь других зверей.

Собрались звери на её зов, но помочь обезьяне никто не решался: все боялись гнева могущественного тигра. Да они ведь и сами знали, что обезьяна всегда всех обманывает.

Наконец к дереву подошли термиты.

— О мои любимые друзья! — сладким голосом заговорила обезьяна.— Помогите мне освободиться! Если вы это сделаете, я никогда не забуду вашей помощи.

— Как же можем мы, маленькие и слабые, помочь тебе? — спросили термиты.

— Вы-то мне и можете помочь. Созовите всех ваших сородичей и перегрызите лиану, которая меня связывает. И тогда я воздам вам высочайшие почести.

Термиты созвали всех своих друзей и сородичей и принялись за дело. Работали они очень долго и наконец перегрызли лиану. Обезьяна освободилась.

— Ах, я так благодарна вам, добрые термиты! — сказала обезьяна. — Я хочу низким поклоном поблагодарить вас. Подойдите поближе!





Когда термиты собрались все вместе, обезьяна наклонилась к ним и вдруг, вытянув передние лапы, стала сгребать термитов. При этом она ещё насмешливо приговаривала, что сильно проголодалась и ей надо подкрепиться.

Спасаясь от обезьяны, термиты разбежались по лесу. В тревоге и страхе искали они, где бы им спрятаться.

Одни из них добежали до дерева кендаль и взобрались по стволу вверх. Другие забрались на дерево тахап. Остальные попрятались кто куда.

Обезьяна кинулась ловить термитов.

Вот она подбежала к дереву кендаль.

— Эй, кендаль, не у тебя ли прячутся термиты? — спросила она.

Дерево ответило:

— Да, они тут! Бери их!

Так дерево кендаль предало термитов. Лишь немногим из них удалось спастись.

Потом обезьяна подбежала к дереву тахап. Но это дерево взяло термитов под свою защиту и не выдало их обезьяне.

Обезьяна ушла ни с чем.

Когда опасность миновала, термиты, жизнь которых спасло дерево тахап, спустились на землю и сказали:

— Прими нашу благодарность, доброе дерево тахап. Ты спасло нам жизнь, и мы обещаем, что никто из нашего рода никогда не будет грызть тебя.

Потом термиты отправились к дереву кендаль и сказали:

— Теперь, после такого предательства, ты наш враг. Мы будем точить тебя изнутри.

Своё обещание термиты сдержали.

С тех пор они никогда не трогают дерево тахап, а дерево кендаль, даже когда оно с виду зелёное и здоровое, всегда оказывается изъеденным термитами.

Перевела М. Моисеева.

Почему гриф голый

БИРМАНСКАЯ СКАЗКА



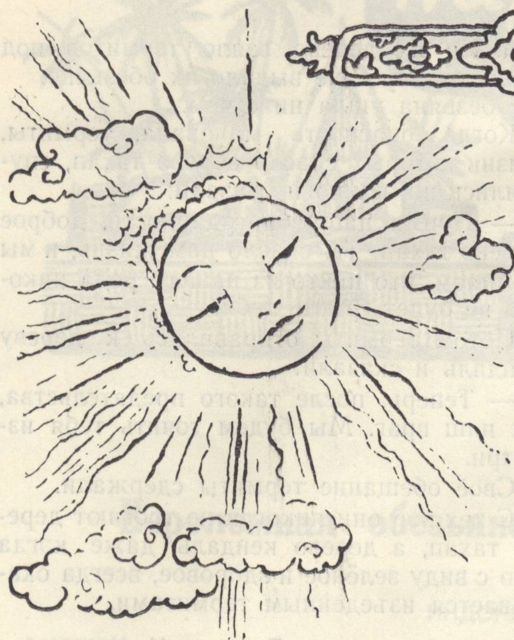
Много лет назад гриф был смирной и, между прочим, довольно приличной птицей. Его оперение не отличалось особенной красотой, но в общем было вполне сносным.

Но вот однажды гриф заметил, что у него выпадают перья. Гриф был большим паникёром и прямо-таки заболел от беспокойства о своих перьях. Он так волновался, что даже похудел. Наконец птицы пожалели грифа и решили дать ему по одному пёрышку. Когда все птицы дали грифу по перу, его оперение засверкало всеми цветами радуги. Он приобрёл странный, диковинный вид.

И вот тут гриф очень заважничал. Надувшись от гордости, он расхаживал в чужих перьях и в конце концов заявил, что самая красивая птица — это он. Гордость грифа всё росла и росла до тех пор, пока однажды он не предложил птицам признать его своим царём.

Услышав такое наглое заявление, птицы выщипали обратно все перья у грифа, да не только те, что одолжили ему, но и его собственные. С тех пор гриф стал старым, уродливым и голым.

Перевела И. Архангельская.





Солнце, месяц и петух

МАЛАЙСКАЯ СКАЗКА

Это было очень давно, трудно даже сосчитать, сколько лет прошло с того времени.

Солнце, месяц и петух жили тогда вместе на небе, в облачном доме. Жили они, как братья, в дружбе и согласии.

Старшим между ними было солнце. Его почитали и ему повиновались и месяц и петух.

Но как-то раз солнце вышло побродить по небу, а месяц и петух остались дома. Долго они сидели одни, и им стало скучно.

Посмотрев вокруг, месяц заметил невдалеке созвездие Тельца. Тогда месяц приказал петуху привести Тельца.

Но петух отказался.

Месяц очень рассердился. Он схватил петуха за гребень и бросил его вниз на землю.

Когда солнце вернулось домой, месяц рассказал ему, что случилось в его отсутствие.

Солнце огорчилось и сказало:

— Ты не хочешь ни с кем жить в мире и согласии! Ну, что ж! Больше я никогда не буду выходить вместе с тобою на небо. Отныне ты можешь выходить только вечером. День будет принадлежать мне.

Месяц опечалился и заплакал.

— Я знаю,— продолжало солнце,— петух всё равно никогда меня не забудет. И я его буду любить попрежнему.

С этих пор по утрам, как только солнце поднимается на небо, петух поёт, радуясь, что видит своего старшего брата.

— Индриинилай цохки э-э! — кричит петух.

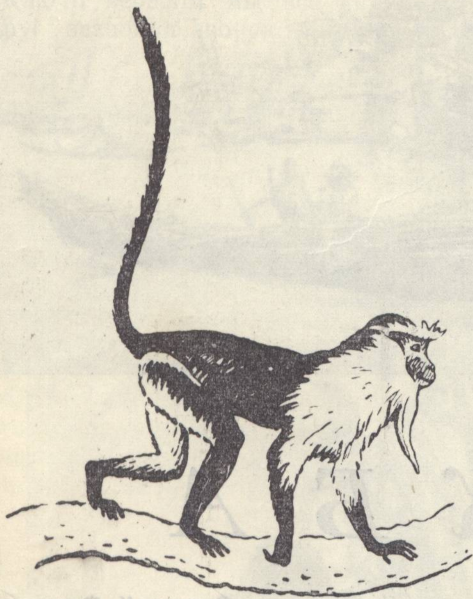
Это значит: «Посмотрите сюда, на моего старшего брата!»

А вечером, когда месяц выходит на смену солнцу, петух спешит в дом, чтобы не видеть своего обидчика.



Завтра и сегодня

МАЛАЙСКАЯ СКАЗКА



Как-то в дождливый вечер сидели под деревом обезьяна Кра и жаба Раонг и жаловались друг другу на холод.

— Кр-р-х, кр-р-х, — кашляла Кра.

— Кут, кут-кут,— квакала жаба.

Мокнуть под дождём и дрожать от холода было очень неприятно. И они уговорились на следующий день срубить дерево и из его коры сделать себе тёплый шалаш.

Но на утро солнце светило так жарко и ласково, что Кра наслаждалась теплом, сидя на вершине дерева, а Раонг, расположившись у его корней, купалась в солнечном свете.

Вдруг Кра, что-то вспомнив, спустилась с дерева и воскликнула:

— Ну что, дружище! Как ты себя чувствуешь?

— Прекрасно! — отвечала Раонг.

— А не заняться ли нам сейчас постройкой шалаша? — спросила Кра.

— Что ты! — отвечала Раонг.— Этим мы сможем заняться и завтра. Сейчас так тепло и хорошо!

— Конечно, шалаш можно построить и завтра,— согласилась беспечная Кра.

И весь день они радовались солнечному свету.

К вечеру пошёл дождь. Кра и Раонг снова сидели под деревом и жаловались на холод и сырость.

— Кр-р-х,— кашляла обезьяна.

— Кут, кут-кут,— квакала жаба.

И они опять сговорились на следующий день срубить дерево и обязательно построить себе тёплый шалаш.

Но на утро снова сияло солнце, и Кра наслаждалась теплом, сидя на вершине дерева, а Раонг грелась внизу. И когда Кра напомнила о шалаше, Раонг возразила:

— К чему нам работать в такой прекрасный день! Построим шалаш завтра.

Так повторялось каждый день. И поныне шалаш не построен. А Кра и Раонг всё так же сидят по вечерам под деревом, стонут и жалуются на холод:

— Кр-р-х! Кр-р-х!

— Кут, кут-кут!

Перевела М. Моисеева.





ДРУЖБА

Рассказ Сиеды Сайдайн.

Рисунки К. Финогенова.

Этот рассказ написала девятилетняя индийская девочка Сиеда Сайдайн. Рассказ получил первую премию на конкурсе имени прогрессивного писателя Шанкара. Он был напечатан в индийском журнале «В защиту мира». Иллюстрации к рассказу для нашего журнала сделал заслуженный деятель искусств художник К. Финогенов, который побывал в Индии.

В прошлом году наша семья переехала в Дели, и первое время я чувствовала себя там очень одинокой. Играть мне было не с кем.

Как-то отец сказал:

— Какая ты ленивая! Почему ты сидишь всё время дома и не выйдешь на улицу?

Отцу я не объяснила, почему мне не хотелось идти на улицу, но вам я могу рассказать об этом.

В первые дни после приезда мне очень хотелось поиграть с девочками, а они не обращали на меня никакого внимания. Но однажды соседняя девочка позвала меня к себе. Вскоре пришли её подружки. Одна из них вдруг спросила меня:

— Ты какой касты? [1].

Я ответила, что не знаю. Дома я спросила об этом отца, и он сказал:

— Мы не верим в касты.

На следующий день, когда я вышла на улицу, девочки снова спросили меня:

— Кто ты? Какой ты касты?

— Мы не признаём касты,— ответила я.

Тогда другая спросила сердито:

— Ты мусульманка или индуска?

[1] В Индии до сих пор сохранилось оставшееся с древних времён деление народа на касты — замкнутые группы людей, мало общающихся друг с другом. Кроме того, индийцев разъединяет ещё и принадлежность к различным религиям. Передовые люди Индии борются с религиозными и кастовыми предрассудками.

Я ответила, что мусульманка. Тут девочки ушли от меня, и я очень расстроилась. На другой день я не пошла на улицу и сказала отцу:

— Никто не хочет играть со мной, потому что я мусульманка.

Отец улыбнулся и сказал:

— Ничего, поиграй пока с маленькой сестрёнкой, а потом научишься заводить друзей.

Как-то вечером мы все сидели дома. Вдруг зазвонил звонок: «Дринь, дринь!»



Когда я вышла на улицу, девочки снова спросили меня: «Кто ты? Какой ты касты?»

Я побежала открывать дверь. Вошел высокий мужчина — сикх — с длинной бородой. С ним были его жена и дочка, такая же, как я. Увидев их, я убежала в другую комнату, но вскоре отец позвал меня.

— Вот твоя новая подружка,— сказал он.— Покажи ей свою куклу.

Девочка пошла со мной, и мы очень весело играли.

Когда гости ушли, я спросила отца:

— Зачем они приходили к нам?

— Это очень хорошие люди,— ответил отец. — Услышав, что соседние девочки отказались играть с тобой, они привели к нам свою дочь.

С тех пор эта девочка стала моей подружкой. А вскоре и другие девочки стали играть с нами. И теперь мы все хорошие друзья.

Однажды моя старшая сестра, которая считает себя самой умной, спросила меня:

— Сиеда, сколько у тебя сейчас подруг?

— Очень много,— сказала я.

— Кто же они?

— Они маленькие девочки: индуски, мусульманки, сикхи [1]. У нас теперь свой маленький клуб. Мы его назвали «Клуб счастливых людей».

Тогда сестра сказала:

— На земле очень много народов, и если они станут такими друзьями, как ты со своими подругами, то смогут создать один «Клуб счастливых людей» во всём мире. Как ты думаешь, возможно это?

Я сказала:

— Думаю, что возможно.

[1] Люди разных религиозных верований в Индии.

Отважное сердце

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

(Окончание.)

Алексей Югов.

Рисунки Петра Павлинова.

Глава четвёртая

В конце июля 1262 года Невский получил, наконец, то самое долгожданное известие, о котором он говорил Настасьину: хан Золотой Орды Берке понёс на реке Куре неслыханное поражение от хана персидской Орды Хулагу.

Одновременно двинулись на войско Берке грузины и отряд греков, пришедший им на помощь.

Берке едва спасся. Опомнившись от разгрома и позора у себя на Волге, старый хан собрал новую трёхсоттысячную армию и вновь ринулся на Кавказ.

Великому князю владимирскому, Александру, Берке послал грозное требование: «Дай мне русских воинов в моё войско!»

Народ русский содрогнулся от гнева и ужаса: на такое ещё ни разу не посягала Орда! Другие народы давали своих сынов в татарское войско, но русских татары боялись ожесточать до предела.

— Пора! — сказал Александр.

И давно подготовляемое восстание забушевало, как буря. В один день горожане ударили в колокола и в Устюге Великом, и в Угличе, и в Ростове, и в Суздале, и в Ярославле, и в Переславле, и во Владимире, и в Рязани, и в Москве, и в Муроме, и в Нижнем-Новгороде!..

Народ повсюду избивал татарские гарнизоны, татарских наместников — баскаков — и бухарских купцов — бессерменов, что взяли на откуп взимание дани на Руси.

В иных городах баскаков и их телохранителей выводили на площадь и здесь рубили им головы.

Широко прокатилось по всем городам и сёлам известие, что сам Невский «велит татар бить!»

— Ишь, сыроядцы, кровопийцы, разъелися, что хомяки!.. А всё вам мало: ещё и наших парней на войну задумали гнать с собой?! Нет, не будет вам русского воина в татарское войско! Бей их!..

Такие крики слышались по всем городам из разъярённых толп горожан и крестьян, когда они волочили татар на казнь.

Испуганные ордынские послы поспешили на поклон к Александру. Они привезли ему отмену мобилизации. Но Александр сказал им, что ему не совладать теперь со стихией народного гнева.

Восстание ширилось.

— Вы сами видите, послы царёвы,— говорил Невский татарам,— вся чернь восстала. Они и бояр убивают своих, русских, которые Орде верно служили. Что им сейчас князья!.. Вы сами виноваты зверством своим. До самого конца взбурлили народ!..

А между тем в своей могучей руке Александр держал весь ход грандиозного восстания.

— Когда так пойдёт,— говорил он Настасьину наедине,— то нагрянем и на самую Орду! Тряхнём Берку и в самом его поганом логове.

У Настасьина в эти дни словно два огромных крыла выросли за плечами и несли его. Он дивился спокойствию и мужеству Невского.

Но, управляя восстанием, Невский всё же решил показать перед татарами, будто он предпринимает усилия усмирить народ. На глазах ханских послов он вышел однажды на крыльцо своего терема к народу и стал было призывать людей к миру с татарами и к повиновению.

Но в ответ Александру раздались такие угрозы и ругательства, такой ринул град камней в окна княжеского терема, что послы принуждены были спрятаться



Восстание забушевало, как буря. Горожане ударили в колокола...

внутрь здания и стали просить Александра, чтобы он под надёжной охраной ночью вывез их поскорее из города.

Он так и сделал. Без их надзора ему было легче орудовать. Его дружины возглавили восстание. Оно разрасталось.

...И вдруг от вдовы Батыя Баракчины и от своих тайных разведчиков в Орде Невский получил страшное известие: на этот раз до нового сражения между армиями Хулагу и Берке дело не дошло! Берке, устрашённый размахом русского восстания, заключил поспешный мир с Хулагу. Хан Берке пошёл на все и всяческие уступки и даже на унижения перед братом-врагом. Он убедил его, что им немедленно надо объединить свои с лы против русских. И теперь уже союзные орды Берке и Хулагу каждый миг могли обрушиться на Русь...

И ещё одно тяжкое известие получил Александр.

Отец Дубравки — Даниил Романович, начавший по тайному уговору с ним стремительное движение против татар и уже разгромивший хана Маучи под Киевом, вдруг поворотил свои войска обратно: в тыл князю Даниилу ударил литовский король Миндовг, а Даниил-то полагался на него, как на родственника и союзника!

Так рушился великий замысел Невского — поднять разом против татарского ига и Северо-Восточную и Юго-Западную Русь.

— Худо, Настасьин, худо!.. Лучше бы я живым в могилу лёг! Всё пропало!.. Теперь только бы как-нибудь людей русских спасти от резни, от расправы! — говорил Невский.

Ещё никогда верный друг и воспитанник Невского не видел его в таком глубоком, чёрном отчаянии!

И даже ему, Настасьину, страшно было в тот первый миг подступиться к Александру Ярославичу с каким бы то ни было словом.

Тяжкие думы терзали Александра. Он понимал, что теперь, когда орды хана Берке и хана Хулагу объединились, война против татар будет не под силу истерзанной, опустошённой Руси. Удельные князья воевали между собою. Татары подстрекали их друг против друга. Александр знал, что и под него творят всяческие подкопы в Орде его двоюродные братья, сыновья дяди Святослава Всеволодича. Они уже дав-

но сидели в Орде и добивались, чтобы ярлык на великое княжение был отобран у Александра и отдан одному из них. «Святославичи» клялись хану Берке, что они двинут свои дружины против Невского вместе с татарским войском.

На Западе и Севере снова зашевелились немцы и шведы. Снова вместе с татарами они готовились вторгнуться на русскую землю.

Нет! Никакой надежды не было устоять в столь неравной борьбе! Невский понимал, что даже и его полководческое искусство и самоотверженная отвага тех, кто станет под его знамя, на этот раз будут бессильны спасти от гибели русский народ...

«Что же остаётся делать? — размышлял Невский.— Послать кого-либо из своих верных, испытанных советников с богатыми дарами в Орду, к хану Берке, чтобы отвести беду, успокоить хана? Нет! Не поверит теперь Берке никакому посольству, никаким хитрым речам, не примет никакую повинную. А почему, скажет, сам князь Александр не прибыл ко мне с повинной?!. Ведь, скажет, он отвечает за народ свой. А почему, скажет, князь Александр лучшее войско своё держит в Новгороде?!»

И чем больше размышлял Александр, тем яснее становилось ему, что если сейчас бессилен меч, то вся надежда остаётся на его собственное государственное разумение, на его умение беседовать как должно с татарскими ханами и умиротворять их.

Никто другой, кроме него самого, не сможет отвратить на сей раз новое татарское нашествие. «И детей вырежут, кто дорос до чеки тележной!.. — скорбно подумал Невский, и сердце его облилось кровью. — Да! Уж тогда и вовек не подняться Руси! По всем городам татарских баскаков насажают заместо русских князей! А другую половину рыцари да шведы захватят!.. К чему же тогда народ русский трудился — и мечом и сохою?!».

И Александр Ярославич принял крутое решение.

— Еду! — сказал он.— Еду перехватить Берке — там, в степях, на Дону. Опять хитрить, молить да задаривать! А когда уже сюда нагрянут, то тогда будет поздно. Тогда сколько не вали даров в чёрную эту ордынскую прорву, не поможет, покуда кровью русской досыта не упьются!.. Ну, а если уж суждено мне и вовсе не вернуться оттуда, то... что ж!.. Авось смертью моей и утолятся, а народ не тронут!..

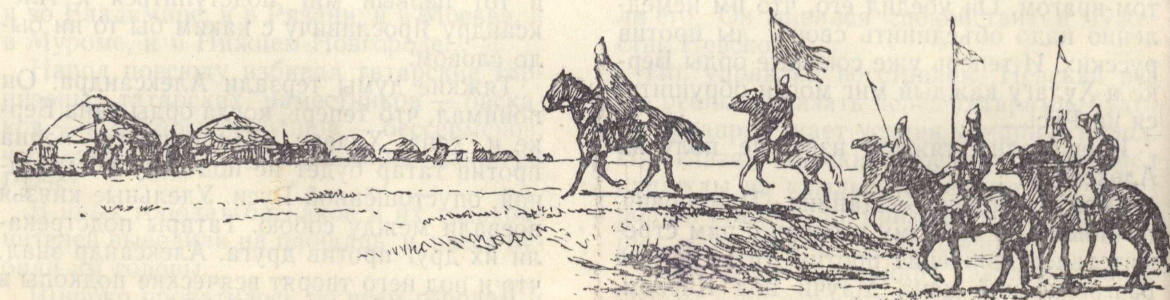
Глава пятая

С приехавшим в Орду Невским на этот раз обошлись, как с преступником, чья вина ещё не расследована. Его томили и томили в Орде, не разрешая отъехать на Русь.

В первом порыве злобного неистовства хан Берке хотел предать смерти Невского тотчас же, как тот прибыл в его кочевую ставку. И всё ж таки не посмел! Совет нойонов указал ему на три чрезвычайных и грозных обстоятельства.

Во-первых, полномочные баскаки великого хана Хубилая — Китат и Улавчий,— те самые, что в испуге умоляли Невского остановить восстание, выдали Александру от имени великого хана грамоту, в которой отменяли навечно угон русских юношей в татарское войско, затем они подтверждали снова ярлык Александра на великое княжение Владимирское и на него самого целиком возлагали сбор дани, без всяких посредников.

Казнить после всего этого своей властью князя Александра означало бы тяжко оскорбить великого хана Хубилая. А в теперешних стеснённых обстоятельствах



Александр Ярославич отправился в Орду.

Берке не мог отважиться на новую ссору — да ещё с самим великим ханом!

Второе: открытым убийством Александра в Орде русский народ не запугаешь, а только ожесточишь.

И, наконец, третье: ведь Новгород-то всё ещё не покорён. Новгородцы строптивы. И как раз в эти дни там собирают войска сын и зять Александра...

Разве покойный отец князя Александра, Ярослав, был казнён в Великой Орде? Нет, но он умер по выезде из неё, в пустыне, ровно через шесть дней после того, как старая ханша Туракина поднесла ему прощальную чашу с вином!..

Итак, решено было явной казни Александра не подвергать. Но и надо было беспримерно покарать этого могучего и опасного русского князя!..

...Совещание об этом, созванное в шатре Берке, длилось уже много времени.

Берке такими словами закончил свою вступительную речь:

— Он мог бы бежать из своей страны, подобно брату своему Андрею. Он мог бы укрыться в Новгороде. И вот этот гордый воитель ничего такого не делает, но приходит к нам просить за народ свой. Он сам вкладывает голову в силок! Что заставляет его поступить так?.. Прошу вас, подумайте!..

Первой высказалась старшая жена Берке — Тахтагань-хатунь. Это была пожилая монголка с большим и плоским лицом, с которого так и сыпались белила. Ханша уже с утра была пьяной от водки из риса, ячменя и мёду.

— Сделай ему тулуп из бараньих хвостов,— сказала Тахтагань.— И пусть этот князь Александр до самой смерти своей седлает тебе коня и отворяет дверь перед тобою!..

Она злобно хихикнула и протянула руку за чашкой кумыса.

Старейший из советников хана, князь Егу, сморщенный, со слезившимися веками, изъеденными трахомой, присоединился к мнению ханши.

— Тахтагань-хатунь говорила правильно! — закончил он.— Привяжи ему на шею цепь повиновения!..

— Да! Надо оборвать Александру крылья! — прохрипел князь Бурсултай.

— Это не дело — дать ему возвратиться и оставить вину русских, не покарав его! — поддержал их третий князь — Чухурху.

И только один-единственный голос в совете послышался в пользу Невского. Это был девяностолетний полководец на покое Огелай. Он участвовал ещё в самых первых походах Чингисхана. И за это татары особенно почитали его.

Вот что сказал Огелай:

— Искандер-Грозные Очи — это человек, который имеет сильное войско и хорошо управляет своим улусом. Тебе он исправно бы платил дань, если бы мы сами не озлобили народ русский чрезмерными поборами и требованием русских воинов в наше войско. Александр считает самыми главными врагами своего народа немецких и шведских рыцарей. Так не мешай ему сокрушать государей Запада. Дед твой никогда не убивал сильных государей, если они чтили его. Я кончил...

Чухурху злобно зашипел и долго с насмешкой щёлкал языком в ответ на речь Огелая.

— Какие жалкие слова я сейчас слышал! — вскричал он.— Словно старая баба говорила! Ты недостоин доить кобылицу, Огелай, тебе только корову доить!..

Князья и вельможи захохотали. Оскалил зубы и сам Берке. Тогда, ободрённый этим, злобный Чухурху закончил так:

— И не верь, Берке, тем советникам, которые хотят запугать тебя недоступностью Новгорода. Он лишь в пору дождей недоступен. А как только стужа зимы скуёт льдом реки, озёра и болота, наши кони легко достигнут этого города, и ты овладеешь им. А рыцари-немцы помогут тебе с Запада.

— Да! Мы поможем тебе, великий государь! — послышался голос с чужестранным выговором.

Все посмотрели в ту сторону.

Заговоривший иностранец был ростом великан. У него было лицо европейца, только непомерно велика была и выступала вперёд нижняя челюсть. Он был рыжий, кудрявый, с плешью. На затылке лежала шапочка. Одет он был, как знатный татарин.

Это был тот самый английский рыцарь ордена Тамплиеров по имени Пэта, который в нашествие Батыя предводил правым крылом татарского войска, что вторглось в Чехию. Пэта тогда потерпел от чехов полный разгром. Другого Батый казнил бы немедля на глазах войска. Но англичанин был нужен татарам для других дел. Его только отставили от командования войсками, и он сделался главным советником ханов по делам Руси и Европы.

Берке кивнул головой — сэр Джон Урдюй Пэта заговорил:

— Для могучей шеи князя Александра цепи и колодка будут самым лучшим ожерельем. Этот русский князь силён, как Самсон. О Самсоне прикажи прочесть тебе, Берке, из нашей священной книги — из библии. Так вот, сделай с этим русским богатырём то же самое, что сделали с пленным Самсоном филистимляне.

— А что они сделали с ним? — спросил, оживляясь, Берке.

— У него вынули оба глаза и слепого приставили к ручному жернову молоть муку,— отвечал рыцарь.

Видно было, что совет рыцаря Урдюя Пэты пришёлся по вкусу Берке. Однако он молчал. Тогда, чтобы усилить в нём гнев против Александра, рыцарь добавил:

— Братья-рыцари уведомляют меня, что Александр поднимал на тебя грузин.

Лицо Берке сразу покрылось синеватыми пятнами — от гнева.

Казалось, ещё мгновение, и старый хан даст соизволение ослепить Александра. И всё же предостережения вельмож взяли в нём верх.

— Нет, Урдюй,— ответил он со вздохом,— нельзя этого сделать над Александром: это дурно отразится на готовности всех прочих подвластных нам царей и князей приезжать к нам, в Орду! Все станут страшиться, что их в нашем благословенном улусе может постигнуть немилость и внезапная казнь!

Рыцаря не смутил ответ хана.

— Тогда,— сказал сэр Урдюй Пэта,— возьми пример с твоей мудрой бабки — Туракины. Она отравила князя Ярослава медленным ядом, подсыпав его в прощальную чашу вина. Это была чаша почёта, он обязан был её принять. А умер он, как ты хорошо знаешь, вскоре после выезда из Большой Орды. И вот гостеприимство осталось ничем не запятнанным...

Глава шестая

...Надвигалась глубокая осень. Шли беспрерывные дожди. Вся степь смокла и потемнела. Берке поворотил своё кочевье к Волге — на зимовку. Но Александра всё ещё не отпускали. Правда, ему не мешали в своём отдельном русском стане принимать гонцов из Владимира и Новгорода и вообще управлять княжествами, ему подвластными. Ему не запрещали выезжать на соколиную охоту в окрестные степи. Причём никто из татар в это время не надзирал за Александром. Кругом на десятки вёрст были только свои, русские, и все на лихих конях.

И вот однажды, когда выехали на соколиную охоту и были уже далеко от татарского стана, Григорий Настасьин стал умолять Невского бежать из Орды.

— Александр Ярославич! — взмолился он и голосом и взором, полным слёз.— Погубят они тебя здесь!.. Беги!.. Коней у нас много. Кони сильные. Пока татары хватятся нас, мы уж далеко будем. Ведь тебя же и народ весь заждался!.. Бежать надо, Александр Ярославич, бежать!

— Замолчи! — пылая гневом, закричал на него Александр и резко остановил коня. Остановился и Настасьин. Они были вдвоём с князем: свита ехала в отдалении.— И никогда не смей оскорблять и гневить меня такими речами,— продолжал Невский.— Чтобы я бежал? Да они и преследовать меня не станут, татары! Они только этого и ждут. Ещё след коня моего не остынет, а уж триста тысяч этих дьяволов снова начнут резню на Владимирщине. Нет, наводить поганых на землю русскую, на народ свой не стану!.. Да что я с тобой говорю про это! — всё ещё гневно воскликнул князь.— Не твоего ума дело!.. Знай своё. Ты врач, ну и врачуй!

Но юношу не запугал гнев князя. Настасьин обуреваем был страшными подозрениями: он, как врач, стал замечать в лице Александра Ярославича признаки, по которым заподозрил, что татары медленно отравляют его.

— Прости, государь! — возразил Настасьин.— Потому и осмелился заговорить с тобой, что ведь врач я... Знал заранее, что огневаешься, но я должен сказать тебе.

Невский пристально глянул на своего лейб-медика, на друга души своей...

— Что худого случилось? Говори!

— Помнишь, государь,— начал Настасьин,— как-то я сказал тебе, что у тебя под глазами опух стал делаться?..

— Помню, помню... Так ведь и прошло всё: попил твоих травок каких-то... и как рукой сняло... Должно быть, поясницу простудил на ветру: эти кибитки ихние проклятые!..

— Нет, государь, то не простуда была — яд они начали подсыпать тебе в пищу...— тихо проговорил Настасьин.

Александр Ярославич вздрогнул. Нахмурился. А затем сказал спокойно и презрительно:



Григорий Настасьин стал умолять Невского бежать из Орды.

— Весьма возможно. Это у них, у татар, в ходу. Ведь знаешь сам: родителя моего покойного зельем опоили в Большой Орде... Теперь за меня принялись... А ведь и как тут убережёшься? Кумысничать-то с ними то и дело приходится...— продолжал Александр.— То у князя Егу, то у князя Чухурху,— у того, у другого: без этого в Орде русскому князю нельзя и дня прожить!..

— Ну вот, Александр Ярославич!..— удручённым голосом произнёс Настасьин.

Оба задумались.

— Ну, а что делать будем, Григорий? — спросил Невский.

— Государь, ты должен дать мне обещание,— умоляюще произнёс Настасьин,— что ежедневно и утром и на ночь будешь принимать из моих рук противоядие. Оно,— пояснил Григорий,— способно поглотить и уничтожить многие яды!..

Затем условились, что если Александра Ярославича позовут на пир к кому-либо из татарских вельмож и неминуемо придётся поехать к ним, то чтобы всякий раз перед выездом князь принимал из рук своего врача чёрный предохранительный порошок и выпивал болтушку из сырого яичного белка.

С тех пор такой обычай и утвердился между ними...

— А похоже, друг Настасьин, что ты угольком меня угощаешь?— благосклонно сказал однажды Невский, рассматривая разболтанный в кубке чёрный порошок.

И это почему-то вдруг разобидело юношу.

— Государь,— отвечал он важно и гордо,— уж в моём-то деле дозволь мне...

Он не договорил.

Невский рассмеялся.

— Полно, полно, Гриша! — сказал он ему, ласково кладя руку на плечо. — Я тобою, лекарем моим, свыше всякой меры доволен! Ты воистину у меня Гиппократ!

Однако в какой мере доволен был своим врачом великий князь владимирский, в той же мере злился и гневался на своего медика хан Золотой Орды Берке.

Личным врачом хана Берке был старик из племени тангутов. О нём ходили легенды. Рассказывали, что старик знает целебные и ядовитые свойства всех трав и минералов. Говорили, что ещё сам Чингисхан некогда, после победы над тангутами, отнял этого лейб-медика у тангутского царя и за это отказался от всякой другой дани с побеждённых. Потом от Чингисхана этот придворный лекарь перешёл по наследству к его любимому внуку — к Батыю, а уж после кончины Батыя — к Берке. Берке не расставался даже и в походах со своим лейб-медиком. Но ценил он в нём вовсе не лекаря, а отравителя.

Когда Берке хотел, не прибегая к явному убийству, убрать опасного врага или кого-либо из знатных, кто подвергся ханской опале, он отдавал тайное повеление

старому тангуту — и ханский приговор совершался.

У этого тангута были яды, которыми он мог умертвить свою жертву на любой день — и через неделю, и через две, и даже через полгода: как только повелит хан.

И вот впервые старый отравитель обманул доверие Берке — впервые замедленная отрава не действовала на того, над кем прозвучал тайный приговор хана!..

Наедине, в спальном шатре своём, разъярённый Берке схватил своего лекаря за его длинную острую бородёнку и рванул ее.

— Ты старый ишак! Ты лжец и самозванец! — визгливым, злобным голосом кричал хан. — Ты обещал мне, что уже через месяц Александр не сможет сесть на коня. Так знай же, невежда и обманщик: вчера этому Александру, в его русский стан, привели бешеного коня, ещё не знавшего подков, и Александр укротил скакуна и умчался на нём в степь. Я прогоню тебя! Я тебя пастухом овец сделаю!..



Разъярённый Берке схватил лекаря за его длинную острую бородёнку.

Голова перепугавшегося старика моталась из стороны в сторону.

Наконец Берке отпустил его бороду. И старый отравитель с низким поклоном заговорил.

— Пресветлый повелитель,— сказал он.— Нет, я не обманывал тебя. Я видел сам, уже болезнь стала показывать ему своё лицо. Быть может, и ты заметил, хан, когда призывал к себе русского князя, что под глазами его виднелась уже припухлость. И вдруг всё это бесследно исчезло!.. Напрасно я умножал яды — они не оказывали действия!.. Хан, прости твоего раба, но разве есть на свете такие яды, против которых природа и мудрость медика не нашли бы противоядия? Князя Александра спасли!..

— Как?! — в злобном удивлении прошипел Берке.— Кто же осмелился?! И кто же смог это сделать?!

Оглянувшись, хотя в шатре они были одни, отравитель прошептал едва не на ухо хану какое-то имя...

Тот в изумлении отшатнулся.

— Ты бредишь, старик! — вскричал он.— Как? Этот русский юноша, едва вышедший из поры отрочества? И это он смог сделать всю твою прославленную мудрость бессильной?! Стыдись! И это говоришь мне ты, которого чтил сам дед мой — великий воитель?!

Отравитель удручённо покачал головой.

— Нет, мне не стыдно, хан, потерпеть поражение от такого соперника! — отвечал старик.— Никто другой из медиков не нашёл бы — и столь быстро! — противоядия против отравы, которою я отравил князя Александра! А этот нашёл! И отсюда я сделал вывод, что если этот юный медик русского князя войдёт в зрелые годы, то он станет вторым Авиценной... Только этот великий врач знал в юности столь много!..

Глава седьмая

Невского изнуряли в Орде не только чёрная ханская неволя, не только то, что он был оторван от всего родного, русско-

го, но ещё и неизбежные татарские гости. Душу выматывали, а не только одни подарки все эти батыри и вельможи!..

А прогнать их было никак нельзя: тот — «князь правой руки», тот — «князь левой руки», третий же — царевич, а четвёртый «дышит в самое ухо повелителя».

И приходилось ради блага и пользы своего народа не только принимать незваных, но и подчас самому зазывать на угощение, одаривать и терпеть их гнусные беседы.

Как изнуряли они князя!

Вот хан Чухурху, лютый и явный враг русских, только что советовавший Берке предать Невского самой ужасной казни, тут, сидя на коврах в шатре Александра, целует его в плечо и, якобы сочувствуя, говорит:

— Ай, ай, князь! Когда я услыхал, сердце и печень мои стеснились: Берке хочет приказать тебе умереть, не показав крови!..

Это означало, что Александра задушат тетивою лука...

...Приходит другой гость — князь Егу. Вот он жрёт плов, захватывая его двумя китайскими костяными палочками, пьёт кумыс, рыгает и говорит Александру:

— Всё хорошо, Искандер, всё хорошо: ты вынес душу свою из бездны гибели на берег спасения!.. Хан простил тебя — ты будешь в ряду царевичей посажен!..

Но через день — другой снова является тот же самый Егу и с таинственностью, с оглядкой шепчет Александру:

— Ой, князь Искандер, совсем худо!..— и закрывает глаза и долго молчит — нарочно, чтобы помучить Александра.— Совсем худо: над всеми над нами взял верх этот злой рыцарь — Урдюй Пэта. Он вложил в уши хана совет погубить тебя навеки. Берке решил не убивать тебя, но тебя ослепят, и ты будешь до конца дней твоих молоть ханским жёнам ячмень на ручных жерновах и носить волосяную верёвку на шее.

Волосяная верёвка означала рабство...

Невский знал от вельмож, задаренных им, что рыцарь-предатель Джон Урдюй Пэта и впрямь добивался для него той лютой и позорной казни, о которой говорил Егу.

Временами, когда князь оставался с глазу на глаз со своим верным Настасьиным, из груди Александра исторгался глухой вопль гнева и душевной муки:

— Полгода, полгода истязают проклятые!.. Доколе смогу терпеть?! А тут ещё хозяина радушного из себя творить перед ними! Кумысничать с ними, под своим кровом принимать!.. О-о!.. Люто мне, Григорий!..

Настасьин утешал князя. А у самого слёзы скорби и гнева кипели!..

— Перетерпеть, государь!.. Что ж больше делать остаётся! Сам ты учил меня: за отечество всё перетерпеть!..

— Знаю, Настасьин, знаю!..— отвечал ему Александр.— Да хоть бы не видеть у себя под кровом эти дьявольские образины!

— Нет, государь,— возразил ему Григорий. — И здесь я супротив тебя буду слово молвить. Уж лучше к нам, сюда зазывай их: здесь хоть не подсыпят яду в пищу!.. А там, у них, что захотят, то и сотворят!..

Глава восьмая

Следуя доброму совету Настасьина, Невский привык в своём ордынском томлении совершать перед сном непременную прогулку верхом.

Вот и сейчас он стоял перед серебряным полированным зеркалом, которое висело на одной из решетин кибитки, и поправлял на себе невысокую княжескую шапку с бобровой опушкой и плоским верхом из котика.

Вот уж он натянул на свои богатырские руки ездовые длинные кожаные перчатки с раструбами. Теперь только сесть на коня!

В это время в шатёр вошёл Настасьин.

— Государь,— обратился он к Невскому,— там опять заявились к тебе бояре татарские. Двое. Ждут.

Александр нахмурился.

— А, пёс бы их ел!.. Покоя от них нету. Вот уже и на ночь глядя приходить стали!.. Ладно. Скажи дворскому: велю впустить.

— А мне, Александр Ярославич, остаться с тобой или как? — спросил Настасьин.

— Тебе? Нет, зачем же! — отвечал Невский.— Ступай в шатёр свой, отдохни. Ведь ныне я этих гостей потчевать не стану. Стало быть, не опасно!.. Стража рядом... Пойди, отдохни, Гриша!..

И Настасьин ушёл...

...В шатёр князя вступили двое. При слабом свете свечей Невский не сразу смог рассмотреть, кто из татарских вельмож стоит перед ним.

Один из них был исполинского роста. Входя в шатёр, он принуждён был чуть не

вдвое согнуться. Да и могуч был! Плечи, как брёвна!..

Другой — худенький, маленький. Оба — в татарской одежде знатных: в шёлковых стёганых халатах, в расшитых яркими цветами шапках-малахаях...

Невский, по обычаю гостеприимства, приветствовал их и пригласил было садиться на подушки, разложенные по ковру. Заговорил он с ними по-татарски, уверенный, что перед ним татары, и назвал их князьями.

И вдруг Александр признал в этих татарских вельможах тех двоих людей, которые всегда были в его глазах не людьми, а самыми гнусными, ядовитыми гадами, от которых так и смердело изменой: оба они были рыцарями, изменившими своему народу. Великан был сам Джон Урдюй Пэта, а спутник его — тоже рыцарь ордена Храмовников, только немец — Альфред фон Штумпенгаузен. Оба они за деньги продались татарам и, по существу, были татарские холуи и шпионы...

Невский поднял перед ними правую руку, запрещая им садиться.

— О, нет, нет, нет! — грозным и презрительным голосом проговорил он.— Я обознался. Для псов у меня трапезы нет! А вон там, возле поварни, корыто стоит. Если голодны, прошу вас туда пожаловать!..

— Князь! — надменно воскликнул Пэта.— Ты раскаешься: в моём лице ты оскорбляешь советника ханского и вельможу!

— Ряженых я не звал: ныне не масляная неделя!.. — ответил, уже с трудом сдерживаясь, Александр.— Ну?! Вон отсюда!..

Штумпенгаузен мигом выбежал из шатра. Но рыжий гигант остался на месте.

— Меня не испугаешь, князь, — сказал он. — Я Пэта!.. Не кичись, здесь ты раб! Я же свободен. Захочу — и Берке прикажет завтра же удавить тебя тетивою!.. Дай пройти!.. — И Джон Урдюй Пэта кулаком толкнул Невского в плечо.

На миг словно кровавое полымя застило свет глазам Александра.

— Ах ты Иуда!.. Наёмная собака татарская!..— во весь голос крикнул он, уже не помня себя от гнева.

И рукой в кожаной перчатке, кулаком, от одного удара которого дикий степной конь падал наземь, Александр Ярославич ударил Пэту по голове.

Рыцарь был убит наповал...

— Ну вот,— тяжело дыша, проговорил Невский, — и без тетивы обошлось!..

Кровь стучала в висках, пошатывало его. Он вышел из шатра. Вороной конь рвал копытами землю... Александр вскочил в седло и принял из рук воина повод.

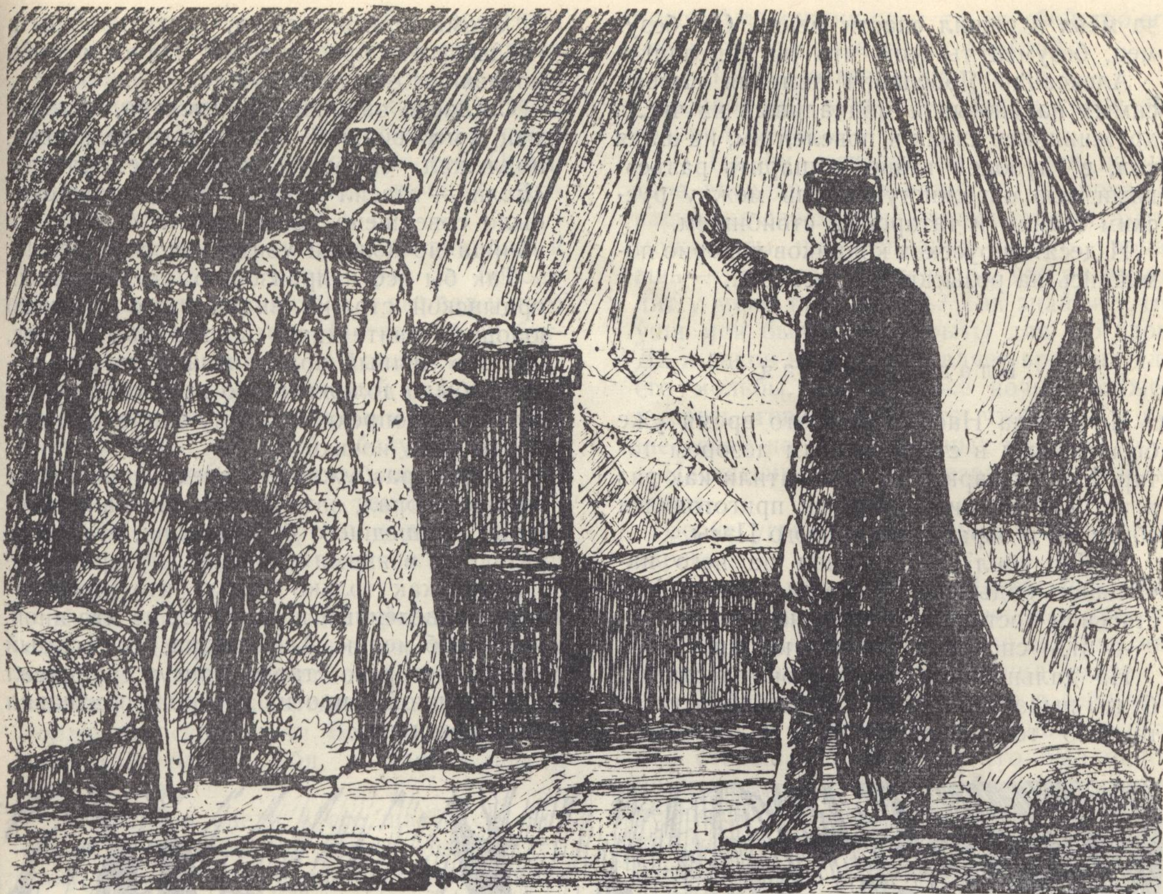
— В шатёр мой не допускать никого! А я скоро буду!..— отдал он приказание шатёрной страже и поскакал.

Со свойственной ему быстротой соображения Александр, уверенный, что рыцарь Пэта убит им насмерть, понял, что́ надлежит ему сделать сейчас. Надо опередить Альфреда Штумпенгаузена и первым сообщить начальнику ханской стражи о том, что́ произошло. Тогда, согласно законам самой Орды, Александру не грозит почти ничего. Князь, платящий дань, был в своём становище как бы на куске своей собственной земли. Он мог, не спрашивая соизволения хана, творить суд и расправу над своими подданными, которые прибыли вместе с ним в Орду. Он мог принять или не принять любого из татарских вельмож, если только они не от самого хана были посланы. И если, наконец, в случае кровавого столкновения князь-данник мог доказать, что убитый им татарин вторгся к нему сам и оскорбил его, то, по закону Орды, чужеземный князь не подлежит за это взысканию!

Вот почему Невский и мчался к татарскому стану, не щадя своего вороного коня!..

Глава девятая

Александр принуждён был вернуться, не застав букаула — главного начальника ордынской стражи. В татарском стойбище было что-то тревожно — усилены караулы, несколько раз князя останавливали и не хотели пропускать дальше, к ставке Берке. Впрочем, для Орды с наступлением ночи такое состояние тревоги было делом обычным: Берке постоянно опасался покушений на свою жизнь и часто проверял бдительность охраны. Потому и в эту ночь главный начальник стражи всего стойбища был вызван в ставку Берке. А туда пробраться ночью нечего было и думать! Ещё при Чингисхане установился закон, что если ночью неподалёку от ставки хана будет задержан человек без пропуска и не вызванный к хану, то надлежало, даже не спрашивая, кто он и зачем, «рубить ему плечо», хотя бы это был один из царевичей..



Невский поднял руку, запрещая вошедшим садиться.

Александру не оставалось ничего больше, как вернуться и обождать до рассвета.

Когда он вступил в шатёр свой, он оцепенел от ужаса: труп рыцаря Пэты исчез!..

Да ведь не мог же он ожить! А если бы даже и произошло такое немыслимое, то выползти из шатра князя не мог же он незамеченным!..

Александр позвал стражу: вошли два воина и с ними шатёрничий.

— Кто без меня входил в мой шатёр?! — грозно спросил их Александр.

И боярин, ведавший княжескими шатрами, и оба воина сперва стали клясться, что никто не входил. Вдруг один из воинов вспомнил, что лекарь княжий, Григорий, был впущен ими: «Да ведь он, княже, всегда к тебе за всяко просто входил, ну мы и ничего... Думали, не про него шла речь...»

Александр уже и не слушал их больше. Ужас и скорбь обуяли его. Всё, всё стало ясно ему!

— Гринька, безумец ты мой, что ты наделал?! — вырвался у него скорбный вопль, и Александр Ярославич закрыл ладонями лицо.

Невский осмотрел войлочную боковину шатра. Ну, так и есть. Вот даже и снежок намело снаружи в этом месте из-под плохо опущенного войлока: здесь-то, значит, и выволок Настасьин тело убитого Урдюя Пэты. А потом что ж? Взвалил на коня да и поспешил под кровом ночи вывезти подальше куда-нибудь в степь. Своя, русская стража могла и не остановить: каждый воин знал княжего лекаря в лицо. Настасьина любили в войске...

«Да!.. Бедный, бедный Григорий! Гринька ты мой!.. Вся душа твоя тут сказалась — в безумном деянии этом! — думалось Александру.— Вошёл ты в шатёр... увидал эту злую падаль... понял, кто его умертвил, и страшно, страшно стало тебе

за меня и решил спасти меня... Ох, безумец, безумец ты мой, что ты наделал!..»

Александр Ярославич немедля вызвал самых надёжных и молчаливых из числа дружинников своих и повелел им, не щадя сил, в глубокой тайне обшарить разъездами всю овражистую степь между русским станом и татарским стойбищем.

И десятки русских конников попарно помчались на розыски Настасьина...

Глава десятая

Но Гриша Настасьин в это время уже был схвачен в степи конным дозором татар. Его подкараулили и схватили как раз в тот самый миг, когда он приготовился сбросить в овраг тело убитого Пэты.

— Ты убил?! — закричал на него начальник ордынской стражи, когда Настасьина доставили к нему на допрос.

— Я,— спокойно отвечал юноша.

На дальнейшем допросе он рассказал, будто рыцаря он убил в запальчивости за то, что тот оскорбил его, Настасьина. А опомнившись, решил, дескать, скрыть следы своего преступления. На этом своём показании он стоял твёрдо.

Согласно законам Чингисхана, чужеземец, умертвивший ордынского вельможу, подлежал смертной казни немедленно. «Если, — гласил этот закон,— убийство было совершено после заката солнца, то убийца не должен увидать восхода его!».

Так бы всё и произошло, но начальник ордынской стражи видал этого русского юношу в свите князя Александра и знал, что это личный врач князя. Поэтому решено было доложить обо всём самому хану Берке вопреки строгому запрету беспокоить хана ночью.

Сперва разбуженный среди ночи Берке злобно заорал, затопал ногами на стражника, пришедшего будить хана, стал грозить ему всякими ужасами, но сразу же поутих, как только узнал, что преступник, приведённый на его суд, не кто иной, как лейб-медик Александра, тот самый медик, которого старый тангут сравнивал с Авиценной и против которого признавал своё бессилие...



Не дрогнув, повторил Настасьин перед ханом своё признание в убийстве.

...Хан Берке был не способен перенести, чтобы у кого бы то ни было из окрестных государей, князей, владетелей был в их соколиной охоте сокол или кречет резвее, чем у него. И те, кто знал об этом и хотел угодить верховному хану Золотой Орды, приносили ему в дар своих лучших охотничьих птиц...

...В ту памятную ночь, когда впавший в неистовую ярость Берке тряс за бороду своего тангута-отравителя и вырвал у него признание, что против Настасьина он бессилен, хану долго не спалось. Как?! У русского князя его личный медик бесконечно превышает познаниями прославленного медика, который обслуживает его самого, Берке?! Не есть ли это позор ханскому достоинству — такой же, как если бы чей-либо кречет взвивался выше и сильнее бил птицу, чем ханский кречет?!

И вот сейчас перед ним предстанет этот самый чудесный юноша-врач, предстанет как преступник, обречённый казни! И в злобной радости, в предвкушении полного торжества своего хан Берке немедленно приказал одеть себя, а затем ввести Настасьина.

Настасьина ввели в его шатёр со связанными руками. Он молча поклонился хану, восседавшему на подушках, брошенных на ковёр.

Берке отдал приказание после тщательного обыска развязать юношу. Рослые телохранители стояли по обе стороны шатёрного входа и по обе стороны от Берке.

Настасьин спокойно оглядел хана. Берке был одет в шёлковый стёганый халат зелёного цвета с золотою прошвою. На голове шапка в виде колпака с бобровой опушкой. Ноги старого хана в мягких красного цвета туфлях покоились на бархатной подушке. Берке страдал неизлечимыми язвами ног...

Настасьина поразило сегодня лицо Берке. Ему и раньше приходилось видеть хана, но это всегда происходило во время торжества и приёмов, и щёки Берке, по обычаю, были тогда густо покрыты какой-то красной жирной помадой. А теперь дряблое лицо хана ужасало взгляд струпьями и рубцами.

Не дрогнув, повторил Настасьин перед ханом своё признание в убийстве.

— А знал ли ты,— прохрипел Берке,— что ты моего вельможу убил?

— Знал.

— А знал ли ты, что, будь это даже простой погонщик овец, ты за убийство его всё равно подлежал бы смерти?

— Знал,— отвечал Настасьин.

Воцарилось молчание. Затем снова заговорил Берке.

— Ты юн,— сказал он,— и вся жизнь твоя впереди. Но я вижу, ты не показываешь на своём лице страха смерти. Быть может, ты на господина своего уповаешь — на князя Александра, что он вымолит у меня твою жизнь? Так знай же, что уши мои были бы закрыты для его слов. Да и закон наш не оставляет времени для его мольбы. Ты этой же ночью должен умереть, говорю тебе это, чтобы ты в душе своей не питал ложных надежд!

Настасьин в ответ презрительно усмехнулся.

Берке угрюмо проговорил что-то по-татарски.

Стража, что привела Настасьина, уже приготовилась снова скрутить ему руки за спиной и вывести из шатра по первому мановению хана. Но Берке решил иначе.

— Слушай ты, вместивший в себе дерзость юных и мудрость старейших! — сказал старый хан, и голос его был полон волнения. — Я говорю тебе это, я, повелевающий сорока народами! В моей руке законы и царства. Слово моё — закон законов! Я могу даровать тебе жизнь. Мало этого! Я поставлю тебя столь высоко, что и вельможи мои будут страшиться твоего гнева и станут всячески ублажать тебя и класть к ногам твоим подарки! Оставь князя Александра!.. Над ним тяготеет судьба!.. Своими познаниями в болезнях ты заслуживаешь лучшей участи. Моим лекарем стань! И рука моя будет для тебя седалищем сокола. Я буду держать тебя возле моего сердца. Ты из одной чаши будешь со мной пить, из одного котла есть!..

Презрением и гневом сверкнули глаза юноши.

— А я брезгую, хан, из одной чаши с тобой пить, из одного котла есть! — воскликнул гордо Григорий Настасьин.— Ты кровопийец, ты кровь человеческую пьёшь!

Он выпрямился и с презрением плюнул в сторону хана. Грудь его бурно дышала. Лицо пламенело.

Все, кто был в шатре, застыли от ужаса. Берке в ярости привстал было, как бы готовясь ударить юношу кривым ножом, выхваченным из-за пояса халата. Но вслед за тем он отшатнулся, лицо его иска-



Александр Ярославич обратил к воинам своим предсмертное слово.

зилось подавляемым гневом, и он произнёс:

— Было бы вопреки разуму, если бы я своей рукой укоротил часы мучений, которые ты проведёшь сегодня в ожидании неотвратимой смерти!.. Знай же: тебе уже не увидеть, как взойдёт солнце!

Юноша вскинул голову.

— Я не увижу — народ мой увидит! А вы погибнете, глухое вы царство и кровавое!..

...Эта ночь была последней в жизни Настасьина.

Глава одиннадцатая

Ещё свыше месяца протомили Александра в Орде. А когда уже несомненным стало для Берке и для его старого отравителя, что Невский занемог от медленно действующего яда, которым теперь уже без всякой помехи отравляли его, то князь был отпущен.

Однако с глазу на глаз Берке всё ж таки пригрозил своему медику.

— Берегись! — сказал хан.— Если только князь Александр доберётся до Новгорода, то я велю зашить тебя в шкуру волка и затравить собаками!..

— Нет, государь,— ответил с подобострастными поклонами отравитель,— Александр-князь сможет отъехать от черты благословенных орд твоих не дале, чем покойный отец его отъехал от Каракорума!..

На этот раз тангут не ошибся. Смертельный приступ, вызванный отравой, свалил Александра в Городце на Волге. Это произошло на ночлеге в монастыре. Напрасны оказались все усилия учёного лекаря из числа монахов!.. Александр умирал и знал, что умирает...

По обычаю князей русских, и ему на смертном одре надлежало снять княжеский сан свой и принять схиму — постричься в монахи. Александр видел, как тесная келья наполняется монахами в чёрных одеяниях, и понимал, что это означает.

Вот и сама схима — чёрная, длинная монашеская мантия и куколь, чёрный островерхий наголовник с нашитым спереди белым крестом — уже лежит наготове.

Старик-архимандрит присел на табурет возле умирающего и начал было говорить ему предсмертные утешения и увещания.

Невский с досадой поморщился, приподнял исхудалую руку и остановил монаха.

— Полно, отец честно́й! — негромко произнёс он.— Не утешай меня, смерти я не страшусь. Смерть — мужу покой! Всю жизнь я с нею стремя в стремя ездил!..

Он умолк. Монах сидел возле его постели и шептал молитвы.

Могучие дружинники, допущенные проститься с князем, стояли неподвижно, понуро.

Александр посмотрел на них. По лицу его прошла тень улыбки. Затем лицо его стало опять суровым.

— Отец честно́й,— снова обратился он тихим, но властным голосом к старцу,— повремените ещё немного, скоро ваш буду!.. А теперь дайте мне в последний раз с моими воинами побыть, проститься... Пускай отцы святые выйдут на малое время, оставят нас одних.

Архимандрит подчинился предсмертному велению князя и вместе с монахами покинул келью.

Остались только воины. Они сомкнулись над смертным одром Невского. Послышались тяжёлые мужские рыдания.

Александр вздрогнул и нахмурился.

— Кто это там? — прикрикнул он на дружинников.— Пошто рыдаете надо мной? Зачем душу мою надрываете жалостью? Полно!..

Рыдания смолкли. И тогда Александр Ярославич — тот, кто ещё при жизни своей был наименован от народа — Невский, обратил к воинам своим предсмертное слово. Он звал их не щадить жизни и крови своей за отечество, не страшиться смерти...

— Об одном, орлята мои, скорблю,— сказал он,— об одном скорблю — не сломлено ордынское иго!.. Борозда моя на Русской земле не довершена. Раньше срока плуг свой тяжкий покидаю!

Тяжкие, неисчислимые жертвы принёс народ русский в борьбе против татарского ига. Казалось, нет и не будет на свете той силы, которая могла бы разбить татарские полчища и свергнуть иго Орды! Но вот минуло сто лет — и русское народное ополчение во главе с одним из потомков Невского, с Дмитрием, князем московским, в кровавом побоище уничтожило трёхсоттысячную ордынскую армию хана Мамая в верховьях Дона.

Это была победа всего русского народа! Не дружины князей одолели в Мамаевом побоище. Нет! Небывалое, огромное народное ополчение в сто пятьдесят тысяч двинула на врагов Русская земля под знаменем Москвы. Крестьяне-пахари и простые горожане — вот кто явился главной силой в той неслыханной битве, переломившей хребет Орде!

Недаром же перед началом сражения князь Дмитрий Донской особо воззвал к людям «молодшим», к «сыновьям крестьянским от мала до велика»!

Мамаево побоище было закатом могущества Орды.

А для русского народа всходило солнце — подымалась Москва!







Школьный музей

Наш Новгород — очень древний город. Ему около тысячи лет.

Каждый год летом у нас в городе ведутся археологические раскопки.

По находкам археологов можно представить, как выглядел древний Новгород, как жили новгородцы сотни лет назад, чем они занимались.

Ребята нашей школы часто ходят на раскопки: поглядеть, что нашли археологи, послушать их рассказы.

Некоторые ребята так увлеклись археологией, что и сами принялись копать у себя во дворах, в огородах, около домов, в котлованах строек. И многим повезло. Люся Киселёва нашла красивый плотничий топорик XI века, Гена Кораблёв — железный наконечник копья XVI века. Нашли ребята много монет, старинный охотничий нож, черепки посуды, украшенные красивыми орнаментами, глиняную трубку, какие курили во времена Петра I.



Арабская монета X века.



Плотничий топор XI века.

Столько всяких находок собралось, что мы решили у себя в школе устроить краеведческий музей.

Археологи помогли нам определить, к какому веку относятся наши экспонаты, о чём они рассказывают.

Много нового узнали мы о своём городе.

Оказывается, уже в X—XII веках наш Новгород был культурным, благоустроенным городом с красивыми домами, мощёными улицами и площадями. Водоотводные трубы осушали болотистую землю в городе.

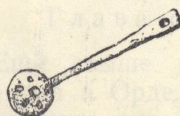
И у нас в музее есть большая деревянная водоотводная труба и широкая плаха — кусок деревянной мостовой XI века. Мы читали в книгах о том, что Новгород был большим торговым городом, что сюда съезжались купцы из разных стран мира. В нашем музее есть подтверждение этому — арабская монета X века. Значит, уже в те времена арабские купцы приезжали в Новгород со своими товарами.



Костяной гребень XII века.

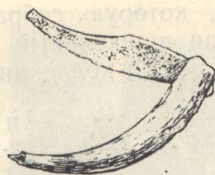
Археологи подарили нам старинный костяной конёк. На таких коньках катались новгородцы восемьсот лет назад! Значит, ещё в те далёкие времена новгородцы увлекались спортом.

Наши находки рассказали нам и о том, что новгородцы издавна были хорошими мастерами. В Новгороде жили кузнецы, медники, кожевники, бронники, ювелиры...

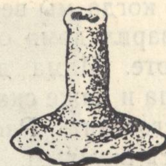


Ключ XIV века.

Но все вещи нашего музея кажутся совсем не древними по сравнению с теми, которые мы нашли этим летом в походе. Недалеко от села Кончанское-Суворовское мы осмотрели стоянку первобытного человека. На песчаном берегу озера Шери-




Охотничий нож XVIII века и глиняная трубка начала XVIII века.



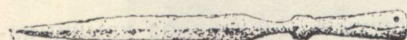
Горловина сосуда XI века.

годра и прямо в воде около берега мы нашли вещи, которые служили человеку три — четыре тысячи лет назад: кремнёвые наконечники копий, скребки, много черепков глиняной посуды.

В нашей школе уроки истории часто проходят в музее. История становится такой живой и понятной, всё так хорошо запоминается, когда не только слышишь рассказ учителя, но и своими глазами видишь древние вещи, можешь потрогать их руками, хорошенько рассмотреть.



Печать Троицкой церкви.



Наконечник копья XVI века.



Костяной конёк XII века.

Наш музей всё время растёт и пополняется новыми экспонатами. Несколько ящиков ценных находок привезли мы из похода в этом году. И сейчас у нас много работы: надо всё разобрать, сделать подробные подписи к каждой находке.

Многое из того, что мы привезли, пошлём в подарок своим друзьям — краеведам других школ и городов.

Нина Харитонова,
староста краеведческого кружка 4-й школы, г. Новгород.



Серп XVI века.



Самое трудное

В начале июня мы собрались в туристский поход. Это был мой первый поход. Ребята выбрали меня главным ботаником отряда — поручили собрать гербарий.

Нам предстояло пройти пешком почти двести километров и сдать нормы на значок «Турист СССР».

В пути было трудно, но зато и интересно. Мы проходили в день километров по двадцать, ночевали в лесу, побывали во многих замечательных местах, собирали гербарии и коллекции. В походе я научился стряпать. Мне и теперь смешно, когда вспоминаю своё первое дежурство. Со мной должен был дежурить мой приятель Валерка, и поэтому я не очень волновался о том, как мы сварим обед.

Но произошло вот что. Поставили мы варить суп, а я пошёл за водой. Вдруг прибегает Валерка и кричит:

— Где у нас сахар? Скорей!

— Зачем тебе сахар? — удивился я.

— Да я суп пересолил.

— Ну и что? — спрашиваю.

— Что, что! Сахару надо добавить,— кричит Валерка,— чтобы пересолу не было!

— Воды нужно добавить, а не сахару,— сказал я и тут в первый раз заметил, что вроде даже чуть-чуть горжусь тем, что немного умею готовить.

Над Валеркой ребята здорово посмеялись в тот вечер... Ну, а к концу похода и он и я уже научились варить суп, и разные каши, и кисель.

А когда мы вернулись в Москву, я взял и сварил дома обед, пока мама была на работе. Мама две тарелки рассольника съела и даже сказала, что ей самой лучше не сготовить. Рассольник и вправду получился вкусным.

А коллекцию, которую собрала наша группа, мы сдали в школьный ботанический кабинет. Хорошая коллекция получилась!

В. Рузанов,
ученик 8-го «А» класса 652-й школы,
г. Москва.



Храбрый заяц

Однажды мы с товарищем возвращались из школы домой на попутном грузовике.

В этот день после долгих бесснежных недель наконец пошёл снег. Он сыпался из серых, низко нависших туч. Крупные мохнатые снежинки, кружась от ветра, густой сеткой закрыли горизонт. От этого привычные места казались не такими, как всегда, будто вокруг нас какая-то неведомая страна.

Мы ехали быстро, шофёр, видно, торопился. Держась за крышу кабинки, мы стояли в кузове и смотрели вперёд. Снег слепил глаза, попадал за воротник, таял и холодными струйками стекал за шею.

Дорога пошла под гору, машина ускорила ход, и сразу снег показался нам гуще и напористее, а ветер — сильнее и злее. Мы уже решили было укрыться в кузове под защитой кабины, когда впереди заметили какую-то смутную точку. Стали всматриваться: точка быстро росла и с каждой секундой становилась всё отчётливее.

Мы с Колей пробовали угадать, что это, и даже заспорили.

— Волк! — крикнул вдруг Коля.

Тут и я увидел, что навстречу нам длинными скачками бежит большущий волк. Он был так увлечён чем-то, что совсем не обращал на нас внимания. Тут я заметил впереди волка зайчишку и показал Коле. Волк уже настигал добычу.

И вдруг мы ясно увидели, как заяц, сжавшись в комок, прыгнул на самую середину дороги, помчался нам навстречу и... юркнул под грузовик. Тут и волк увидел машину, косо поглядел на нас и свернул в степь. А заяц через секунду вынырнул позади нас из-под грузовика, мотнул ушами и задал такого стрекача, что мы мигом потеряли его из виду.

Дома мы рассказали про зайчишку дедушке Акиму, старому охотнику, думая удивить его. Но дедушка Аким ничуть не удивился.

— Зайцы не такие уж трусы, какими их считают,— сказал он.— Слабый может проявить силу, если он не хочет попасть в лапы врагу.

Борис Ужва,
Ростовская область, Милютинский район,
зерносовхоз «Светоч».

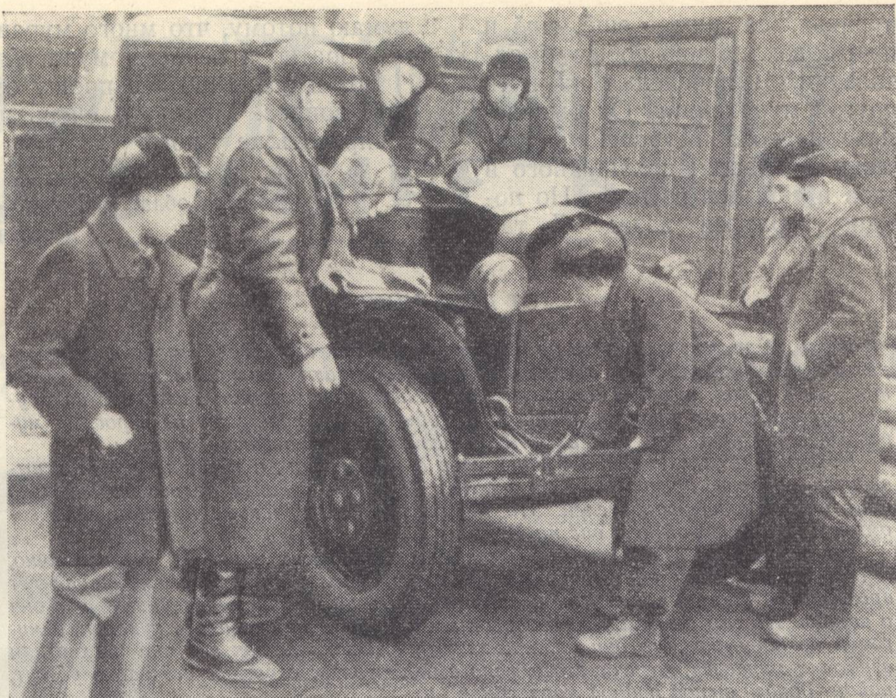


За рулём

Целую зиму я занимался в клубе юных автомобилистов. Мы изучали устройство машины, сами собирали и разбирали мотор, знакомились с правилами уличного движения.

Однажды нам пришлось на практике проверить, хорошо ли мы знаем мотор. Вышли мы как-то с ребятами из клуба и видим: у тротуара стоит коляска и инвалид возится с мотором. Мы подошли и спрашиваем, в чём дело.

— Да вот коляска моя сломалась,— ответил он нам, — мотор забарахлил. Не знаю, что и делать с ним.



Ребята с увлечением часами возятся около машины, ведь водителю машины необходимо хорошо знать устройство мотора.

Мы ввезли коляску в клуб, разобрали мотор, отрегулировали управление... Часа три провозились, а всё-таки починили коляску. Тут мы почувствовали, что уже разбираемся в устройстве мотора. И очень приятно было помочь человеку.

Весной я вместе с товарищами сдал экзамены, получил удостоверение юного водителя и вступил в члены клуба. Наконец-то нам разрешено самостоятельно водить машину!

У нас был замечательный план: летом организовать поход Москва — Тула — Ясная Поляна — Москва. И вдруг всё сорвалось. Летом я вместе с мамой уехал отдыхать в деревню. Ребята отправились в автопоход без меня.

Сначала я был очень огорчён, но оказалось, что всё сложилось не так уж плохо. В колхозе, где мы жили летом, была своя машина, я познакомился с шофёром и стал помогать ему. Вместе с шофёром мы возились около машины, делали текущий ремонт, и нередко он давал мне самому водить машину. В колхозе меня даже прозвали «запасным шофёром».

В этом году я буду продолжать занятия автоспортом и следующим летом обязательно поеду в поход вместе с нашими ребятами.

Рафаил Ахмеджанов,
ученик 8-го «Д» класса 174-й школы,
г. Москва.



Случай с муравьями

Мне очень хотелось бы знать, почему муравьи таскают друг друга из муравейника в муравейник.

Однажды я наблюдал за муравьями. Вдруг я заметил, как из одного входа выбежал муравей, он тащил на спине та-

кого же муравья, за ним — ещё, ещё и ещё. Муравьи волокли свою добычу в одном направлении. Я проследил их путь и увидел другой муравейник. Он был немного меньше первого. Муравей, за которым я следил, затащил похищенного в один из ходов и скрылся из виду. Но потом он, видно, вернулся назад. Я так думаю потому, что много муравьёв бежало обратно к первому муравейнику.

Вот и всё. Ещё раз прошу ответить на мой вопрос. Меня это очень интересует, а спросить не у кого.

Юра Кац.

Свердловская область, Сысертский район, деревня Кашино.

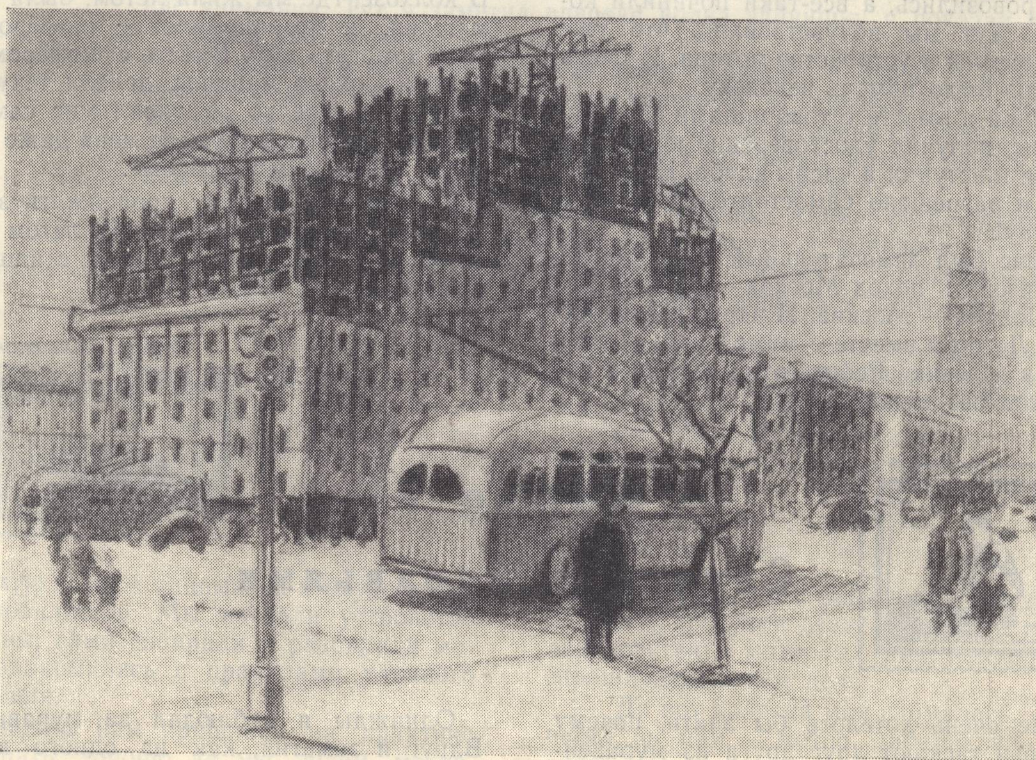
ОТ РЕДАКЦИИ

Жаль, Юра, что ты ничего не пишешь о том, как выглядели муравьи, за которыми ты наблюдал. Дело в том, что муравьи бывают различных видов и среди них... есть такие, которые действительно занимаются разбоем: нападают на другие муравейники и берут пленников. Но обычно они похищают не взрослых муравьёв, а куколок, или, как их обычно называют, муравьиные яички.

Похитители утаскивают добычу к себе в муравейник, и когда из куколок выведутся муравьи, превращают их в рабов. У нас, в средней полосе, есть только один вид муравьёв-грабителей. Это так называемые кровавые муравьи. Они водятся и под Москвой и у вас на Урале.

Но ты пишешь, что они тащили не куколок, а других муравьёв. Это необычно, и объяснение этому одно: муравьи не могут думать, их действиями управляет врождённый инстинкт. Наступила пора нападать на чужой муравейник — вот они и напали. Но там по каким-то неизвестным причинам не оказалось куколок, а муравьи не понимают, что они должны тащить именно куколок, вот они и схватили взрослых муравьёв, хотя от этого мало выйдет толку: взрослые всё равно убегут, найдут дорогу в свой родной муравейник.

Если муравьи-пленники показались тебе такими же, как и похитители, надо думать, что кровавые муравьи в этот раз похищали рыжих. Они одинаковой величины и почти одного цвета, так что их трудно отличить, если не рассматривать в подробностях.



Район строится.

Рисунок Володи Садыгина. Москва.



ПИСАТЕЛИ РАССКАЗЫВАЮТ



В. П. Беляев.

«ТРЕВОЖНАЯ МОЛОДОСТЬ»

Во многих письмах, которые присылают мне читатели трилогии «Старая крепость», я нахожу одно и то же пожелание: «Хорошо бы увидеть то, о чём вы рассказываете, на экране».

Чтобы удовлетворить пожелания моих юных друзей и читателей, ещё в прошлом году я вместе с автором фильмов «Великий гражданин», «Подвиг разведчика», «Она защищает Родину», лауреатом Сталинской премии Михаилом Блейманом, стал работать над сценарием фильма по мотивам трилогии, и сейчас его ставит Киевская студия художественных фильмов.

Чтобы воссоздать на экране всё, что рассказано в трилогии, понадобилось бы задержать зрителя на несколько вечеров в зале кинотеатра.

Поэтому пришлось с болью в сердце распрощаться с многими героями. После долгих споров мы решили совершенно опустить события, о которых рассказывается в повести «На берегах Днестра» («Дом с привидениями»). Но зато у нас появились новые сцены, несколько иначе действуют в картине и герои.

Недавно я побывал в моём родном городе Каменец-Подольске, где снимается сейчас фильм «Тревожная молодость». Когда я впервые, проехав Новый мост, попал в Старый город, мне показалось, что я хожу по его улицам фабзаучником в годы гражданской войны. На стенах домов опять появились вывески тех лет: «Отель Бельвю», «Парикмахер Жорж из Парижа», «Российская мануфактура М. Гусятинера», а на афишных будках — пёстрые рекламы фильмов, которые демонстрировались в те годы. По улицам разъезжали конные петлюровцы с бархатными «оселедцями» на папахах. Когда надо было снять эпизод разгрома петлюровцев войсками Красной Армии, на помощь съёмочной группе пришёл мой старый товарищ по каменец-подольскому фабзаучу, а сейчас директор завода строительных материалов Ф. Ходорский. Рабочие-подрывники его завода подрывали поблизости от старинной башни Стефана Батория заложенные ими фугасы в то самое время, когда по крутому каменистому спуску мчались вдогонку за петлюровцами советские конники. В это же время дымовые завесы застилали улицы города, а в окнах «разрушенных домов» пылало пламя. Специально заказанные на Мелитопольском обозном заводе тачанки времён гражданской войны разворачивались на крутых спусках. Из пулемётов, что были укреплены на тачанках, красноармейцы вели огонь по петлюровцам. Впрочем, всё это зрители будущего фильма увидят сами на экране.

Снимают фильм «Тревожная молодость» по нашему сценарию молодые режиссёры Александр Алов и Владимир Наумов. Консультирует фильм генерал-лейтенант Герой Советского Союза Н. С. Осликовский. События, которые предстоит отразить на экране, хорошо знакомы ему. Николай Сергеевич Осликовский родом из города Летичева на Подолии. С первых лет революции он служил в кавалерийских частях, что стояли в городах Подолии. И теперь во время съёмок фильма Николай Сергеевич следит за тем, чтобы в создаваемом фильме не было никаких неточностей.

В своих письмах читатели часто указывают на слабые, «недотянутые» места трилогии, заставляют продолжать работу над книгой. И вполне возможно, что со временем, если книга «Старая крепость» будет переиздаваться, читатели обнаружат в ней немало изменений.

Недавно я подготовил к изданию сборник рассказов для детей среднего и старшего возраста «Подарок дяди Андрея». Его намерено выпустить издательство «Молодь» в Киеве. Вместе с профессором Львовского университета имени Ивана Франко Михаилом Рудницким мы подготовили книгу памфлетов «Под чужими знаменами», которая выйдет скоро в издательстве «Молодая гвардия».

Продолжаю я работу и над большим приключенческим романом «Дальние острова». Материал для этого романа я собрал ещё во время Великой Отечественной войны на крайнем севере нашей страны и впоследствии пополнил его на Чёрном море, где сейчас водят корабли немало моряков-северян.

Владимир Беляев



СЧАСТЬЕ ЧИТАТЬ

М. Прилежаева

«Это были поэмы Пушкина. Я прочитал их все сразу, охваченный тем жадным чувством, которое испытываешь, попадая в невиданно красивое место,— всегда стремишься обежать его сразу.

...Полнозвучные строки стихов запоминались удивительно легко, украшая празднично все, о чем говорили они; это делало меня счастливым, жизнь мою — легкой и приятной, стихи звучали, как благовест новой жизни. Какое это счастье — быть грамотным!»



Так Горький описывает чудо первых встреч в детстве с книгой.

Наверное, и ты, юный читатель, не раз испытал это чудо. Что за детство без книги? Взять книгу в руки — уже радость. Перелистаешь страницы, разглядишь картинки, а сердце нетерпеливо постукивает: сейчас, сейчас удивительные страницы перенесут тебя в неведомый край, сведут с людьми, жизнь которых исполнена прекрасных поступков и подвигов, чувств благородных, помыслов чистых, а то и о твоей собственной жизни книги расскажут что-то такое новое, о чём ты и не догадывался! И заплачешь над книгой, и рассмеёшься, и, дочитав до конца, думаешь долго о себе, о товарищах, о жизни. И вдруг с изумлением заметишь, что вокруг тебя мир населён людьми интересными, разными, и захочется, очень захочется стать таким, как любимый герой, судьбу которого ты пережил с участием, восторгом и болью.



Как начинается счастливая страсть к чтению, тебе, читатель, известно.

Бывает, что какой-нибудь карапуз, и азбуке ещё не научившись, услышит от матери или старшей сестры стихи писателя С. Маршака «Вот какой рассеянный с улицы Бассейной», обрадуется музыке слов, шутке, доброй улыбке писателя над чудаком-человеком. А обрадовавшись, непременно скажет: «Ещё!»

Первый шажок сделан. Как, научившись ходить, нельзя не ходить, так и узнав хорошую книгу, нельзя не потянуться к другой, третьей, десятой.

Книг в Советской стране для детей написано много, и многие из них становятся на всю жизнь друзьями читателя.



Так к советскому самому маленькому читателю, вернее, пока ещё слушателю, приходит большой, забавный и щедрый друг «Дядя Стёпа», увиденный в жизни и с любовью и лаской описанный писателем С. Михалковым. Хорошо, когда рядом с тобой шагает дядя Стёпа: в беде не выдаст, от врага защитит. Потом «Рассказ о неизвестном герое» С. Маршака...

И вот от книги к книге ширится мир, богатеют сердце и мысли читателя.

Наконец он берёт довольно объёмистый том — «Повести и рассказы» А. Гайдара. Я завидую тем, кто читает Гайдара впервые. Мой милый читатель, ты держишь в руках книгу, как самое дорогое сокровище, тебя ничто не отвлечёт от неё, пока не будет прочитана последняя строчка, ты взбудоражен, взволнован, ты счастлив!



С каким талантом, искусством, мужеством, нежностью написаны писателем-воином умные, захватывающе-увлекательные книги о советских людях, о всех нас, о тебе! Ведь повесть о Тимуре — это немного и о тебе повесть, о твоей дружбе с ребятами и презрении твоём к хулигану Квакину, о твоей крепкой любви к народу и Родине! И ты вдруг понял, что таким именно Тимуром ты и желал всегда быть.

Вот в чём дело, оказывается. Любишь те книги, которые повелевают тебе быть благородным.

Само собой разумеется, эти книги должны быть интересно написаны. Кому охота читать неинтересные книги!



Если окинуть внимательным взглядом созданную за годы Советской власти литературу для детей, невольно исполнишься гордости. Столько книг, талантливых, умных и интересных!

Мне жаль того нелюбопытного лентяя, который не знает, например, книги В. Катаева «Белеет парус одинокий». Впрочем, едва ли среди вас есть ребята, обкрадывающие самих себя.

Не прочесть этой повести — многого значит лишиться: с такой покоряющей силой большого искусства раскрывает она революционные события 1905 года, судьбы героев, поэтический мир детства! И так интересно!



В. Катаев — писатель большого таланта. Лучшие его книги: «Белеет парус одинокий», «Сын полка», «За власть Советов» — написаны для детей.

Русские классики всегда писали книги для детей (Пушкин, Тургенев, Толстой, Чехов, Горький). Но лишь после Великого Октября в Советской стране создана большая литература для маленьких читателей. Много сил созданию её отдал Горький. И Маяковский писал для детей, и Алексей Толстой.

Литература для детей, крепко связанная с жизнью Советской страны, богата талантами индивидуальными, яркими.



Хорошо пишет Катаев. И Каверин пишет хорошо, но по-другому, по-своему. Так пестра событиями, происшествиями, приключениями жизнь, о которой рассказано в романе «Два капитана». Завязки и развязки человеческих отношений так неожиданны, характеры очерчены чётко и сильно, судьбы людей необычны — книгу читаешь, затаив дыхание: а дальше что?.. И любишь, со всем жаром души любишь Саню Григорьева, совершаешь вместе с ним все его подвиги, яростно ненавидишь Ромашку...

А вот другой писатель. Совсем другая тема, ни на какие другие не похожие книги. Михаил Михайлович Пришвин посвятил своё творчество главным образом описанию русской природы, которую любил, знал и описал широко и поэтично. И вот что любопытно: многие писатели пишут о природе — В. Бианки, К. Паустовский, В. Ананян, Г. Скребицкий — и все по-разному.

Литература богата тогда, когда она разнообразна.



Книги о героях оставляют самый разительный след в нашем сердце и памяти, они нам «строить и жить помогают». Олег Кошевой, Серёжа Тюленин, Зоя Космодемьянская, Алексей Мересьев, Володя Дубинин, Павка Корчагин — слава им! Рядом с героями, взятыми из жизни, живут литературные — Тимур, Гаврик, Саня Григорьев, Васёк Трубачёв и многие другие герои.

Наряду с серьёзными книгами есть книги весёлые. Вы, конечно, смеётесь, читая сатирические стихи А. Барто о девочке-рёвушке или, скажем, о том юном оболтусе, которого не очень умные его воспитатели молят: «Лёшенька, Лёшенька, сделай одолжение,— выучи, пожалуйста, таблицу умножения!» А прочитав, пожалуй, оглянетесь: нет ли рядом такого!



А может быть, вы захотите отправиться в путешествие по необъятной нашей стране? Или захотите проникнуть в удивительный мир науки? Тогда возьмите книги Арсеньева, Ильина, Житкова, Ферсмана, Мантейфеля и другие книги, которые введут вас в трудные, фантастически-интересные области науки, расскажут о технике. И вам захочется узнавать, открывать. И вы захотите своими руками создавать вещи, приносить пользу народу!

Двадцать лет назад, на Первом съезде советских писателей, Алексей Максимович Горький, начиная большой разговор о творчестве, призывал писателей работать для народа во всю силу своего дарования.

Скоро откроется Второй съезд советских писателей.

За двадцать лет между съездами создано большое книжное богатство. За эти двадцать лет написаны лучшие книги для детей: А. Гайдара, С. Маршака, М. Пришвина, К. Паустовского, С. Михалкова, А. Барто, Б. Житкова, М. Ильина, А. Кононова, В. Каверина, В. Катаева, Л. Кассиля, Р. Фраермана и других.



Пришли новые писатели в литературу: Л. Воронкова, А. Мусатов, И. Ликстанов, П. Василенко, Н. Носов, Ю. Сотник, С. Георгиевская, Ф. Вигдорова, Б. Емельянов.

Для всех детей Советской страны, но на языке своём, родном, пишут О. Иваненко, Н. Забила, В. Бычко, П. Воронько, Я. Брыль, А. Якимович, Г. Борян, Г. Степанян, С. Зорян, С. Капутикян, Жан Грива, А. Григулис, Ю. Ванаг...

Собравшись на Второй писательский съезд, мы обсудим свою работу. Мы поговорим о том, что надо сделать, чтобы лучше работать, чтобы больше было книг серьёзных и больше весёлых, смешных, и стихов, и песен, и книг, помогающих в беде, и книг, с которыми радостно жить и трудиться.





НА ПОРОГЕ НОВОЙ ЗИМЫ

П. Людсков,
заслуженный мастер спорта

Для наших спортсменов этот год прошёл напряжённо и вместе с тем радостно. Никогда не бывало такого множества интересных международных встреч, трудной борьбы, больших побед. Прошлая зима многому научила наших лыжников, и, готовясь к новому сезону, мы несколько изменили обычную систему тренировок. Мне хочется рассказать, как тренируются сейчас лучшие лыжники, чтобы и вы переняли у них то, что может принести пользу в ваших занятиях лыжным спортом.

Тренировку сборной команды Советского Союза в этом году мы начали в высоких горах. Но не думайте, что в тренировке участвовали только прыгуны и слаломисты. Вместе с ними тренировались и гонщики, те, которых раньше называли «равнинниками». Зачем же им-то тренироваться в горах? А вот зачем. Дистанция у «равнинников» никогда не проходит по равнине. На пути лыжника всегда встречаются и овражки и высокие холмы. Трасса гонок последнего состязания на первенство мира прошлой зимой была проложена так, что даже у опытных лыжников на подъёмах захватывало дыхание, а спуски бывали настолько круты, что победитель состязания Владимир Кузин смог развивать на склонах скорость около 60 километров в час. Для того, чтобы суметь так быстро спуститься с высокой горы, нужно не только мастерство, нужна ещё привычка к большой скорости.

Вы, наверно, по себе знаете, как бывает страшно съехать с горы. Ведь, сознайтесь, не раз, наверно, вам приходилось, сильно разогнавшись на горе, нарочно падать, чтобы прервать своё стремительное движение. Для того, чтобы перестать бояться скорости, надо привыкнуть к ней. Вот почему многие наши лыжники занимаются и другими видами спорта, приучающими к ещё большей быстроте, чем лыжи, — например, мотоспортом. Вот поэтому-то и тренировались гонщики вместе с слаломистами.

Гонщику надо уметь обходить препятствия на большой скорости. Ведь трасса всё время вьётся между деревьями, повороты её скрыты лесом и всегда оказываются неожиданными для гонщика. От точно сделанного поворота, от умения обойти неожиданные препятствия зависят те секунды и доли секунд, из которых складывается победа. Обычно гонщики изучают повороты на пологих спусках, но нынешней осенью они стали разучивать

их на крутых склонах. Начали они с простого — с поворотов на параллельных лыжах. Но это только в самом начале тренировки. Повороты на параллельных лыжах невыгодны: тут развивается большая сила трения, и, значит, движение замедляется. А кроме того, на этих поворотах с лыж сдирается мазь. Гонщик должен научиться, поворачивая, скользить на одной лыже, только тогда он не повредит смазку лыж и не сбавит скорость.

И вы, ребята, учитесь спускаться с гор. Вначале съезжайте с небольших холмов, потом выберите склоны покруче и повыше. Воткните на склоне несколько веток так, чтобы пришлось объезжать их то справа, то слева. Когда это будет у вас выходить совсем хорошо, переходите к тренировке на лесистых склонах.

Упорно тренировались в этом году наши гонщики и в прыжках на лыжах. Поверхность склонов почти никогда не бывает совсем ровной, без рытвин и бугров. Каждый бугор при той скорости, на какой гонщик мчится с кручи, превращается в естественный трамплин. Даже самая незначительная неровность подбрасывает лыжника на несколько метров. Если не умеешь прыгать, быстрый спуск по крутому склону наверняка кончится неудачей.

Приучаться к спускам по неровному склону надо, конечно, на ровных склонах. Начните с простого: съезжая с горы, то приседайте, то выпрямляйтесь во весь рост, потом попробуйте во время спуска выдвигать одну ногу вперёд, сильно сгибая её в колене. Это — очень важное упражнение: после прыжка лыжник приземляется именно так — выдвигает вперёд одну ногу. Когда и этому научитесь, попытайтесь делать на спуске небольшие прыжки и после каждого взлёта приседать, выдвигая ногу вперёд. Потом переходите на ухабистый склон. Взлетев на бугор, смело оттолкнитесь ногами и приземляйтесь в том положении, какое разучивали перед этим в прыжках на ровном склоне.

Каждый лыжник обязательно должен учиться прыжкам. Постройте себе маленький трамплин и прыгайте с него почаще. Если вы хоть один раз прыгнете, я уверен, это доставит вам такое большое удовольствие, что обязательно захочется повторить прыжок.

Прыжки на лыжах — мужественный и красивый спорт. Сами подумайте, лыжник пролетает по воздуху расстояние до ста метров! Главное искусство здесь заключается в том, чтобы привлечь на помощь своему движению упругость воздуха, которая и помогает и мешает прыжку, в зависимости от того положения, которое придал своему телу лыжник. Во время последнего соревнования на первенство мира финские лыжники поразили всех этим искусством.

Их никто не видел на тренировках, они приехали в последний день и сразу же вышли на состязания. В самом же начале все заметили, что финны начинают свой прыжок, отталкиваясь от трамплина с поразительной силой. После толчка они не



Финский лыжник в полёте с трамплина.



На этом снимке вы видите чемпиона мира Владимира Кузина. Он идёт попеременным шагом. Вот он отталкивается правой ногой и сейчас перейдёт в то положение, которое вы видели на первом снимке в начале очерка. Там Кузин уже скользит на левой лыже, вес тела перенесён на левую ногу, корпус наклонён вперёд. Такое положение помогает долго скользить на одной лыже. Обратите внимание на то, как Кузин ставит для толчка палку: чуть впереди носка ноги и около самой лыжни. Так отталкиваться удобнее всего.

разводят руки в стороны, а сразу же вытягивают их вперёд и резко набирают высоту, а потом... Потом начинается самое удивительное: они летят головой вниз, лёжа на лыжах. «Лечь на лыжи» — это привычное выражение для того, кто прыгает с трамплина. Каждый лыжник стремится во время прыжка всем телом наклониться к лыжам. Но никто ещё не делал это так, как делают финские спортсмены.

Оказалось, что финские спортсмены изменили для этого способ крепления лыжи. Раньше лыжа крепилась к ноге неподвижно, так что каблуки не отделялись от лыжи. Но если каблук закреплён, то нога не согнётся в голеностопном суставе, и это не позволит лечь на лыжи. Вот финны и освободили каблук, пятка у них свободно отходит от лыжи. При таком креплении есть некоторая опасность, что лыжа в момент приземления может соскочить. Но я ни разу не видел, чтобы у финских прыгунов вышла заминка. Приземляясь, они даже не качнутся.

Финны, так же как и их соседи, шведы и норвежцы, жители северных гористых стран, с детства прыгают на лыжах. Это очень важно для лыжника — заниматься прыжками с детства. Чем раньше вы начнёте прыгать на лыжах, тем лучше, и если вы в десять — двенадцать лет ни разу не подниметесь на трамплин и не прыгнете, то в двадцать вам будет страшно сделать это. А без умения прыгать вы не сможете стать ни хорошим гонщиком, ни слаломистом.

Я уверен, что занятия лыжным спортом надо начинать с прыжков, это как раз то, что полезно ребятам. Обычно почему-то начинают с гонок или переходов на лыжах. А это не очень хорошо для ребят. Вы должны помнить, что в детстве очень легко перетренироваться и испортить себе сердце, поэтому устраивать гонки на дистанцию, большую, чем 3—5 километров, не стоит. Да и вообще для вас куда полезнее катание с гор, прыжки и лыжные прогулки, а не состязания на скорость бега.

На прогулку лучше всего ходить всем звеном и прекращать её не тогда, когда все от усталости едва ноги тянут, а когда хотелось бы ещё походить. Для прогулок выбирайте местность пересечённую и учитесь разным способам ходьбы, сменяя в зависимости от обстоятельств один способ другим.

Двухшажный ход хорош на ровной накатистой лыжне. На лыжне, идущей под уклон, лучше перейти на бесшажный или одношажный ход. А как только начнётся целина или тяжёлый снег, идите попеременным ходом. Приучайтесь сразу выбирать, в какой местности каким способом легче всего идти.

Меняя способ, вы отдыхаете, не прерывая движения. Ведь при разных способах ходьбы вовлекаются в работу разные группы мышц. В попеременном ходе больше работают ноги, а при бесшажном — мышцы спины, брюшного пресса и рук. Изменишь ход — включишь в работу другие мышцы, а те, что утомились, отдохнут.

Самое главное, на что нужно обращать внимание всем лыжникам, и особенно вам, ребята, — это с самого начала тренироваться правильно, только тогда и будет польза.

Девятиклассник Станислав Строков быстро шагает по школьному коридору. Поскорее домой! Сегодня задано много уроков. А потом — на стадион, тренировка начнётся ровно в четыре, опаздывать нельзя: до городских соревнований по конькам остались считанные дни.

— Стась, обожди!— слышится сзади окрик.

Станислава догоняет невысокий паренёк в пионерском галстуке с коньками подмышкой. Это семиклассник Борис Сарычев.

— Послушай, Стасик, наточи мне коньки. Ты, говорят, здорово точишь.—И торопливо добавляет:— У нас завтра отрядные соревнования по хоккею, а коньки, видишь, затупились, а в мастерскую я уже не успею отнести.

— Эх ты, спортсмен! Не мог заранее позаботиться! На соревнования ехать — коньки точить. Ну, давай сюда твои коньки.

— На, только эти не мои. Эти мишины. А мои вот они.— И из портфеля Бориса появляется ещё пара коньков.

— Да ты что, смеёшься?— вскипает Станислав.— Ты ещё со всего класса собрал бы.

— Вовсе не со всего класса. Всего три пары: мои, мишкины и серёжины. — И, заметив, что Станислав окончательно разозлился, смиренно добавляет: — Ладно уж, Сергею можешь не точить. Он запасной.

— Ну, скажи сам, как это, потвоему, называется?— возмущается Станислав.

— Это? Это спортивная дружба. Спортсмены всегда должны выручать друг друга.

Станислав глянул на хитроватое борино лицо и невольно рассмеялся.

— Ладно, давай все коньки. Только имей в виду: это в последний раз.

— А потом как же?



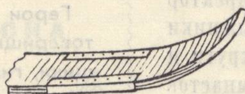
СПОРТИВНАЯ МАСТЕРСКАЯ

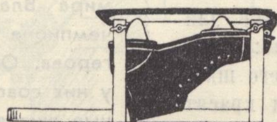
Л. Фридман

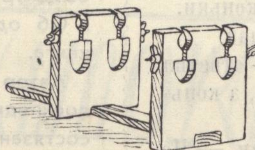












Видите, как можно починить обломанный носок лыжи фанерой и жестью, треснувшую палку — кожей или верёвкой, как сделать станок для точки коньков.

— Посмотришь. Я кое-что придумал.

На другой день Станислав Строков и его приятель Валентин Евтюхин пришли к преподавателю физкультуры Алексею Яковлевичу Колоскову. Разговор продолжался недолго. Но именно после этого разговора на дверях пионерской комнаты появилось объявление: «Все, кто хочет учиться точить коньки, приходите в пятницу после уроков в пионерскую комнату».

Так начала своё существование школьная мастерская спортивного инвентаря.

Сначала в ней был только один станок для точки коньков, принесённый Станиславом из дому. Станислав объяснял ребятам, что коньки должны закрепляться в станке параллельно друг другу, что брусок надо держать наклонно к лезвию и вести его непременно от передней части конька к задней.

Ребята раздобыли целый набор брусков: крупнозернистые — точить, мелкозернистые — шлифовать.

Народу в мастерской собиралось много. Ведь коньки есть почти у всех, даже у первоклассников. В мастерской после уроков выстраивалась целая очередь.

— Одного станка мало,— решили ребята. — Где бы взять второй?

— Сделать самим,— предложил Алексей Яковлевич.— Не так уж сложно. У меня и чертежи есть.

В школьной столярной мастерской Боря Сарычев и Женя Второв выстрогали подставку, вырезали стойки с прорезами для коньков. Одну стойку закрепили наглухо, другую сделали подвижной, чтобы перемещать её в зависимости от длины конька. Когда станок был готов, Боря с Женей стали точить свои коньки только на нём, уверяя, что он ничуть не хуже покупного. Скоро и остальные конькобежцы в этом убедились.

Работа в мастерской полюбилась



Борис Шилков, чемпион мира и Европы, всегда сам точит свои коньки.

всем. Ребят собралось так много, что директор отдал для мастерской целую комнату. Лыжники ремонтировали здесь крепления, чинили круги и наконечники палок. Младшая группа гимнастов мастерила флажки для вольных упражнений. Но разве можно в мастерской, где так весело и дружно кипит работа, делать всё только для себя? Само собой установилось правило: каждый мастерит то, что сейчас нужнее всего школе. И нередко случается, что лыжники красят ножки гимнастического коня, а баскетболисты помогают приводить в порядок школьные лыжи.

Однажды во время работы Станислав подошёл к Борису, старательно точившему коньки.

— Твои? — поинтересовался Станислав.

— Нет, мишкины, приятеля моего, — ответил Боря.— Понимаешь, второй разряд у него, а коньки наточить не умеет. Чудно, правда?

— Бывает, — усмехнулся Станислав. — Но ведь ты его научишь?

— А как же? Любишь кататься — люби и конёчки точить.

Тула, школа № 41.

КНИЖНАЯ ПОЛКА СПОРТСМЕНА

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЛЫЖНИКА

Лыжи в нашей стране известны людям очень давно. Их придумали больше четырёх тысяч лет тому назад. Но тогда на лыжах ходили совсем не так, как ходим мы. Самые древние рисунки изображают лыжников только с одной палкой, в другой они держат оружие. Лыжи нужны были нашим предкам для охоты и для войны. И сами лыжи совсем не были похожи на теперешние. Каким образом учёным удалось всё это открыть, вы узнаете, прочитав книгу, выпущенную в этом году издательством «Физкультура и спорт», «По снежным просторам» Е. Симонова и В. Нагорного.

Книга «По снежным просторам» написана для ребят. Здесь есть и история лыж, и рассказы о самых больших победах наших спортсменов, и советы тем, кто учится ходить на лыжах. Это нужная и полезная всем вам книга, вроде энциклопедии юного лыжника.

РАССКАЗЫ О ПОБЕДИТЕЛЯХ

Герои книги Всеволода Дайреджиева «Мои товарищи» — лыжники и конькобежцы, мотогонщики, гимнасты, бегуны и велосипедисты. В этом сборнике есть рассказы о чемпионах мира Борисе Шилкове и Викторе Чукарине, о рекордсмене мира Владимире Казанцеве, об олимпийском чемпионе Арсене Мекокишвили. В книге много героев. Они совсем не похожи друг на друга, у них совсем разные характеры и очень несходные жизненные дороги. Но есть то, что объединяет их всех: они упорно и настойчиво идут к поставленной цели, не сдаются, как бы ни было трудно, и побеждают.

Об одержанных ими победах и рассказывает книга.

Автор книги В. Дайреджиев — лыжник и велосипедист, он участник и победитель многих состязаний, поэтому так правдиво и интересно он рассказывает о лучших наших спортсменах.

В ЧАСЫ ДОСУГА

ТУРИСТ



Рано утром шли два туриста. Им повстречался третий турист.
— Покажите мне, пожалуйста, дорогу к селению,— говорит он.
— Здесь нет дороги,— ответили туристы,— но до селения близко, вы и без дороги найдёте, если пойдёте прямо на восток.
— Спасибо,— ответил турист и бодро зашагал на поиски селения.
Как вы думаете, скоро этот чудак найдёт селение?

ВЫВЕСКА



Эту вывеску повесят сейчас на одном из домов. Что написано на вывеске?

МАЛЕНЬКИЕ РЕБУСЫ

васса сохва



время час



вер тарел рве

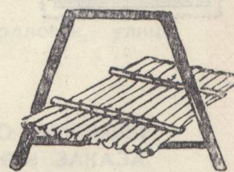


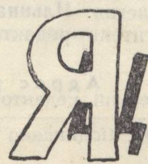
жи лин











В МАШИНЕ



Шофёр автомашины, мчавшейся по шоссе, взглянув на счётчик, заметил, что число пройденных километров читалось одинаково как слева направо, так и справа налево: 15951.

— Занятно!.. — подумал он.— Теперь не скоро, наверно, такое число появится на счётчике.

Однако ровно через два часа он увидел на счётчике другое число, которое тоже в обе стороны читалось одинаково.

Определите: с какой скоростью ехала машина эти два часа?

ОТВЕТЫ
НА ЗАДАЧИ, ПОМЕЩЕННЫЕ В №№ 8 и 10

НАПИШИТЕ

Канада, Панама, Малага (Испания), Парана (Южная Америка).

НЕОЖИДАННАЯ СУММА

Вы разделили на две части не число, а листок, на котором оно написано. Ясно, что это действие не имеет никакого отношения к математическому делению.

Складывая две единицы, вы не учитывали, что одна из них обозначает в числе 11 количество десятков.

ЧАЙНИКИ

Как видно на рисунке, оба чайника одинакового объёма. Поэтому раньше закипит чайник с широким дном, так как у него площадь нагрева больше.

КАКИЕ ЭТО РЕКИ?

Или, Ганг, Неман, Волхов, Ориноко, Амазонка.

КАК ИХ ЗОВУТ?

По условию задачи ясно, что ни одного из двух мальчиков, между которыми стоит Нюра, не зовут Володей. Чтобы оказаться рядом с Володей, девочке, очевидно, надо встать на второе место слева. Тогда на правом конце ряда и оказались бы по соседству друг с другом два тёзки. Значит, крайним слева стоит Коля, за ним Володя, дальше Петя, Нюра и второй Петя.

СОДЕРЖАНИЕ







На обложке:
рисунок А. Ливанова
«На Северном полюсе».

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комната 235, тел. Д 3-30-73.
Технический редактор А. Ефимова. Рукописи не возвращаются.

А 06248. Подписано к печати 23/X 1954 г. Форм. бум. 84×108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.
Тираж 200 000 экз. Изд. № 879. Зак. 2968.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

В магазинах книготоргов имеются в продаже



Тематические коллекции советских почтовых марок

(В АЛЬБОМНЫХ ТЕТРАДЯХ)

Маркс—Энгельс—Ленин—Сталин	35 марок — 13 р. 85 к.
Великая Октябрьская социалистическая революция	31 марка — 10 р. 10 к.
Полководцы и флотоводцы	24 марки — 9 р. 50 к.
Наши путешественники-исследователи	19 марок — 8 р. 73 к.
Учёные нашей Родины	33 марки — 11 р. 90 к.
Художники, архитекторы и композиторы нашей Родины	27 марок — 11 р. 85 к.
Молодёжь нашей Родины	24 марки — 7 р. 25 к.
Писатели нашей Родины	37 марок — 12 р. 05 к.
Памятники и скульптура	27 марок — 8 р. 95 к.

ВСЕ ЭТИ КОЛЛЕКЦИИ МОЖНО ТАКЖЕ ЗАКАЗАТЬ ПО ПОЧТЕ:

Магазину № 63 Москниготорга — Москва, К-31, Кузнецкий мост, 20.

Магазину № 44 Ленкниготорга — Ленинград, Невский проспект, 78.

Магазину «Ноты» Свердкниготорга — Свердловск, улица Ленина, 22-а.

СТОИМОСТЬ КОЛЛЕКЦИЙ И РАСХОДОВ ПО ПЕРЕСЫЛКЕ УПЛАЧИВАЕТСЯ НА ПОЧТЕ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ЗАКАЗА.

Филателистическая контора

Цена 2 р. 50 к.

Спортивные рекорды Андрейки Врушкина

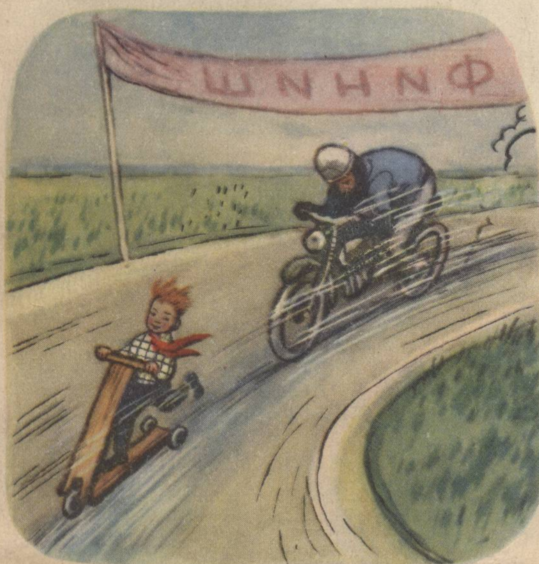
Ю. Новикова. Рисунки О. Зотова.



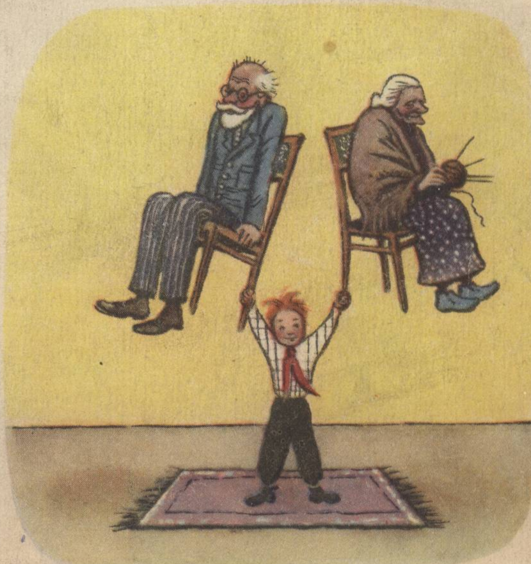
На кошках собственной системы
Взобрался я на острый пик.
Сижу с любимейшей из книг...
Орлы от изумленья немы.



Надуты ветром паруса;
Как птица, в небо я взвился.
Высоко над пучиной вод
Несётся яхтосамолёт.



Я нынче гонщик удалой.
Качу, сигналя звонко.
Мой самокат летит стрелой,
А все — за мной вдогонку.



Я стал могучим силачом,
Все тяжести мне нипочём.
Спокойны оба старика:
Не дрогнет крепкая рука.